

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОСТОЧНО-СИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
КУЛЬТУРЫ»

На правах рукописи

Амгаланова Мария Викторовна

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ РЕПРЕССИЙ В
НАЦИОНАЛЬНОЙ БУРЯТСКОЙ КУЛЬТУРЕ (НАЧАЛО XX ВЕКА -
КОНЕЦ 1930-Х ГОДОВ)**

Специальность 24.00.01 – Теория и история культуры (культурология)

Диссертация на соискание ученой степени доктора культурологии

Научный консультант:

Д.и.н., доцент Цыремпилова И.С.

Улан-Удэ

2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕПРЕССИИ КАК ФЕНОМЕНА КУЛЬТУРЫ.....	21
1.1. Репрессия как феномен культуры: сущность и понятие.....	21
1.2. Нормативность и репрессивность в культуре как теоретико-методологическая проблема.....	46
1.3. Социально-исторические условия репрессии в культуре.....	81
ГЛАВА II. ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БУРЯТСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....	112
2.1. Противоречия и тенденции становления национального самосознания бурят в начале XX века	112
2.2. Советская культурная политика как фактор формирования и развития национальной бурятской культуры в 1923-1930-е годы	138
2.3. Особенности развития бурятской литературы как части национальной культуры в 1920-1930-е годы	168
ГЛАВА III. НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРНАЯ ЭЛИТА В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В БУРЯТИИ В 1920-Е – 1930-Е ГОДЫ.....	204
3.1. Региональная специфика социокультурных условий и факторов репрессий в 1920-1930-е годы.....	204
3.2. Национальная бурятская литература как объект репрессий на примере творчества бурятских писателей.....	234
3.3. Реабилитация бурятской культурной элиты и ее творческого наследия во второй половине XX – начале XXI веков	261
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	296
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	301

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Переломные события в России конца XX – начала XXI веков кардинально изменили социально-политическую жизнь и вызвали переосмысление историко-культурных процессов, происходивших в первой трети XX века. Современный научный и публицистический дискурс дает широкий спектр диаметрально противоположных оценок этих процессов от ортодоксально-апологетических до негативистских. Сегодня одним из острых и болезненных вопросов является проблема формирования и развития национальных культур внутри советской культуры, путей взаимодействия культурной элиты с властью, применения государственных репрессий в отношении творческой интеллигенции, проецирующая на современную политическую практику.

Научно-исследовательский и общественный интерес к репрессивной политике 1930-х годов разделил российское общество на два идеологических лагеря: тех, кто поддерживает эту политику и тех, кто выступает с ее критикой. Это предопределило насущную необходимость и актуальность вычленения объективных оснований для характеристики и оценки как исторических событий первой трети XX века, так и людей, осуществлявших общественно-политическую и художественно-творческую деятельность.

Бурятия имеет многовековую, самобытную историю и культуру. Территория Забайкалья вошла в состав Российской империи, но буряты вплоть до начала XX века сохраняли кочевой образ жизни и традиционную культуру. На рубеже XIX-XX веков социально-политические процессы обусловили подъем национального самосознания и движения практически во всех регионах и национальных окраинах страны. Территориальная близость к Монголии, общность исторического пути и религиозных воззрений привели к формированию в среде зарождавшейся бурятской национальной интеллигенции концепции панмонголизма. Бурятскими реформаторами данная концепция реализовывалась в культурных (возрождение национальной культуры) и политических (создание Всемонгольского

государства) формах.

Объективный анализ реализации концепции панмонголизма, а также условий и факторов применения репрессий в отношении его деятелей, позволит избежать различных спекуляций на тему национальных, религиозных, политических и мировоззренческих вопросов. Общеизвестными становятся примеры намеренного искажения фактологического материала, ярко выраженный субъективизм в подаче материала, что обусловлено не в последнюю очередь конъюнктурными соображениями.

Исследование обширного фактологического материала, касающегося репрессий в национальной бурятской культуре, с позиций культурологического подхода позволит выявить и проанализировать социокультурные условия и факторы формирования репрессивной политики, влияния репрессий на национальную культуру с точки зрения категорий культурологии. Культурологический подход изучения репрессий, исходя из диалектики объекта и субъекта репрессии, помогает выявить их мировоззренческие и ценностные ориентации и определить объективные критерии оценки репрессивной политики в контексте значимости для государства и общества в целом.

Идеи и творчество национальной бурятской интеллигенции, подвергшейся репрессиям, являются культурным наследием бурятского народа. Это обуславливает необходимость рассмотрения процесса реабилитации бурятской элиты и ее творческого наследия во второй половине XX - начале XXI веков. Вопросы национально-культурного строительства, поднимаемые ими в начале XX века, не потеряли социально-политической остроты и сегодня остаются актуальными и востребованными.

Степень разработанности. Осмысление нормативного и репрессивного критериев культуры имплицитно было представлено в трудах мыслителей со времен Античности. В концепциях культуры искомые критерии становились одними из важных элементов идеологического

обоснования и формирования общественного сознания и поведения.

Вопросы нормативности и репрессивности приобретают особенное значение в контексте развития культурологической науки и ценностного содержания культуры. В трудах М. Вебера, В. Виндельбанда, К. Маркса, Ф. Ницше, Г. Риккерта, О. Шпенглера, Н.А. Бердяева, П.А. Флоренского и других культура определяется ценностно-ориентированными аспектами развития общества. Аксиологическая проблематика в контексте исследования получила осмысление у исследователей рубежа XIX-XX веков в аспекте кризиса культуры, обусловленного наличием оппозиционных ценностей, находящихся в различной степени конфликтности. Это привело к определению нормативности как важнейшего элемента общественного развития, а культуры как универсального инструмента управления обществом.

Проблема определения социокультурной функции репрессии прослеживается в исследованиях целого ряда ученых различных направлений. В работах, связанных с теорией социальных систем, структурной организацией общества, под репрессией рассматриваются необходимые средства, которые обеспечивают безопасность государственного управления и поддержания правопорядка, являющиеся существенной частью исторического процесса (Э. Дюркгейм, Д. Истон, М. Моос, Т. Парсонс, Э. Тайлор, С. Хантингтон). Социокультурная функция репрессии получает освещение в работах А.В. Атояна, Л.К. Кругловой, А.Я. Флиера, И.Г. Яковенко; как объективная данность социальной организации общества – Л.И. Летягина, Ю.М. Лотмана, В.А. Тишкова; как часть политической жизни – И.И. Алиева, П.В. Жестерова, А.Г. Петрова; в контексте эстетических механизмов ее формирования – К.Н. Анкудинова, А.А. Аствацатурова, М. Берга, И.Е. Васильева, Е.А. Репиной, В.А. Суковатой, Ю.М. Тынянова; как один из аспектов формирования общественных отношений – А.Б. Есина, Л.Н. Кореневой, И.И. Мочалова, Б. Парамонова, Э.В. Соколова, А.А. Сычева, Н.А. Чернядьева, Т.Б. Щепанской, И.Г. Яковенко, М.Г. Ярошевского; в

особенностях формирования образа «Другого» – З. Баумана, Е.Н. Шапинской и других.

Место и роль репрессии в контексте государственной политики советского государства стали предметом диссертационных исследований П.С. Зиноватного, А.М. Евстратова, З.Р. Гариповой, Д.Г. Михайличенко, А.А. Нейстат, Д.В. Полежаева, А.Г. Сапожникова, Е.В. Сосновских, В.Н. Уйманова, А.Н. Усенко и многих других. Отдельную группу работ составляют региональные диссертационные исследования последнего десятилетия: М.Н. Калужский, Г.Р. Каримова, М.С. Ковлягин, Д.В. Лебедева, Д.Б. Фартусова, И.С. Шилова, Т.У. Эльбуздукаева и других.

Особенности и специфика культурного строительства в первые послереволюционные десятилетия отражены в работах идеологов партии: В.И. Ленина, А.В. Луначарского, Н.К. Крупской, И.В. Сталина, Н.И. Бухарина.

В советский период в соответствии с идейно-политическими установками работ, освещающих вопросы репрессивной политики, практически не было. Это предопределило впоследствии наличие диаметрально противоположных мнений в оценках и масштабах репрессивной политики. Тем не менее, в трудах М.С. Андреевой, В.Т. Ермакова, М.П. Кима, коллективном труде «Культурная революция в СССР» имели место попытки обобщения опыта партийно-государственного руководства культурой, в работах П.П. Амелина, А.И. Арнольдова, коллективном труде «Советская интеллигенция» отражены различные аспекты взаимодействия властных структур и творческой интеллигенции.

С распадом Советского Союза споры об исторических судьбах, альтернативах развития отечественной культуры, политических репрессиях приобрели острый общественно-политический характер, отличающийся поляризацией оценочных суждений. В трудах Ю.Е. Архангельского, М.М. Бахтина, В.С. Библера, Л.А. Булавки, Д.В. Джохадзе, К.М. Кантора, М.С. Маркаряна, В.М. Межуева, В.З. Паперного, К.Э. Разлогова, В.И. Тюпы, А.И.

Шендрика и многих других история отечественной культуры советского периода рассматривается в контексте многообразных связей ее становления и развития, исключая политико-обвинительный ракурс, который, несомненно, мешает объективному научному осмыслению феномена советской культуры.

Историко-политические, социально-экономические, культурные аспекты формирования советской социалистической культуры в контексте данного исследования рассмотрены в трудах Л.А. Булавки, Л.Б. Захаровой, С.Г. Иванова, А.В. Костиной, А.М. Лесовиченко (особенности культурного строительства), Е.А. Володиной, А.М. Евстратова, Е.В. Севостьянова (идейно-политическая характеристика), Е. Сальниковой, Н.Л. Шайгордановой (повседневная культура), В.П. Конева, Г.Н. Рябовой, Я.В. Солдаткиной (художественная культура), И.Е. Васильева, В.С. Жидкова, Ф.Х. Соколовой (взаимоотношения власти и творческой интеллигенции).

Большой вклад в изучение, анализ и оценку специфики становления и развития национального бурятского движения, влияния политических репрессий на культурную жизнь, особенностей взаимоотношений органов государственной власти с творческой интеллигенцией внесли труды С.П. Ангаевой, В.В. Бабакова, Б.В. Базарова, М.Н. Балдано, Б.Б. Батуева, Л.Б. Жабоевой, Л.В. Кураса, М.Г. Степанова, В.А. Хамутаева, Б.Д. Цибикова, Э.В. Цыжипова, И.С. Цыремпиловой, Ю.С. Ширапова и многих других. В работах указанных исследователей с современных позиций рассматриваются историко-культурные процессы 1920-1930-х годов, объективно расцениваются имевшие отрицательную оценку в советский период «буржуазный национализм» и «панмонголизм», освещаются проблемы взаимовлияния социально-политической жизни и советской репрессивной политики на становление и развитие национальной культуры Бурятии.

Комплекс социокультурных преобразований в Бурятии в этот период с позиций модернизации проанализирован в трудах В.В. Номгоевой, проблемы реформирования письменности – В.В. Базаровой, литературного языка – Л.Д. Шагдарова, художественной жизни – Е.С. Манзыревой,

особенности формирования бурятской социалистической культуры – Е.Г. Санжиевой, С.В. Балдано (Кириченко), З.Е. Цыреновой. Также эти вопросы были подняты в коллективных работах «Очерки истории культуры Бурятии», «Очерк истории бурятской советской литературы», «История бурятской советской литературы», «Эстетическое и художественное образование в Бурятии», трехтомнике «История Бурятии». В работах Л.А. Алексеевой, Т.А. Бороноевой, Ц.-А. Дугар-Нимаева, Т.М. Дугаржаповой, Д.С. Дугарова, М.Ц. Гончиковой, Я.О. Жабоевой, С.С. Имихеловой, И.А. Кима, О.И. Куницына, М.К. Миткинова, В.Ц. Найдакова, В.Ц. Найдаковой, А.Б. Соктоева, И.И. Соктоевой Г.О. Туденова, А.И. Уланова, Л.Ц. Халхаровой рассмотрены процессы становления, развития и профессионального роста в сфере национального изобразительного, музыкального, театрального искусства, литературы Бурятии, показано повышение профессионального мастерства национальных кадров культуры и искусства и эстетического уровня зрителей. Усилиями бурятских ученых исследование традиций и особенностей становления и развития бурятской литературы первых послереволюционных лет вышло за рамки чистого литературоведения. Поле научного анализа стали не столько сами литературные тексты, сколько мышление, мировоззрение, культурно-исторический контекст, взаимосвязь и взаимодействие национальных литературных и фольклорных традиций, оказавших влияние на становление бурятской литературы.

Таким образом, проанализировав обширный пласт научной литературы, можно констатировать, что вопросы нормативности, репрессивности, условий и факторов репрессий в культуре очерчены широким кругом проблем. Однако следует отметить, что в научной литературе отсутствуют специальные работы теоретического характера, а также комплексные исследования, объясняющие принципы и логику формирования репрессивной политики в Бурятии, условия и факторы репрессий в национальной бурятской культуре.

Проблема диссертации основывается на противоречии нормативности

и репрессивности в динамике общественного развития и в культуре, особенно в сложные периоды кардинальных политических и социально-экономических трансформаций. Это ставит вопрос об условиях и факторах, сущности, характере и механизмах взаимовлияния нормативности и репрессивности в становлении культуры, обуславливает необходимость объективного исследования истории культуры Бурятии в контексте возвращения репрессированного творческого наследия в научный, образовательный и художественно-творческий процесс.

Объектом диссертационного исследования является национальная бурятская культура начала XX века – конца 1930-х годов.

Предметом – социокультурные процессы влияния репрессий на особенности развития национальной бурятской культуры начала XX века – конца 1930-х годов.

Целью диссертационного исследования является выявление и характеристика социокультурных условий и факторов репрессий в национальной бурятской культуре начала XX века – конца 1930-х годов. Поставленная цель определяет следующие **задачи** диссертационного исследования:

- выявить сущностные характеристики феномена репрессии в контексте культуры;
- осуществить теоретико-методологический анализ репрессивности и нормативности в культуре;
- охарактеризовать социальные и исторические условия репрессии в культуре;
- рассмотреть противоречия и тенденции национального самосознания бурят в начале XX века;
- проанализировать особенности формирования национальной бурятской культуры в идейно-политическом контексте взаимоотношений власти и интеллигенции в 1923 - 1930-х годах;
- выявить основные тенденции становления и развития бурятской

литературы как части национальной культуры;

- исследовать региональные социокультурные условия и факторы формирования репрессивной политики в БМАССР в 1920-1930-е годы;
- рассмотреть национальную бурятскую литературу на примере произведений национальной интеллигенции как объект репрессии;
- показать процесс реабилитации бурятской культурной элиты и ее творческого наследия во второй половине XX-начале XXI веков.

Хронологические рамки исследования охватывают период от начала XX века до конца 1930-х годов, являющегося важным в истории Бурятии, как время острых политических событий и дискуссий, смены режимов, влияния партийной идеологии на развитие национальной бурятской культуры, в контексте экономической и социокультурной модернизации. Этот период характеризуется активной деятельностью бурятской интеллигенции по вопросам национального самоопределения и культурного строительства в контексте концепции панмонголизма и репрессий в их отношении.

Источниковая база диссертационного исследования представлена широким кругом документов и материалов различного происхождения, среди которых условно можно выделить следующие группы.

Законодательные и нормативные акты РСФСР/СССР/РФ, которые в своей совокупности позволили проследить механизм реализации не только репрессивной, но и реабилитационной политики. К ним следует отнести: Уголовный кодекс РСФСР (1922 г.), Уголовный кодекс РСФСР (1926 г.), постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» (1938 г.), указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии» (1953 г.), указ Президента СССР «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 1920-1950-х гг.» (1990 г.), Федеральный закон РФ № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» (1991 г.), Федеральный закон № 67 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с увековечиванием памяти жертв политических репрессий» (2016 г.) и др. Не менее важное

значение имеют постановления и резолюции партийных органов по вопросам развития художественной литературы: постановление Политбюро ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» (1925 г.), постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «О перестройке литературно-художественных организаций» (1932 г.), резолюция ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной культуры» (1932 г.).

Опубликованные сборники документов предоставляют возможность воссоздать объективную канву историко-культурного развития Бурятии в первой трети XX века: «Национальное движение в Бурятии в 1917-1919 гг.: Документы и материалы», «Лишены избирательных прав» и др.

Особое место в реабилитационном процессе занимают *«Книги памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия»*, которых с 2007 г. по настоящее время издано 7 томов. Списки репрессированных лиц содержат необходимый информационный объем биографических данных: дата и место рождения, социальное положение, место жительства, дата ареста, перечень статей из УК РСФСР, по которым гражданин был обвинен и приговорен к наказанию, приговор, дату реабилитации.

Центральная и региональная периодическая печать 1920-1930-х гг., материалы которой дают представление о политической и общественной ситуации тех лет. Материалы газет «Правда», «Труд», «Литературная газета», «Бурят-Монгольская правда» (1923-1934 гг.) отражали официальную точку зрения, поэтому требуют критического подхода.

Научные труды, статьи, очерки, заметки Б. Барадина, М. Богданова, П. Дамбинова, Ц. Жамцарано, Э.-Д. Ринчино, Г. Цыбикова и других представителей национальной бурятской интеллигенции первой четверти XX века, в которых были определены общие проблемы развития национальной культуры, рассмотрены вопросы самоопределения, ассимиляции, культурного наследия бурятского народа.

Художественные произведения на русском и бурятском языках (в переводе автора) позволяют показать особенности формирования

национальной бурятской культуры глазами очевидцев, раскрыть мировоззренческую позицию национальной интеллигенции, объявленную противоречащей официальной идеологии и послужившей доказательной базой в пункте обвинения в контрреволюционной деятельности.

Методологическая база исследования основывается на применении следующих подходов. Системный подход (Л. Уайт, Т. Парсонс, М.С. Каган) позволяет рассматривать культуру как «целостное поле» в контексте онтологических и аксиологических аспектов социокультурной практики человека. С позиций деятельностного подхода (К. Маркс, В.Е. Давидович, Ю.А. Жданов, Э.С. Маркарян) культура рассматривается как специфическая сфера деятельности человека, являющаяся отражением присущих ей ценностных ориентиров, поддержание и трансляция которых связана с внутренним миром человека, с конкретными общественными целями и зависят от логики общественного развития. Аксиологический подход (В. Виндельбандт, Г. Риккерт, М. Вебер, Н.А. Бердяев) позволяет представить культуру как онтологически и ценностно обозначенный феномен, показать, что именно ценность обеспечивает управление социокультурной организацией деятельности человека. Историко-культурологический подход (А.И. Арнольдов, М.С. Каган, В.М. Межуев, С.Н. Иконникова, Л.А. Булавка, В.П. Конев) позволяет выявить логику наличия, бытования и применения репрессий в культуре отдельного государства, влияния условий и факторов репрессий в формировании культуры и на жизни и судьбы культурной элиты.

Основными **методами** диссертационного исследования стали общенаучные, общегуманитарные и культурологические методы, такие как проблемно-логический, структурно-функциональный, семантический и метод анализа, которые дали возможность реализовать основную цель исследования – выявление и анализ условий и факторов, влияющих на становление и динамику репрессий в национальной бурятской культуре. Применение историко-культурного и структурно-функционального методов позволило выявить шкалу культурных ценностей, репродуцируемых

властными структурами и особенности их бытования, а также рассмотреть их влияние сквозь призму исторического изменения содержания советской культурной политики. Семантический метод дал возможность выявить и проанализировать ценностную сущность национальной культуры, специфику выразительных средств, художественных идей, творческих приемов, мировоззренческую позицию культурной элиты через анализ художественной литературы, наполненной историческим временем, эмоциональной конкретностью и интеллектуальным объемом содержания.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1. Выявлена социокультурная природа репрессии, которая одновременно может играть положительную и отрицательную роль в жизни общества, субъектом которой выступает только государство. В исследовании обосновано, что репрессия – это одна из функций государства, служащая инструментом политического контроля.

2. Показано, что нормативность и репрессивность являются специфическими характеристиками культуры, которые несут аксиологический смысл. Аксиологическое противостояние нормативности и репрессивности отражает интересы правящей элиты и оппозиционных сил.

3. Анализ нормативности и репрессивности культуры показывает, что их взаимообусловленность задает векторы социокультурного развития. Обосновано, что социальные и исторические условия репрессий формируются в контексте культурной политики государства.

4. Представлен анализ факторов подъема национального самосознания и национального движения в сложных и противоречивых социально-политических условиях, особенностей становления и развития культурных и политических форм концепции панмонголизма, реализуемых бурятской национальной интеллигенцией. Показано диалектическое противоречие идеологии панмонголизма, с одной стороны, отражавшей стремление к актуализации идеи общемонгольского мира, но с другой – способствовавшей возрождению национальной культуры, сохранению и трансляции

культурного наследия Бурятии.

5. Показано, что, благодаря государственной политике ускоренными темпами получили развитие абсолютно новые формы и виды художественной культуры Бурятии, была реализована задача по созданию конкурентоспособной национальной художественной культуры, осуществлена культурная интеграция бурятского народа в общероссийский и общемировой процесс.

6. Обосновано, что ведущую роль в формировании национальной бурятской культуры принадлежало литературе, которая одновременно явилась отражением духовно-исторической целостности и национального самосознания бурятского народа, а также новых ценностей социалистического строя.

7. Доказано, что модернистские идеи панмонголизма, выдвигаемые бурятской интеллигенцией, стали основными условиями формирования региональной специфики репрессивной культурной политики в 1920-1930-е годы. Выявлено, что практические вопросы формирования национальной культуры перешли в политическую плоскость и получили понимание как ресурс политической мобилизации, как инструмент достижения политических целей в контексте сепаратизма и контрреволюционной деятельности. Показано, что в основании применения репрессий лежал конфликт национальных идеалов и ценностей, продуцируемых бурятской культурной элитой, и социально-классовых – властными структурами.

8. Раскрыта противоречивость основных тенденций формирования национальной бурятской культуры на примере анализа литературных произведений Б. Барадина (в переводе автора), Д. Дашинимаева, С. Туя и других. Показано, что в их творчестве отсутствуют буржуазно-националистические элементы, но выделяется система духовных ценностей как национальных, так и социалистических, не получившие должной оценки в контексте идейно-политических и культурно-исторических процессов советского периода.

9. Обосновывается сложившееся противоречие между механизмами реабилитации репрессированных деятелей культуры и их творческого наследия и реальным положением в процессе возвращения их в официальный дискурс истории культуры Бурятии. Предлагается модель современных социокультурных практик, способствующих действительному процессу реабилитации, как явлений национальной культуры, так и имен общественных деятелей Бурятии.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту.

1. Репрессия является неотъемлемой частью культуры, в основе применения которой лежат определенные основания. Социально-политическая практика доказала, что репрессия представляет собой действенный инструмент государства по отношению к нарушителям в соответствии с явными и неявными политическими нормами. Конструктивная положительная роль репрессии в культуре заключается в обеспечении социокультурной идентичности, устойчивого развития общества, противостоянии его распаду, служит залогом выживания конкретного общества, особенно в кризисные периоды. С другой стороны, как инструмент контроля, ограничивает творческий потенциал личности и общества, несет разрушительные последствия.

2. Одной из главных функций культуры является функция регулирования посредством установления норм и соответствующих наказаний за их несоблюдение. В истории культуры мировоззренческая рефлексия нормативности и репрессивности определяется тем, что они являются значимыми параметрами культуры, носят системообразующий характер.

3. В социокультурной практике нормативность и репрессивность становятся формами политического контроля культурной жизни. Основной целью репрессивной политики становится создание монообщества, за счет установления матрицы ценностей и идеалов, продуцируемых государством и правящей элитой, выступающих социокультурными условиями репрессий в

культуре. Имеющаяся культурная практика (мировоззренческие позиции, национальные традиции, религиозные представления и т.п.), не удовлетворяющая идеологическую позицию власти, признается властью вредной, ненужной, ей навязывается маргинальный статус.

4. Государственная политика на рубеже XIX-XX веков привела к подъему национального самосознания бурят и национального движения, проявившегося в концепции панмонголизма. На бурятской почве эта идея изначально проявлялась в культурных формах, где концептуальными стали вопросы сохранения идентичности, национальной культуры, религии и языка, став «золотым веком панмонголизма». Политический подтекст концепция панмонголизма получила в сложных и противоречивых геополитических условиях Гражданской войны.

5. Специфика первого послереволюционного десятилетия в становлении национальной бурятской культуры заключалась в кардинальной трансформации всей сферы культуры, характеризовавшейся многообразием форм и динамичностью социокультурного развития, смешения разных эпох, идейно-политических, социально-экономических и религиозных процессов, художественных течений, стилей и методов. Уважительное и бережное отношение к культурному наследию, несмотря на радикальные преобразования, в основе которых лежала неразрывная связь с идеологическим компонентом, не исчезло из национальной культуры, в том числе и в советский период.

6. Национальная бурятская литература стала одновременным отражением ценностных доминант социалистического строительства и национального мировоззрения. Национальная бурятская литература, которая не имела традиций письменной прозы и драматургии, буквально за два десятилетия прошла путь от первых рассказов и одноактных пьес до крупных социально-исторических романов.

7. В условиях репрессивной политики властными структурами была создана целостная концепция о контрреволюционной деятельности

национальной бурятской интеллигенции. Реализация ими культурных и политических форм панмонголизма в начале XX века – начале 1920-х годов расценивалось как сознательное и целенаправленное использование национальной культуры с целью создания единой культурно-политической общности.

8. Деятельность бурятской интеллигенции была обусловлена взаимобратным влиянием ценностных доминант национальной бурятской культуры и официальной культурной политики советского государства. Доказательной базой их контрреволюционной деятельности выступило, в том числе и литературное творчество. Однако художественные произведения Б. Барадина, Д. Дашинимаева, Ц. Дона, С. Туя и других выполняли другую культурную задачу. С помощью знакомых бурятскому народу исторических фактов, средств метафоричности в них отражены координаты нравственной системы, которые определяют духовный рост и самосознанию нации в условиях совершенно нового образа жизни.

9. Современная реальность актуализирует вопросы возвращения в отечественную культуру имен репрессированных и забытых общественных деятелей, писателей, ученых и их научного и творческого наследия. Главное место в этом процессе занимают разнообразные социокультурные практики, ставящие своей целью действительную реабилитацию представителей национальной интеллигенции, национальной культуры, трансляцию мемориального наследия, что в целом способствует сохранению культурной памяти и культурной идентичности.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что содержащийся в ней проблемный материал вносит определенный вклад в социально-гуманитарный дискурс анализа социокультурных условий и факторов репрессий в культуре. В диссертационной работе представлена попытка осмысления репрессии как социокультурного феномена, определяются роль, место и обоснованность применения репрессий, показывается возможность типологического

изучения специфики национальной культуры как объекта репрессии. Культурологический анализ диалектической и аксиологической связи нормативности и репрессивности раскрывается через исследование влияния идеологии на формы социального и духовного бытия советского общества, позволяющего глубже осмыслить особенности формирования советской культуры и национальных культур.

Теоретическая значимость обусловлена тем, что проблемное поле взаимосвязи феноменов нормативности и репрессивности может стать методологической основой для дальнейших исследований, расширяющих и углубляющих проблематику проявления и бытования репрессий в культурологическом, философском, историческом, социологическом, искусствоведческом и иных дискурсах. Результаты и выводы диссертационного исследования предоставляют возможность для углубленного изучения концептуальной основы особенностей формирования и развития советской культуры в целом и бурятской в частности.

Практическая значимость заключается в том, что проблемное поле исследования условий и факторов репрессий в культуре соотносится с современными общемировыми проблемами и расширяет прогностические возможности в области российской культурной политики. Результаты и выводы диссертации способствуют процессу реабилитации, позволяют всесторонне и объективно оценить последствия культурной политики 1920-1930-х годов, а также практику взаимодействия государственных органов с научной и творческой интеллигенцией. В этом контексте материалы исследования могут применяться в программах реализации государственной культурной политики в связи с необходимостью сохранения и трансляции культурного наследия. В социокультурной практике материалы исследования могут быть использованы для разработки тематических экспозиций, выставок и проектов, связанных с изучаемой проблематикой.

Новые подходы в исследовании социокультурной функции репрессии, условий и факторов репрессий в культуре, особенности формирования и

развития советской и национальной культур могут быть использованы во введении специальных курсов в образовательном и воспитательном процессе. Возвращение творческого наследия репрессированных писателей позволяет обогатить современную культурно-творческую жизнь Бурятии.

Апробация исследования. Результаты исследования отражены в 46 публикациях автора, в том числе в 3 монографиях, 19 статьях в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК. Общие положения и выводы обсуждались на международных научно-практических конференциях: «Кардыбаевские чтения-2012» (Актобе, 2012), «Культура монголоязычных народов в глобализирующемся пространстве» (Элиста, 2012), «Байкальские встречи – VIII: историко-культурное наследие региона как фактор социально-экономического развития» (Улан-Удэ, 2013), «Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии: традиции и инновации межкультурного взаимодействия» (Улан-Удэ, 2015), «Их зохиолч Д. Нацагдорж шинэ судалгаа-I» (Улан-Батор, 2016), «Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии: региональные особенности и международное сотрудничество» (Улан-Удэ, 2017), «Тов Ази болон монгол дахь угсаатны уйл явц, чиг хандлага : сэдэвт олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын илтгэлүүдийн эмхтгэл» (Улан-Батор, 2018), «Байкальские встречи – X: культурная память и культурная идентичность в условиях глобализации» (Улан-Удэ, 2018), «Возможности развития краеведения и туризма Сибирского региона и сопредельных территорий» (Томск, 2019), «Культурное пространство России и Монголии: опыт и перспективы сотрудничества в трансграничных регионах» (Улан-Удэ, 2019); всероссийских конференциях: «Фольклор в контексте культуры» (Махачкала, 2012), «Научное наследие И.И. Соктовой в свете актуальных проблем современного изобразительного искусства» (Улан-Удэ, 2018), «Современное искусствознание: теоретические концепции и художественные практики» (Улан-Удэ, 2020), «Интеллигенция: многообразие стилей и образов жизни» (Москва, 2020) и др.

Материалы авторского исследования были применены в процессе разработки и чтения курсов «Культура народов Центральной Азии», «Культура Восточной Сибири», «Современные техники анализа текстов культуры», «Прикладная культурология».

Структура диссертации отражает логику исследования в соответствии с поставленными целью и задачами. Работа состоит из введения, трех глав, 9 параграфов, заключения, списка использованной литературы.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕПРЕССИИ КАК ФЕНОМЕНА КУЛЬТУРЫ

1.1. Репрессия как феномен культуры: сущность и понятие

Формирование культурологии – одной из самых молодых наук, занимающейся разработкой целостной системы культуры, обусловлено пониманием и трактовкой основной ее категории – «культура». Несмотря на то, что слово «культура» известно каждому с раннего детства, оно наиболее употребляемо в повседневной жизни, потому является одним из самых распространенных, привычных, но и дискуссионных. Практика показала, что начиная с первого научного определения культуры (Э. Тайлор) и первой попытки подсчета ее дефиниций (А. Кребер и К. Клакхон), определения «культуры» растут с геометрической прогрессией. Сегодня существует большое количество научных и околонучных определений понятия «культура», отражающих различные признаки целостного феномена культуры, но неспособные охватить сущностное понимание ее как целостной системы [см.: 180, с. 155]. Это привело к тому, что науки о культуре имеют дело со множеством определений культуры, при этом современное состояние ее проблем не позволяет сделать безусловного и окончательного выбора.

На Всемирном философском конгрессе (1983 г.) была осуществлена попытка систематизировать существующие подходы понимания феномена культуры, тем не менее, культурологи XXI века приходят к выводу, что разнообразные попытки дать определение культуры не могут удовлетворить нас в полной мере. Категория культуры продолжает оставаться открытой в силу своей многомерности и многоаспектности, а выработать какое-либо общее представление о культуре невозможно, поскольку культура – явление настолько многообразное и разнообразное, что каждое из определений культуры будет лишь отражать тот или иной ее аспект. В этом и заключается основная проблема методологического плана, с которой сталкиваются все представители наук о культуре, поскольку в ее становлении были задействованы многие и не только гуманитарные дисциплины, которые

породили «галактику взглядов на одну и ту же категорию... и калейдоскоп научного инструментария» [180, с. 131].

Философская широта и глубина содержит в понятии «культура» всю историю человечества, а сама культура представляет собой дискурсообразующее явление, а не является простым инструментом дисциплин, оперирующих данным понятием. На протяжении долгого времени гуманитарный дискурс представляет собой стремление выяснить составляющую основу мира, природу человека, его место и роль в обществе, возможности преобразования мира и использования сил природы на благо человека. Поэтому история культурологической мысли представляет собой становление и развитие различных концепций, в основе которых лежит анализ фундаментальных основ человеческого бытия. При этом проблемы понимания культуры имели различное смысловое содержание.

Говоря о культуре, в широком понимании мы подразумеваем такие универсальные свойства социума, как способность человека существовать в рамках общественных взаимоотношений, регулируемых не только законами биологического существования, но и исторически сложившимися нормами этики, морали, государственного регулирования, которые позволяют определить ее как часть общеисторического процесса. При этом, будучи важнейшей сферой жизнедеятельности человека, культура устанавливает нормы и правила, обуславливающие соответствующие взаимоотношения как между отдельными личностями, социальными группами, так и их отношения с государством в целом, тем самым выступая механизмом упорядочивания и управления всеми сферами жизнедеятельности общества.

С точки зрения включения совокупности всех материальных, духовных, художественных достижений и социально-деятельностной практики, категория культуры может быть проанализирована с позиций онтологического и аксиологического подходов, то есть того, что имеет место быть и имеет ценностное содержание. Любое общество и области его жизнедеятельности являются продуктом достижений человеческого

интеллекта, что позволяет и дает возможность личности развиваться всесторонне с учетом интересов конкретного индивида. Но, с другой стороны, невозможно представить жизнь какого-либо социума без ограничений, запретов, наказаний, которые имеют деструктивный характер. А.Я. Флиер, российский ученый-культуролог, отмечает, что «культура – это лишь условное наименование совокупности форм и продуктов жизнедеятельности человека... как социальная человеческая практика она порождает как положительные, так и отрицательные последствия» [324, с. 31].

Как область человеческой деятельности, культура не имеет собственных целевых установок, но является результатом ценностно-ориентированной деятельности человека (М. Вебер), совокупностью приспособлений к жизненным условиям (У. Самнер), регуляцией социального взаимодействия и выявления содержания в культуре системы ценностей и смыслов (П. Сорокин), наличием норм, устанавливающих порядки в обществе (Т. Парсонс), способом упорядочения процессов общественной жизнедеятельности, организации межличностного, межгруппового, межкультурного взаимодействия (С. Хантингтон). Реализация определенных целей в обществе осуществляется с помощью различных инструментов, наиболее универсальными среди которых является установление норм и запретов за отступление от них. В целом именно они обуславливают социальную жизнь человечества.

При всем разнообразии подходов к пониманию культуры, она неизменно трактуется как некое упорядочивающее, организующее начало жизнедеятельности общества. Тем самым, выполняя регулирующую функцию, подразумевается, что она включает функцию ограничения, устранения ненужного и вредного для общества.

На ранних этапах развития человечества жизнь в первобытном сообществе регулировалась различными табу. Дальнейшее распространение запретов в истории развития общественных отношений доказывает их

значимость в культуре, а так же в системе наказаний. Рассмотрим их в контексте исторического и логического срезом.

Изучением представлений о запретах в культуре ученые занимаются на протяжении достаточно длительного времени, на разных уровнях, в различных аспектах. Это позволяет нам говорить о том, что проблема табу представляет собой одну из важных и тем философского и культурологического дискурса. Одним из первых, кто понятия «запрет», «табу», «нельзя» отнес к числу универсалий и констант культуры, стал Э. Тайлор, наделяя их первым общекультурным содержанием. Для Э. Дюркгейма именно запрет является тем элементом культуры, формирующим ценностное отношение к необходимому воспроизведению связей и отношений в конкретной общности с целым, которое может пониматься как духовное или материальное, обусловленное Богом или природой, социумом или человеком [см: 107]. Ученик Э. Дюркгейма М. Мосс рассматривал табу как условие зарождения культуры. Для него ноль запретов означал и ноль культуры [см: 223]. Согласие с этими положениями высказал отечественный культуролог Ю.М. Лотман, отмечая, что с запретов исторически начинается культура [см: 199]. Таким образом, можно говорить, что человечество выделяется из животного мира именно с момента появления первых запретов.

Развитие запрещающих норм в культуре по отношению к личности, группе людей и целым народам, нарушившим правила бытия, замечательно просматривается в исторической ретроспективе. Общеизвестным фактом является, что строгая система запретов и наказаний существовала с глубокой древности. В первобытном обществе запрет накладывался на самые нужные, простые, обыденные вещи такие, как еда и межполовые отношения [см.: 199]. Регламентация потребления пищи всегда была в числе важнейших аспектов табуирования, поэтому некоторым категориям членов первобытного общества запрещалось употребление мяса. Например, пищевые табу послужили основой многих социальных и религиозных норм. Достаточно

упомянуть запрет на употребление свинины и алкогольных напитков, характерных для религии ислама, кошерная пища и соответствующие запреты в иудаизме, посты в христианстве и т.п. Конечно, это ограничивает жизнедеятельность, однако подобные запреты определяются мировоззрением, тем самым являются факторами и механизмами «развития самой культуры и ценностных содержаний форм ее укоренения в обществе и человеке» [32].

Логически статус запрета определяется тем, что общество в целом существует благодаря определенным представлениям о правильном и неправильном, должном и недолжном, пристойном и непристойном и т.п., определяя и устанавливая такие ценности и нормы, которые необходимы для его стабильной жизнедеятельности. Культура, следовательно, представляет собой своего рода «фильтр», который базируется на определенных образцах и правилах поведения и мышления, нормативное отношение к окружающему миру, принимаемое большей частью общества. Усвоение культуры включает в себя не только накопление определенных знаний, умений и навыков, но и подразумевает своего рода «дрессировку» индивида, подавляя некоторые из его биологических импульсов. Исходя из этого аспекта, З. Фрейд определял культуру как машину подавления индивидуальных желаний и страстей [см.: 330]. Можно сказать, что культура управляет человеческими потребностями.

Человек определяется культурной социализацией, но становится социализированным только тогда, когда подчиняется контролю со стороны общества и государства и большую часть своей жизни ведет себя так же, как и другие, тем самым следуя культурным образцам. К. Клакхон полагал, что «те, кто сохраняет слишком большую степень независимости, в конце концов, окажутся либо в сумасшедшем доме, либо в тюрьме» [143, с. 229].

В большей степени развитие запретов в культуре было связано с жизненными основаниями, сохранившими свою идеологическую ценность и сегодня: прямой запрет на убийство, воровство, ложь, обман, нарушение общепринятых порядков общежития и многое другое. В других

обстоятельствах запреты складывались случайно, в частности, лингвистические нормы. Однако, если речь идет об управлении организацией общества, то это здесь на первое место выходят такие действия властных структур, как запрет, наказание, вознаграждение. Отсюда следует, что «запрет в культуре будет существовать до тех пор, пока культура выполняет свою упорядочивающую и организующую роль, то есть всегда» [165].

Развитие любого общества всегда обуславливается наличием особенных традиций и обрядов, которые играют главную роль в культуре каждого народа. Таким образом, когда формируется традиционная культура народа, то её начинают определять стереотипы поведения людей, принятые нормы, моральные устои и другое. Каждый народ или небольшое общество людей всегда разграничивают свою культуру и культуру других народов, благодаря чему создаются особые миры, определяющие уникальность каждой национальной культуры. Каждая из них, обладая набором собственных специфических ценностей, интегрируются с другими культурами. Это говорит о том, что можно выделить единые тенденции и социальные принципы, общие этические и ценностные основы в ходе исторического процесса развития человечества.

Так, общим для всех стало формирование государства, ставшего механизмом, регулирующим жизнедеятельность общества. Инструментом регулирования выступили определенные правила и нормы, не соблюдение которых влекло за собой применение наказаний, которые в социокультурной практике обозначены общим понятием «репрессия». В данном параграфе полагаем целесообразным остановиться на выявлении специфических качеств, функций и природы репрессии как феномена культуры.

Научно-исследовательский и общественно-публицистический интерес к проблеме социокультурной функции репрессии связан с расставляемыми акцентами в современных исследованиях по культурологии относительно влияния репрессий на жизнь общества. Уже упомянутый нами выше российский исследователь А.Я. Флиер делает следующий вывод:

большинство культурологических изысканий делают акцент на «положительных» гуманистических функциях культуры, при этом исключая репрессивную. Обусловленность данного исследовательского интереса более, чем очевидна и понятна, поскольку культура имеет регулятивный и аксиологический характер. С помощью культуры упорядочивается жизнь общества. Ценности являются отражением социокультурных установок, отношения к окружающему миру, национальной картины мира, стереотипов поведения и мышления. Ценности определяют значимые свойства духовной и социальной жизни, создают оптимальные модели сосуществования членов общества на основе морали и этики, ценности обуславливают национально-культурную специфику, играют роль главного механизма сохранения и развития общества. Тем не менее «собственно культура полна запретов, табу и иных ограничений свободы человеческой деятельности и мысли и даже репрессивных мер» [323, с. 242-243].

В значительной степени тема репрессий получила отражение также в социально-политическом дискурсе, что обусловлено принадлежностью категории «репрессия» в большей степени правовой сфере. Именно правовая система испокон представителями власти позиционировалась как социальная ценность, а обществом воспринималась как неотъемлемый атрибут и инструмент власти. Таким образом, проблема особенностей применения репрессий актуализируется в контексте осмысления государственной политики.

Несмотря на очевидное содержание дефиниции «репрессия», полагаем необходимым остановиться на ее пояснении. Нами были взяты «Большая советская энциклопедия», словарь-справочник «Политическая наука», «Словарь по правам человека», словарь синонимов и другие справочные издания, в которых приводится практически одинаковая трактовка искомого понятия, за небольшими и несущественными, на наш взгляд, отличиями. Обобщая многочисленные трактовки искомого понятия, отметим: репрессия (позднелат. *repression* – подавление) представляют собой «насильственные

действия, физического или психологического характера, в большей степени понимаемое как наказание, которое осуществляется и применяется государством в соответствии с действующими законодательными нормами» [см: 60; 253; 283]. Перечень репрессий, представленных в словаре по правам человека, составляет 24 возможных меры [см.: 283].

В целом корпус социально-гуманитарных исследований содержит рефлексию проблемного поля, тенденций и закономерностей бытования репрессий, содержательных и причинно-следственных факторов, исторического контекста и другое. Разработанные теоретико-методологические подходы дают возможность проанализировать репрессию с позиций политической предопределенности условий жизнедеятельности какого-либо общества.

Мы вынуждены констатировать, что как таковая отсутствует типология репрессии, которая, на наш взгляд, может стать отдельным самостоятельным исследованием. Поставленная нами цель диссертационного исследования, не предполагает решение такой задачи как создания типологии репрессий, однако в понимании социокультурных условий и факторов бытования репрессии, а также основных ее функций, считаем возможным и даже целесообразным выделить лишь типы репрессий. На наш взгляд, основу выделения типов репрессии составляет такой критерий как объект репрессий, что позволяет провести базовую методологическую классификацию типов и видов репрессий. Мы понимаем условность такого выделения, поскольку научная классификация репрессий предполагает более глубокие основания, но для нашего исследования подобной первичной классификации достаточно.

Специфика использования репрессии как инструмента и механизма государства, с нашей точки зрения, обусловлена, с одной стороны, направлением социально-политической и культурной эволюции, а с другой – сосуществованием в структуре общества многообразных систем ценностей, которые зачастую находятся в конфликтных отношениях. Кроме того,

сложность рефлексии репрессии заключается в сложившемся противоречии между морально-нравственными и правовыми ценностями. Например, современная ситуация в США «Black lives matter's» является яркой демонстрацией этого противоречия, когда нравственность превалирует над законностью.

В соответствии с выделением в жизнедеятельности общества определенных сфер, отметим соответствующие им типы социальных, экономических, политических и идеологических репрессий. Каждый из названных нами типов репрессии имеет, кроме того, и внутривидовое деление. Мы исходим из того, что репрессия является инструментом государства, следовательно, любой ее тип и вид представляет собой воплощение социальной действительности государства, обуславливающей формы репрессивной политики конкретного государства.

Социальные репрессии – это карательные меры, применяемые государством в социальной сфере общества. В социально-гуманитарных исследованиях социальные репрессии получают интерпретацию в контексте социального неравенства. Анализируя социальную историю, ученые приходят к выводу, что жизнь человека в обществе была несвободной от таких категорий как сословие, класс, национальная принадлежность, пол, возраст и другие. В так называемых развитых странах статус личности мало зависит от них, по крайней мере, на законодательном уровне, политические условия диктуют рассматривать их как дискриминацию. Однако жизненные реалии свидетельствуют об обратной ситуации. Мы не берем во внимание примеры, обусловленные особенностями социокультурной ситуации и сложившимися традициями в конкретном государстве, а исходим из сущности репрессии как меры, применяемой исключительно государством. К видам социальных репрессий отнесем этническую, гендерную и уголовную репрессии.

Социальная история демонстрирует достаточное количество примеров этнических конфликтов, являющихся древнейшей формой этно-социальной

конфронтации. В исследованиях данной проблематики представителями разных научных направлений делается несколько обобщенных выводов. Во-первых, социально-политические предпосылки возникновения этнических конфликтов, результатом которых, как правило, становятся прямые действия по ограничению этносов в правах, выражающихся в принудительной, а порой даже в насильственной форме ассимиляции. Во-вторых, основанием этнических конфликтов и репрессий является борьба за территории и расширения политического влияния. В-третьих, репрессии здесь - это следствие того, что «одна этническая группа доминирует в принятии решений, а другая сконцентрирована на периферии» [339, с. 37]. Последним, но самым значимым, является то все формы и виды конфликтов имеют второстепенный характер относительно этнического конфликта.

В фундаментальном труде американского социолога О. Кокса «Каста, класс и раса» отмечается, что этническая репрессия – проявление европейской колониальной политики XVIII-XIX веков, обусловленной в большей степени экономическими факторами, среди которых основным является труд «цветных» рабочих. Что касается современности, то проблема этнических репрессий коррелируется с такими явлениями как конституционный национализм и перестройка политической карты.

Характер, применяемых репрессивных мер, может быть относительно мягким: разделение пользования общественными местами, препятствие в получении гражданства, пользования родным языком, отказ в праве на самостоятельное национальное строительство и т.п. Жесткий характер имеют резервации, депортации, геноцид, расизм, насильственная ассимиляция, следствием которой становится потеря этнической идентичности и культурных корней.

Геноцид представляет собой крайне жестокую форму этнических репрессий. В социальной истории данная репрессивная мера, будучи атрибутом политической государственной власти, уходит своими корнями в глубокую древность. Однако наибольшее распространение в мировой

практике получил в эпоху формирования национальных государств, капиталистического производства и политики экспансионизма. Геноцид стал механизмом «зачистки» территорий Америки, Африки, Австралии, Новой Зеландии, получения бесплатной рабочей силы. В XX веке самыми страшными примерами стали геноцид армянского народа в Турции, народности хуту в Бурунди, Холокост и многие другие.

Гендерная репрессия – это меры, применяемые государством, коррелируемые с полом (мужское-женское). Ретроспективный анализ гендерных репрессий показывает, что они являются отражением различных социально-политических практик, направленных на ограничение женщин по половому признаку в их стремлении индивидуальной самореализации в социокультурном пространстве. Многие исследователи в качестве эмпирической базы обращались к таким критериям, как религиозные, этнические, семейно-брачные, социальные традиции и роли, зафиксированные за мужчиной и женщиной. В любом обществе во все времена «рука об руку со стереотипами идут вознаграждения за подчинение предписанной роли и наказания за отступление от нее» [73, с. 52]. Отметим, что данный контекст ограничений и наказаний, связанных с отступлением женщины от предписанной, а зачастую и навязанной, ей социальной ролью, не является репрессией.

В западных феминистских социологических исследованиях середины XX – начала XXI веков в интересующем нас контексте широко применяется понятие «патриархат», характеризующийся сочетанием домашнего труда и работы, разницы в оплате труда, сексуальным домогательством и т.п. Другими словами, современное прочтение патриархата осмысливает его как инструмент социальной системы, в результате которых имеет место подавление и даже эксплуатация женщин, что дает возможность рассматривать их в качестве репрессируемой группы. Это также не может считаться репрессивной мерой.

В границах социально-политической государственной практики

примерами гендерных репрессий являются, в частности, отказ в избирательных правах, возможность управлять транспортным средством, ограничение права на образование, трудоустройство и т.п. В таком аспекте гендерные репрессии в современном мире характерны для некоторых мусульманских стран.

В целом применение этнической и гендерной репрессии носит дискриминационный характер. Существование дискриминации в социальном пространстве всегда обусловлено какой-либо выгодой, выраженной в материальной или духовной форме.

Уголовная репрессия в истории культуры служит характеристикой отношения государства к преступности. В социально-гуманитарных исследованиях она понимается как правомерная и системная деятельность, основанная на государственном законодательстве. С одной стороны, уголовная репрессия представляет собой «часть социальной политики в области борьбы с преступностью, которая связана с применением наказания в качестве средства борьбы с преступностью» [49, с. 15]. В социальном пространстве уголовная репрессия представляется одним из важных инструментов, направленных на предотвращение наиболее опасных деяний. Следовательно, в контексте правоохранительной деятельности государства она выполняет важнейшую функцию по обеспечению безопасности жизнедеятельности общества, является значимым механизмом противодействию криминальных угроз.

В целом уголовная репрессия является отражением духовно-нравственных и этико-правовых представлений членов того или иного государства о сущности и процедурах предупреждения преступлений. Сегодня наиболее актуальными становятся проблемы соотношения моральных и нравственных ценностей и уголовных норм. В частности, остро встают вопросы применения смертной казни, избыточная криминализация уголовных деяний, неоправданность применения уголовного наказания и другие. Все это в совокупности вызывает недовольство отдельных групп в

нашей стране, что объясняется превалированием моральных ценностей над правовыми, характерном для российского мировоззрения. В любом государстве имеют место конкретные механизмы, обеспечивающие паритет морали и права в уголовном законодательстве, поскольку именно уголовная отрасль права как никакая другая существенно касается прав и свобод человека и гражданина.

Экономические репрессии – это карательные меры, санкционированные и применяемые государством в области хозяйствования. К ним можно отнести запреты на производство, экспорт/импорт тех или иных товаров и услуг, а также определенных видов экономической деятельности. Сегодня наиболее активно применяется такая форма экономической репрессии, как экономические санкции. Однако отметим, что они носят комбинированный характер, поскольку касаются и чисто политической сферы государства. В последнее десятилетие актуализируются исследования финансовой репрессии, обусловленные кризисом мировой экономической системы: понятийный аппарат, сущностная характеристика функции. Не вдаваясь в сугубо экономические специфические особенности, отметим, что под финансовой репрессией понимаются административно-правовые инструменты и механизмы, приостанавливающие поступательное развитие финансового рынка.

Политические репрессии – это карательные меры, санкционированные государством в отношении физических лиц, представляющих угрозу безопасности, государственному строю, государственной суверенной и территориальной целостности. Политический характер зачастую приобретают деяния, которые не имеют отношения к указанной сфере, но служат определенным политическим целям государства. Так, например, инициированные Г. Трумэном «Советы лояльности», увольняли рабочих и служащих, отказывающихся давать клятвы верности, а Комитет по расследованию антиамериканской деятельности, подвергал аресту, отказывавшихся сотрудничать с ним или называть имена.

В научных работах относительно теоретико-методологических основ исследования политических репрессий находим различные определения искомого термина, которые в целом не противоречат друг другу. Однако полагаем, что понятийно-категориальная проблема политической репрессии имеет сложный и неоднозначный характер. Концептуальной составляющей всех определений является социальная опасность для государства и / или политического строя. В качестве примера возьмем трактовку, приведенную в Федеральном Законе РФ от 18 октября 1991 года № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» трактует политическую репрессию как «различные меры принуждения, применяемых государством по политическим мотивам... признававшихся социально опасными для государства или политического строя по социальным, национальным, религиозным или иным признакам, осуществлявшееся по решениям судов и других органов, наделявшихся судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами и общественными организациями или их органами, наделявшимися административными полномочиями» [2].

Мы полагаем, что приведенная и аналогичные ей трактовки, в методологическом аспекте не являются точными и верными. К такому выводу мы приходим, исходя из достаточно широкого по содержанию контекста, включающего и иные типы репрессии, являющиеся вторичными относительно государственной политики. Другими словами, если рассматривать репрессию как исходящую от политического руководства государства, то все репрессии будут априори политическими, потому что исходят от государства, следовательно, само определение «политический» теряет свой смысл. Кроме того, говоря о политических репрессиях, чаще всего употребляются такие эпитеты как массовые и необоснованные массовые репрессии. Этот аспект также вызывает ряд вопросов методологического характера. Во-первых, с позиции власти любые репрессивные меры являются очень даже обоснованными. Во-вторых,

количество репрессированных не влияет на определение понятия репрессия.

Российский исследователь современного права П.В. Жестеров полагает, что методом политической борьбы с оппонентами и оппозицией и просто с несогласными действующей политикой государства и т.п. чаще всего применяется уголовная репрессия, в частности статья 58 Уголовного кодекса РСФСР. Однако в этом случае происходит перемещение политической репрессии из сугубо политической плоскости в социальную [см.: 117].

Корпус зарубежных и отечественных социально-гуманитарных исследований искомой проблемы в целом представлен работами, в которых отмечено, что область политической деятельности всегда сопряжена с борьбой за власть. Главными инструментами и механизмами в этой борьбе становятся именно политические репрессии, понимаемые властными структурами как наиболее эффективные методы не только в процессе сохранения, но и поддержания авторитета власти.

Идеологические репрессии – это совокупность карательных мер, применяемых государством в сфере смыслов, идей, взглядов, концепций и т.п. На рубеже XX-XXI веков акцент в понимании идеологии делался на ее негативных аспектах, в контексте манипуляции общественным сознанием, установлении системы духовных ценностей, соответствующей государственной политике. В духовной сфере жизни любого общества всегда имеются представления и идеи, идущие вразрез с интересами официальной культуры и государственной идеологии. Ни одно государство не может существовать вне идеологии, как системы мировоззренческих идеалов, политико-правовых и религиозных идей, отражающих интересы общества и государства в целом.

В истории человечества ведущую роль в общественной жизни всегда играла религия, выступавшая инструментом регулирования мировоззренческих взаимоотношений власти с социумом. Поэтому конфессиональные репрессии становились наиболее действенными в части

поддержания духовного единства населения. Преимущественно их применение имело место в ходе религиозных войн, в условиях требования «насаждения единой подконтрольной церкви конфессиональной идентичности» [97, с. 42]. Религиозные войны отражали общие тенденции социального развития. Следствием экспансии христиан, мусульман, религиозного противостояния католиков и протестантов, охоты на ведьм и многих других подобных войн было массовое применение репрессий.

Процесс установления единой религии сопровождался не только репрессиями в отношении инакомыслящих, но элементов культуры. В результате деятельности властных структур упразднялись различные традиции, обычаи, обряды, направления художественной культуры и многое другое. Цель этих действий была одна: прервать возможность сохранения и передачи норм, ценностей, традиций уничтожаемой религиозной культуры.

Российский ученый Л.Л. Штуден относительно подобной ситуации употребляет понятие «культурная катастрофа». Так, следствием крещения Руси стала потеря языческих традиций; следствием Никонианской реформы - репрессии в отношении старообрядчества и целенаправленное вытирание религиозных обрядов и культурных традиций. [см.: 365]. Примеров достаточно и в мировой истории. Так, в Древнем Египте уничтожению подвергалась Амарнская культура, в Римской империи – культура Карфагена, христианами наследие античного мира и многое другое. Отметим, что в таком контексте неоднозначными представляются эпохи Возрождения и Просвещения. Однако последствия, вызванные действиями со стороны государства, имели не только отрицательный, но и положительный результат. Тем не менее, многие отработанные веками явления культуры исчезли навсегда.

Также, российский социолог А.Б. Есин полагает, что репрессии в идеологическом контексте обусловлены открытым противостоянием различных систем ценностей в пределах конкретного общества, вследствие чего появляются субкультуры и контркультуры, которые запрещаются и

преследуются государством [см: 111]. Здесь мы можем в определенной степени согласиться с мнением исследователя в том смысле, что государство репрессировало представителей субкультур. Так, например, показательным примером может служить отношение со стороны властных органов к хиппи в США или стилягам в СССР. Подобные субкультурные веяния выходили за рамки официальной культуры. Вследствие этого не только сами представители этих движений, но также их символика и атрибутика, внешний вид и морально-эстетические предпочтения становились объектом репрессивной политики со стороны государственной власти.

Другой российский социолог Т.Б. Щепанская рассматривает субкультуры в подобном ключе, относя их к неинституциональным, низовым, противоположным официальной культуре культурным явлениям, определяя их идеологию как в целом «разрушающую всякую культуру, противостоящую культуре как таковой» [367]. Здесь, на наш взгляд, уместно вспомнить постмодернистское «протестующее мировоззрение» контркультуры (Э. Фромм, Г. Маркузе), выражающейся в простой замене плюса на минус. Г. Маркузе, ставший символом контркультуры и духовным наставником студенческого бунта на Западе в конце 1960-х годов, выражал идею проведения культурной революции посредством так называемого. «Великого отказа» – тотального отрицания ценностей, норм, традиций, культурных запретов. В целом идеология контркультуры фактически заключалась в отрицании ради отрицания, «отказ-уход от традиционных форм путем приобщения к групповой ориентации на альтернативный образ жизни, включающий и насилие над "инакомыслящими"» [179, с. 90]. Вслед за Маркузе, молодежь на Западе выступала за разрушение культуры как опоры традиции и главного препятствие на пути будущего человечества. Мы разделяем точку зрения российского философа В.Д. Жукоцкого, полагающего, что появление подобных движений представляет собой защитную реакцию на «нормативную официальную культуру, когда ее становится слишком много» [119, с. 8].

Однако мы полагаем, что в данных примерах понимание репрессии представлено более широко. Сущность субкультуры может заключаться в определенном протесте, зачастую творческом, но она может свободно пребывать без каких-либо ограничений и контроля со стороны государства. Также она может быть незамеченной государством, или даже быть санкционированной властью.

Еще одним примером идеологической репрессии является языковая репрессия, понимаемая не в прямом смысле борьбы с самим языком как средством общения, а с инакомыслием в языковом пространстве. Инструментом этой борьбы является институт цензоров, существовавшим во все времена и у всех народов.

Таким образом, идеологические репрессии могут восприниматься в общественном сознании как политические, поскольку осуществляются с помощью политических инструментов. Приведенные нами типы и виды репрессий позволяют конкретизировать понятие «репрессия» и отсеять те явления, которые к ним не относятся.

Рассмотрев типы репрессий, приходим к выводу, что репрессия – атрибут государственной власти, осмысление условий и факторов бытования которой не представляется без комплексного анализа базовых причинно-следственных факторов, историко-культурной, экономической, внешне и внутренне политической ситуации, целесообразности государственного строительства и т.п.

В приведенных определениях и типах репрессии для нас контекстуальными являются несколько составляющих, позволяющих осмыслить репрессию как феномен культуры. Некоторые из них проанализировал российский философ и культуролог И.Г. Яковенко [см.: 374]. К ним мы отнесли такие аспекты анализа как семантическое пространство репрессии, государство как субъект репрессии, «репрессия» как идеологема.

Во-первых, универсальным содержанием понятия «репрессия»

является принуждение, вследствие чего имеет место физическое и/или моральное давление, которое зачастую понимается как насилие. Однако отождествление понятий «насилие» и «репрессия», на наш взгляд, является грубейшей методологической ошибкой, приводящей к превратному истолкованию сущности репрессии и как следствие государственной политики. «Насилие» и «репрессия» не только имеют различное смысловое содержание, но и формы проявления.

История человечества с древнейших времен позволяет говорить о том, что и насилие, и репрессия имеют глубокие корни. И.Г. Яковенко утверждает, что человек во все исторические периоды жил «в мире всепроникающей репрессии. Репрессия понималась как воздух, пронизывала собою все срезы реальности и лежала за гранью рефлексивного» [374, с. 8]. На наш взгляд, здесь следует говорить не о репрессии, поскольку в борьбе за территории и пищевые ресурсы племена всегда применяли насилие. В данном случае мы видим вышеуказанную методологическую ошибку отождествления понятий. Тем более репрессия как политический инструмент не может лежать за гранью рефлексивного. В этом контексте мы согласны с мнением отечественного правоведа В.П. Жестерова, что понятие репрессия «изначально связано с общественным (коллективным) принуждением, ассоциативно с государством и, следовательно, было социально и морально обоснованным, имело статус коллективного мнения большинства и соответственно выражало необходимость и целесообразность» [117].

Насилие имеет более широкое смысловое содержание. В этом мы согласны с И.Г. Яковенко отмечавшего, что «"репрессия" в качестве своего субъекта в большей мере предполагает социальную инстанцию, в то время как "насилие" шире по своему субъекту. Оно может исходить от частного лица или группы» [374, с. 4]. Однако ниже он противоречит себе, приводя следующий пример «...древневосточная толпа побивает камнями нечестивца, бросившего вызов базовым ценностям общества, мы имеем дело с репрессией... Я уже не говорю о таких, случаях, когда мать шлепает ребенка,

назвавшего бабушку "дурой"» [374, с. 199].

Философ и культуролог Б.М. Пармонов употребляет понятие репрессия, описывая различные ситуации семейной жизни и воспитания, обусловленные сложившимися строгими общественными устоями. В данном контексте он говорит о тирании главы семьи [см: 246]. Однако приведенные исследователями примеры представляют собой примеры насилия, но не репрессии. Мы полагаем, что подобная трактовка искажает смысл понятия «репрессия», расширяя его содержание до различных проявлений насилия, ограничений и наказаний, которые, возможно, и не имеют репрессивного характера. Субъектом насилия может быть кто угодно, а субъектом репрессий – только государство.

Насилие и репрессия как явления социальной жизни представляют собой реальный акт физического и морального страдания объекта, они имеют культурное измерение, культурно конструируются и интерпретируются. Акт насилия или репрессии может быть рассмотрен с двух позиций: либо со стороны субъекта, либо со стороны объекта, поэтому его трактовка определяется соответствующей позицией.

Репрессия – легитимно оправдана с позиций интереса общественного развития того или иного государства. В связи с этим, Э. Дюркгейм отмечал, что она представляет собой «атрибут общества, основанного на механической солидарности, для которой характерно наличие общей морали, норм и ценностей, религии и идеологии для всех» [106, с. 46]. Следовательно, формирование необходимых государству явлений «механической солидарности» в силу различных конъюнктур требуют введения разного рода запретов и ограничений, а также установления наказаний за несоблюдение норм и правил общественного бытия. Следовательно, репрессия является «такой же функцией культуры, как воспитание и образование, а гильотина – такой же инструмент как скрипка» [323, с. 250]. Насилие всегда субъективно, а репрессия объективна.

Следует отметить, что репрессия как социокультурный феномен не

должен пониматься как исключительно акт физического насилия, во все времена имело место применения так называемых символических репрессий, когда «политический порядок и дисциплина воспроизводятся правящими элитами не только и не столько посредством физического принуждения, сколько путем нравственно-психологического, духовного воздействия» [123, с. 8]. Это происходит в тех случаях, когда определенные социально-культурные практики или мировоззрение наделяются престижем или, наоборот, дискредитируются.

В этом плане опасной становится тенденция крайности, при которой нарушается тонкая грань, когда нормативные установки по поддержанию социокультурной целостности превращаются в насилие над людьми, не несущих угрозу стабильности государства.

Другой концептуальной составляющей репрессии полагаем, то, что субъектом репрессии выступает только государство. У государства много функций, среди которых основными можно считать управление, посредничество, защита и принуждение. Исполнение властных решений обеспечивается исключительно разветвленной сетью государственных органов, в том числе и карательных. Теоретически обойтись без принуждения возможно, но для этого необходимо создать соответствующие условия. Мыслителями предпринимались попытки обоснования «идеальных государств», но на практике этого не удалось осуществить ни одному обществу, поскольку только государство наделено репрессивной функцией для избегания насилия и распределения блага (Т. Гоббс). Вследствие этого все прочие институты лишались законного права использовать репрессивные методы.

Действительно, функция распределения ценностей в обществе является одной из основных функций государства как политической системы, зачастую требующая применения репрессивных мер. Взаимоотношения людей между собой, независимо от поставленной цели взаимодействия, будь то потребность в изменении условий жизни или распределение ценностей,

требует привлечения государственной власти. Так, уже Аристотель государственную власть понимал как разумную практику, направленную на обуздание чувственных страстей, а Платон – как право более сильных индивидов удовлетворять желания за счет более слабых. Основатель легизма – философского направления в Китае – Шан Ян отмечал, что управление должно осуществляться через поощрения и наказания, но последних при этом должно быть больше.

Таким образом, репрессия – это необходимая функция государства, формы которой могут быть мягкими, жесткими, но они необходимы. В целом без принуждения/репрессий не может быть и самого государства как институциональной формы власти, оно должно уметь принуждать к исполнению своей политики. Несмотря на наличие сложившегося мнения об асоциальной природе репрессии, тем не менее, представители социально-гуманитарного знания склонны рассматривать репрессию как один из значимых параметров культуры, способствующих сохранению социокультурной целостности.

Рассмотрев эти концептуальные составляющие, характеризующие семантическое пространство и субъект репрессии, добавим еще одно. Употребление термина «репрессия» имеет эмоциональную нагрузку. С точки зрения лингвистики культурно-исторический и идейно-политический контекст любого термина не позволяет ему быть идеологически нейтральным. Кроме того, вне контекста практически любой термин теряет свое семантическое значение и обуславливает неоднозначность в осмыслении и, соответственно, неоднозначность отношения и восприятия. В научном и особенно публицистическом дискурсе употребление термина в том или ином контексте закладывает как эмоциональное отношение автора к предмету исследования, так и эмоциональное восприятие читателя / зрителя / слушателя. Следовательно, термин одновременно становится смыслообразующей дефиницией и задает личностно-субъективный характер. Таким образом, идеологически окрашенный термин в социальном

пространстве, как правило, выступает в качестве инструмента манипулирования обществом.

Сегодня как само понятие «репрессия», так и его контекст большинством воспринимается в негативном плане, соотносимом с противозаконными расправами. Это обусловлено семантикой репрессии как карательной меры, обозначающей хотя и насильственные, но в конечном итоге умиротворяющие действия. Однако чаще карательные меры понимаются только как насильственные действия. С другой – средства массовой информации, политические группы в угоду своих целей используют понятие «репрессия», а не «наказание», в расчете на требуемое им психологическое восприятие обществом. В результате искомый термин трансформируется в идеологему, использование которой направлено на реализацию целей и задач определенных общественных групп или политических сил. При этом расчет идет именно на подобное негативное восприятие общественностью с позиций объекта репрессий, но не субъекта. Вследствие этого, для обозначения на научных основаниях объективных критериев понятия «репрессия» необходимо очистить его от эмоционального содержания.

Репрессия как явление культуры противостоит произволу отдельных индивидов и целых групп, которые самым очевидным образом угрожают стабильности развития общества и государства. Таким образом, социокультурное значение репрессии не всегда связано с осознанным стремлением ограничить, запретить и наказать с целью уничтожения объекта, но направлено на подавление нежелательных проявлений, которые могут оказаться губительными для общества и государства.

Однако понимать репрессию исключительно положительно тоже не имеет смысла. Деструктивная сторона репрессии в большей степени заключается в подавлении нежелательных и формировании требуемых мировоззренческих и поведенческих установок в угоду властным структурам. Государственная власть становится единственным фактором установления мировоззренческого контроля. Это влечет за собой духовное

единообразии, подчинение индивидуального сознания официальной идеологии, обуславливающих индоктринацию, формирование в массовом сознании образа «Другого», «Врага». Репрессии в этом контексте обуславливают огромные духовно-нравственные и человеческие потери, порождают беспокойство и страх, вытесняют из социокультурного пространства нежелательные культурные традиции и многое другое, что и определяет их негативный эмоциональный смысл.

При этом в социокультурной истории человечества меры репрессивного характера «не смотря на их кажущийся позитивный эффект обладают достаточно низкой результативностью и часто продуцируют нарушение прав и свобод граждан, даже при самых лучших намерениях органов власти» [116, с. 84].

Подводя итог сказанному, а также предваряя методологический анализ в выявлении социальных и исторических условий репрессий в культуре, отметим следующее.

Во-первых, уже в период Древнего мира культура осознавалась как процесс деятельности человека по переустройству социокультурной реальности и самого внутреннего мира человека. Несмотря на то, что культура представляет собой смысл жизнедеятельности человека, взаимоотношения между ними всегда отличались сложностью и драматизмом. Выработанные в конкретном обществе стереотипы сознания и поведения людей, нормы социальной приемлемости, мораль и нравственность, целый ряд запретов и наказаний выступают в качестве инструмента управления обществом. Нормативные эталоны того, как нам думать, оценивать происходящие события фактически представляют собой средства манипуляции человеком и обществом. Индивид, исходя из соответствия или несоответствия этим эталонам, подвергается общественному одобрению или осуждению, поощрениям или репрессиям. В таком контексте мы согласны с мнением российского философа и культуролога Ю.М. Резника о том, что «культура типизирует, упрощает, реифицирует жизнь, отбрасывая все

индивидуальные различия как несущественные для нее и порождаемого ею общества» [262, с. 183].

Тем не менее, мы можем выделить общее, универсальное в понимании культуры, имеющее существенное значение для данного исследования, а именно ее трактовку как свойство и возможность приспособления к социальным реалиям. Таким образом, культура, в нашем понимании – это организующее начало жизнедеятельности общества, система регуляторов деятельности человека, несущая в себе аккумулированный опыт, накопленный человеческим разумом. Культура рассматривается нами в двух аспектах: онтологическом (то, что есть) и аксиологическом (то, что имеет ценность). При этом, с одной стороны, культура выступает «системой регулирующих механизмов, включающей планы, рецепты, правила, инструкции... которые служат для управления поведением» [83, с. 44-45]. С другой – важную роль играет отбор культурных норм и ценностей, результатом которого определяется и объясняется многообразие культур.

Во-вторых, репрессия в культуре и жизни общества играет огромную роль и носит универсальный характер. Применение репрессивных мер в социальной действительности не может быть беспочвенным, оно напрямую связано с нормами, установленными в конкретном обществе. С древнейших времен «любое официально санкционированное мировоззрение подразумевает репрессии в случае его нарушения» [323, с. 249]. Репрессия всегда применялась и будет применяться к нарушителям порядков, явно или неявно установленных государством, то есть она является легитимной государственной практикой.

В-третьих, репрессия – это феномен культуры, как наказание за несоблюдение установленных норм, является неотъемлемым элементом управления обществом, формой социально-политического контроля как «объективная данность социального существования человека» [307, с. 10]. Но ее реализация в обществе невозможна без наличия соответствующего инструмента, коим выступает государство. Во избежание разного рода

социально-политических конфликтов властными органами вводятся не только соответствующие нормативно-правовые нормы, но и репрессии. По мнению Д. Истона, именно государство «поддерживает, а при необходимости усиливает или ослабляет жизнеспособность общества, при этом подавляя те элементы, которые не отвечают параметрам системы» [см: 128]. Упорядочивание жизнедеятельности социума с древности осуществлялось посредством «подавления инстинктов, принятия взаимных обязательств и создании соответствующих институтов культуры, объявляемых "нерушимыми" и "священными" - религии, морали, государства» [192, с. 24].

В-четвертых, с древнейших времен в истории человеческого общества репрессия одновременно несет позитивные и негативные функции, выступая созидателем и разрушителем, играя положительную и отрицательную роль в социальной жизни. С одной стороны, репрессия обеспечивает устойчивость развития общества, с другой – репрессия становится одновременно и источником насилия, представляя собой власть общества над индивидом. Однако ретроспективный взгляд на рефлексию культуры и социальную практику человечества доказывает, что нельзя все запрещать, но нельзя и все разрешать. В этой связи любое явление культуры, в том числе и репрессия, должно оцениваться объективно, через призму ценностных ориентаций развития общества и устремлений самого человека.

1.2. Нормативность и репрессивность в культуре как теоретико-методологическая проблема

В социально-гуманитарных исследованиях проблемное поле взаимообусловленности общественного развития в контексте нормативности и репрессивности является значимой темой. С помощью культуры, начиная с древнейших времен, мыслители и философы задавали главный ориентир жизнедеятельности человека и общества. Этот ориентир определялся устанавливаемыми нормами культуры, которые считались обязательными для всех, а те, аспекты, выходявшие за рамки этих норм, подвергались репрессиям. Время и место возникновения, а также институционализация и

понимание категории «культуры» не только задавали смыслы ее употребления, но и оказывали влияние на постановку и решение методологических проблем понимания культуры.

Культура представляет собой целостную систему, сложное единство различных взаимосвязанных и взаимообусловленных частей. В исследованиях культуры, начиная с античности, «культура» наполнялась и обогащалась разными оттенками смыслов и по-разному определялась, но так или иначе во многих исследованиях выделялся нормативный аспект, определяющий культуру как систему, регулирующую общественные отношения. Следовательно, провести анализ условий и факторов применения репрессий невозможно без обращения к нормам и запретам, которые в культуре любого общества взаимно обусловлены.

Нормирование представляет собой «основной способ функциональной социальной регуляции, практикуемый в культуре» [325], а запрет «позволяет ориентироваться в социальном космосе, задает нормы и ценности, стратифицирует общество, обеспечивает борьбу с хаосом» [169]. Установление определенных норм и правил со стороны властных структур обуславливало и появление определенных запретов, нарушение которых влекло за собой наказание и подавление. В этом проявляется диалектика мироустройства как баланс белого и черного, добра и зла, без которой невозможно его существование. В этом контексте нормативность означает подчинение социально-культурным нормам, а их нарушение, влекущие за собой наказание и подавление – репрессивность. Тем самым, нормативность и репрессивность являются и важнейшими факторами культурной динамики и специфики социальных процессов. Они сложны и многогранны, что обусловлено не только деятельностью самого человека, но и поливариантностью бытия культуры в целом.

Осмысление феноменов нормативности и репрессивности основываются на фундаментальных категориях и понятиях, а также концептах культуры. Поэтому тема диссертационного исследования

предполагает необходимость обратиться к культурно-философским концепциям, в которых поднимались искомые вопросы. Мы не претендуем на системный анализ в изложении представлений философов, историков, социологов культуры, но рассматриваем в целом нормативность и репрессивность как специфические и онтологические характеристики культуры, имеющие аксиологическое значение.

С глубокой древности философы предпринимали попытки осуществить аксиологическую рефлексию разнообразных социокультурных процессов с целью понять и объяснить причинно-следственные связи смены характера содержания нормативных и ценностных ориентиров в обществе. У древнегреческих философов культура соотносилась с духовными занятиями людей: образованность (пайдея), воспитание в гармоничном единстве духовных и физических начал (калокагатия). В Древнем Риме понятие «культура» было введено в качестве противопоставления понятию «природа», Цицерон первым заговорил о культуре ума, о возделывании души при помощи философии и красноречия. Тем самым теория обучения и воспитания определила существование и развитие общества в соответствии со строгими правилами и нормами.

В эпоху Средневековья в теологической философии доказывалась истина религиозных догм. Августином Блаженным и Фомой Аквинским, яркими представителями средневековой схоластики акцент был сделан на почитании и поклонении Богу, для них культура это уже не воспитание гармонии, но преодоление своей греховной природы и подчинение воли человека религиозной морали. Христианский мыслитель Тертуллиан проповедовал отказ от ценностей античной культуры, которые калечат душу человека.

В XVII веке в эпоху Нового времени были заложены основы современного естествознания, была разработана метафизическая картина мира, были сформулированы общие как для мира Природы, так и для мира Человека принципы и методы познания. На вторую половину XVII века (И.

Гердер, С. Пуффендорф) приходится институционализация понятия «культура». XVII век, кроме того, характеризуется господством юридического мировоззрения, суть которого заключалась в интерпретации взаимоотношений людей и их связей в обществе. Именно в трудах Т. Гоббса (1588-1679), Дж. Локка (1632-1704), на наш взгляд, появляются первые попытки теоретического осмысления проблем нормативности и репрессивности. В теориях «естественного права» и «общественного договора» основополагающее значение уделяется взаимоотношению личности и государства. Фундаментальным противостоянием стала проблема «естественное - искусственное», где естественные законы соответствуют человеческой природе и отличны от искусственных законов, издаваемых властью. Т. Гоббсом, в частности, утверждалось, что государство наделяется нормотворческой и репрессивной функцией с целью создания условий для благоприятной и безопасной жизни.

Тем не менее, со времен Античности до XVII века включительно, когда происходило становление европейской философии современного типа, ни культура в качестве специфической формы человеческой деятельности, ни вопросы нормативности и репрессивности не поднимались в качестве отдельной проблемы. Это можно объяснить, с одной стороны, господством религиозного мышления, с другой, что более существенно, на наш взгляд, отсутствием системного понимания культуры как «второй природы». Мир представлялся единым в своей основе, но единство это было «либо в метафизических категориях безличного "логоса" (Античность), либо в понятиях научного разума (Новое время)» [215, с. 44].

Более отчетливо внимание исследователей к тому, что называлось «культурой» проявилось в XVIII веке. В эпоху Просвещения культура стала пониматься настолько широко, что включала в свою сферу всю совокупность общественной жизни, кроме природы. В философском дискурсе закрепляются понятия «культура», «цивилизация», «образование», которые, правда, применялись больше для обозначения формы, чем для анализа

содержания общественной жизни и процессов, происходящих в обществе. С этого момента начинается постепенное осмысление культуры как целостной системы, объединяющей ее разнородные составные части, где репрессивный критерий культуры определялся противоборством «естественного» и «искусственного».

В XVIII веке традиционный уклад общественной жизни и управления стал вытесняться рациональным типом: складываются гражданское общество, правовое государство. В исследованиях первых философов культуры – В. Вольтера, Ж.-Ж. Руссо, И. Гердера, И. Канта, Ф. Шиллера и других – вектор онтологических проблем начал сдвигаться в сторону разума, прогресса, морали, права, языка, этики, искусства. В это время возросло значение правовых и моральных норм как регуляторов общественной жизни, усилилась роль человека и его личностных качеств в цивилизационном развитии. Новоевропейская культура, в основании которой были положены вера в прогресс и торжество разума, по мнению философов, явилась высшим достижением. «В их сознании она обретает значение эталона, образца общекультурного развития, синонима "культуры вообще"» [215, с. 70]. Культура становится звеном, связывающим воедино духовную и социальную сферы жизнедеятельности человека.

С одной стороны, это было время расцвета европейской культуры, характеризующегося ростом просвещения и образования, развитием науки и техники, художественными достижениями. Однако осмысление ценностных оснований, показывало, что культурное состояние не идилично, просветители не могли не видеть противоречия и диссонансы в развитии культуры, вызванные разумом и прогрессом. Несмотря на внешний монизм классической модели культуры, представленной в трудах указанных философов, она заключала в себе целый ряд противоречий и оппозиций, лежащих в самой основе новоевропейской культуры. Приходит понимание, что «культура сама может наносить раны человеку. Разум не всегда является спутником прогресса» [322, с. 71].

Постепенно приходит понимание, что мир культуры и культурных ценностей освобождает человека от диктата природы, но с другой стороны, человек, погружаясь в мир культуры, попадает в еще большую зависимость от норм и правил, ориентированных на достижение большей упорядоченности мира, в котором он живет. Культура, как искусственное образование, присутствует в жизни человека повсеместно, выступает в качестве определенной «рамки», одновременно предоставляющей ему условия для реализации, но и ограничивающей его возможности. Цивилизационные стандарты и социокультурные стереотипы превалируют над свободной творческой деятельностью, т.е. общество задает эталоны должного, а культура определяет границы возможного.

Ж.-Ж. Руссо (1712-1778) первым высказал сомнение, что культура как область человеческой деятельности является высшим ее проявлением. Он полагал, что искусство, философия, наука являются не только благом, но и приносят вред. К такому выводу просветитель приходит в результате осмысления культуры в контексте реальной жизни, где нормативность культуры порождает нигилистическое к ней отношение. В его рассуждении «Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов?» отрицательно оцениваются практически все достижения культуры, а универсализм культуры исключает развитие индивидуального внутреннего мира личности [см.: 270].

Идеи Руссо оказали сильное влияние на И. Канта (1724-1804), который обратил внимание на противоречия между познавательным и ценностным отношением человека к миру. Человек – существо двойственное, принадлежащее одновременно миру природы и миру свободы, он волен действовать в соответствии со своими целями, которые сам ставит перед собой, но ограничен принципами нравственного долга. Культура для И. Канта – это особенность, присущая только человеку как существу разумному, «ставить любые цели вообще (значит, в его свободе)» [135, с. 464]. Антагонистическими началами в его философии становятся свобода как

высший дар человечества и долг как высший нравственный закон. При этом он осознавал, что в практической деятельности непонимание ценностей свободы, а значит и культуры, приводит к политическому деспотизму и взаимной вражде народов и государств. Введенные им оппозиции в поле культурологической проблематики «природа - свобода», «сущее - должное», «идеал - реальность» стали ведущими в последующей теоретической разработке культуры.

Как и И. Кант Ф. Шиллер (1759-1805) видел противоречия прогресса, вылившиеся в разрыв между действительностью и идеалом, культурой и жизнью. Согласно его концепции культура одновременно должна сочетать индивидуальное и всеобщее, содержание и форму, реальность и идеал, чувственное наслаждение и долг. Образцом жизни без диссонансов он полагал искусство, поскольку именно в нем возможно гармоничное проявление свободы. Истинной культурой для него являлась только эстетическая реальность, где искусство является единственно возможным решением главной задачи культуры, которая заключается в необходимости «охранять эти сферы и оберегать границы каждого из двух побуждений: культура должна отдать справедливость обоим – не только одному разумному побуждению в противовес чувственному, но и последнему в противовес первому» [358, с. 256]. Таким образом, на наш взгляд, в концепциях И. Канта и Ф. Шиллера нормативность общественной жизни, определяемая нравственными законами, не только получила теоретическое обоснование в качестве существенной части культуры, но и заложило осмысление репрессивности культуры.

Важнейшим элементом в определении культуры эпохи Просвещения стала фундаментальная проблема взаимосвязи человека как *Homo Sapiens* и *Homo culturalus* с Природой и Обществом. В основе такого осмысления культуры лежит концепция И. Гердера (1744-1803), который рассматривал историю развития человечества в контексте эволюции самого человека, когда человек каким-то непостижимым путем сделал скачок от животного,

другими словами, от Природы к Культуре. И. Гердер наполнил понятие «Kulture» теоретическим и философским содержанием, кроме того, он первым предложил употреблять термин «культура» во множественном числе, подчеркивая тем самым уникальность различных национальных культур [см.: 82].

В XVIII веке теории «естественного права», разработанные в XVII веке, также подверглись существенным преобразованиям. На рубеже XVIII-XIX веков западные философы начали осознавать противоречия между реальным и идеальным отношением человека к миру, когда реализация идеалов на практике не приводила к ожидаемым результатам. Так, например, во Франции попытка организовать общество на ценностных основаниях Свободы, Равенства и Братства привела к массовому террору, где погибли как сторонники, так и противники просветительских идеалов, а в Англии промышленная революция привела к падению уровня жизни, вместо ожидаемого роста благосостояния, сказавшись в конечном итоге и на падении духовного состояния.

Разнообразными философскими концепциями культуры богат XIX век. Рефлексия культуры стала приобретать иные, зачастую противоречивые формы. Гуманистический вектор понимания культуры как охраны индивида от негативных факторов среды сменяется гипотезой «способна ли культура как целое или в каких-то своих особенных проявлениях выступать против человека и человеческого блага, подобно природной стихии или социальной?» [119, с. 7-8]. В целом философская мысль этого периода считается пессимистической и упаднической. Несмотря на то, что Европа быстро и успешно развивалась: рос уровень жизни населения, были сделаны выдающиеся научные открытия и технические изобретения, просвещенная часть европейского общества «как будто "кожей" чувствует, что будет дальше, куда идет Европа. Ощущение неблагополучия, надвигающейся катастрофы становится преобладающим» [215, с. 178].

В трудах А. Шопенгауэра (1788-1860) – первого философа пессимизма

– культура представляется формой всеобщего притворства, фикцией. Культура, в его концепции, не является средством духовного обогащения человека, но таит желаемые побуждения и интересы индивида, все более отдаляясь от истинных целей бытия [см.: 363].

В культурфилософии последователя А. Шопенгауэра Ф. Ницше (1844-1900) культура выступает в качестве средства подавления витальных инстинктов человека. В его трудах антикультурные настроения в немецкой философии XIX века в целом достигли своего апогея. Он видел жизнь человека глубоко трагичным бесконечным процессом порождения и уничтожения ценностей культуры, а порок современной ему культуры – в ее усреднено-принудительном характере по отношению к отдельному человеку. Диалектика противостояния видится им в борьбе двух противоположных по природе своего происхождения культур: аполлонической и дионисийской [см.: 235].

Концепция культуры, предложенная К. Марксом (1818-1883), представляет собой одну из самых оригинальных концепций, в основу которой были положены не мораль, этика, искусство, а практическая деятельность человека, направленная на преобразование социально-экономических условий и обстоятельств жизнедеятельности человека. Во главу угла им ставится общественное бытие, которое в отличие от природного, не является неизменным и включает в себя материальную и духовную сферы. Однако он понимал, что экономический прогресс не всегда сопровождается духовным прогрессом.

В основе концепции, которая представлена в «Капитале», заложено положение о материальной и духовной культуре. К. Маркс полагал себя последователем Г. Гегеля, свой метод исследования он определял как диалектический, но считал его не только отличным, но даже противоположным гегелевскому, выражающемуся в трансформации идеалистических форм в материалистические [см.: 210]. До данной теории развитие культуры понималось только в рамках духовного производства, К.

Марксом роль материальной составляющей в общественном развитии была определена в качестве детерминирующей, в том числе и в духовной культуре. Центральное место в доктрине К. Маркса принадлежит теме классового антагонизма, который, понимая антигуманную природу капитала, отводил пролетариату ведущую роль в создании бесклассового общества, которое «должно стать результатом упразднением противоречий между государством и личностью» [211, с. 116].

В методологическом плане марксистский диалектический подход подразумевает выявление объективных законов развития и трансформации разнообразных культурных явлений. Он не признавал единых общих законов развития, которые можно привести для анализа как прошлой, так и современной жизни. К. Маркс признает отдельные крупные историко-культурные периоды, которые имеют свои собственные законы. Однако, по его мысли, как только общество выходит из данного периода развития и вступает в другой, то оно уже управляется другими законами [см.: 210]. Исходя из этого, репрессивность сегодня завтра может стать нормативностью и наоборот. Здесь важна не идея, а внешнее явление, факт, служащий исходным пунктом, только в сравнении и сопоставлении с которым возможно найти истину.

Со второй половины XIX века, накопленный предыдущими столетиями исследовательский материал, начал подвергаться теоретическому обобщению. Именно в этот период «науки о культуре» обретают статус самостоятельных научных дисциплин. История, язык, искусство, религия, мораль, право становятся общепризнанными объектами научного исследования. Понятие «культура» стало включать самые разнообразные формы и продукты деятельности человека, положив начало изучению не отдельных форм, а их материально-духовных комплексов, которые стали именоваться культурами. В целом исследовательский интерес начинает смещаться в поле прагматического изучения отдельных культурных явлений, под культурой понимается весь неприродный мир, все искусственное,

выделяется наряду с духовной культурой культура материальная. Определяются законы развития культуры, зависящие от норм, правил и запретов, установленных в конкретном обществе.

Тем самым получило развитие антропологическое понимание культуры, основоположник которой Э. Тайлор (1832-1917) под культурой понимал «сложное целое, которое включает в себя знание, веру, искусство, закон, нравы, обычаи и любые другие способности и привычки, приобретенные человеком как членом общества» [302, с. 18]. Для нас важным является тот аспект, что в контексте антропологического подхода нормативность и репрессивность получили теоретическое обоснование не как нечто заданное, а как продукт жизнедеятельности человека, вызванный требованием развития общества. Именно в рамках данного подхода было дано наибольшее количество определений культуры.

Существенное значение в понимании нормативности и репрессивности в культуре имеет парадигма «культуры как репрессии», разработанная З. Фрейдом (1856-1939). На размышлениях основателя психоанализа мы считаем необходимым остановиться подробнее, поскольку это был не только совершенно новый подход познания культуры, но и первым теоретическим обоснованием роли репрессии в культуре. Его концепция восходит к пониманию культуры И. Гердером как отличия человеческой жизнедеятельности от других форм биологической жизни, которые возникают в ходе общественного развития. В трактовке З. Фрейда культура – это то, что отличает нашу жизнь от жизни наших животных предков.

В своих работах «Тотем и табу», «Психология масс и анализ человеческого Я», «Недовольство культурой» основатель психоанализа в поле культурологической проблематики ввел, во-первых, социальный аспект психологии масс, а, во-вторых, пытался доказать, что культура не является самым драгоценным достоянием человечества. З. Фрейд выделил репрессивную функцию культуры, которая определялась тем, что социальные нормы и ценности, моральные и политические установки,

оказывают влияние на мышление и поведение, подавляя базовые инстинкты и, следовательно, лишая свободы возможности наслаждения и счастья. Следовательно, большую долю вины за все наши несчастья несет культура. При этом он же отмечает, что необходимо усиливать репрессивную функцию культуры для того, чтобы поставить на пути буйства «Оно» сдерживающие преграды, иначе человечеству грозит опасность духовного варварства.

Такому подходу в понимании культуры способствовал прогресс в развитии естественных наук, который отразился и на гуманитарном направлении, стремившемся стать более продуктивным и объективным, а эмоциональные рассуждения стали отходить на второй план. Репрессивная составляющая культуры аналогична явлениям, имеющим место в биологии и физиологии. Изменение исследовательского вектора позволило провести более глубокий анализ культурных явлений, показавший, что одни и те же социокультурные явления в случае разного строя, разных условий функционирования, разнородной среды, подчиняются определенным законам развития.

Справедливости ради отметим, что А. Шопенгауэр и Ф. Ницше до З. Фрейда с разных сторон и позиций пытались анализировать роль и значение психических процессов в жизни человека и общества. Но именно З. Фрейд сделал определяющее влияние на разработку этой проблемы, открыв тем самым целое направление в философской антропологии и утвердив бессознательное в качестве важнейшего фактора человеческого измерения и существования.

Концептуальным положением в теории З. Фрейда стало фундаментальное противоречие между социальным миром человека и его природными инстинктами, которые являются враждебными для жизни в этом обществе. На наш взгляд, З. Фрейд преувеличивал репрессивный характер культуры, поскольку многое из его критики современной культуры кажется устаревшим. Кроме того, он пренебрегает критикой культуры, в том аспекте, что кризис культуры является следствием возрастающего разрушения

стандартов морали (Дюркгейм), а, следовательно, сами репрессии в этом случае просто необходимы.

Следует отметить, что психоаналитические методы З. Фрейда в изучении культуры активно применяются в современной культурологической мысли. Идеи З. Фрейда, рассматривающие специфику управления обществом и человеком посредством запретов и репрессий, были использованы его последователями Э. Фроммом в работе «Бегство от свободы» и Г. Маркузе в работе «Одномерный человек», представителями французского постструктурализма М. Фуко и Ж. Бодрийяром. Мысль о подавлении человека со стороны сотворенного его трудами и усилиями миром культуры, постоянного противостояния и даже враждебности актуализировалась в произведениях художественной культуры. Так, например, английский писатель, гуманист О. Хаксли в произведении «Новый романтизм» известный романист осмысливает жизнь человека, его социальные проблемы и перспективы через нищенианский конфликт аполлонического и дионисийского начал [333].

Кардинальный пересмотр рефлексии науки, прогресса, материальных достижений, цивилизации в целом произошел на рубеже XIX-XX веков. Сменился аксиологический акцент материальных и духовных достижений человека. Переустройство мира, во главу которого были поставлены материальные ценности, вера в прогресс как движение к лучшему в историческом процессе, трансформировалось равнодушием к чужой жизни, в целом потерей уважения к человеку. А. Швейцер (1875-1965), чьи взгляды складывались в контексте критики европейской культуры за ее утрату культурно-творческих и ценностных ориентиров, говорил о «море несправедливости, насилия и лжи, захлестнувшее ныне все человечество» [356, с. 24]. Отечественный философ культуры В.М. Межуев отметил, что «с окончанием XIX века, когда на смену историческому оптимизму приходит чувство исторического пессимизма, которое постепенно становится господствующим настроением времени» [215, с. 179].

Таким образом, мыслители конца XIX – начала XX веков, осознававшие социально-политический и духовно-нравственный кризис в европейских странах, приведший к Первой мировой войне, пришли к выводу, что не все в культуре является благом, что в своем развитии она изменяется не только к лучшему. Размышления о культуре в начале XX века как о чем-то прекрасном стали полагаться проявлением исследовательского субъективизма и идеализма. Ведь разве можно считать благом варварское отношение и неоправданное разрушение и уничтожение культурных ценностей, войну, геноцид и т.п., которыми изобилует история человечества? О. Шпенглер (1880-1936) в «Закате Европы» утверждал, что цивилизация не является высшей ступенью развития культуры, а наоборот, представляет собой стадию загнивания и исчезновения культуры [см.: 364]. Им были разработаны такие смысловые оппозиции как «природа - культура», «пространство - время», «механизм - организм», «судьба - причинность», «ставшее - становящееся».

В России, начиная со второй половины XIX века, происходили процессы, сходные с европейскими. На смену «оттепели» времени правления Александра II, когда было отменено крепостное право и была ослаблена цензура, пришло время государственного диктата. Представители научной мысли России становились свидетелями того, как утонченная аристократическая дворянская культура сменяется более прозаической и более грубой разночинной культурой; идеализм сменяется позитивизмом; религиозность сменяется атеизмом и все более утверждаются анархические идеи в мировоззрении молодежи.

Оригинальные культурологические концепции разрабатывали и представители отечественной философии на рубеже XIX-XX веков. В целом российский культурологический дискурс заметно отличался от западноевропейского, специфика которого заключалась в естественнонаучном подходе к анализу культуры. В России, напротив, ее осмысление осуществлялось в контексте духовно-религиозных достижений

человека, сложнейших проблем его культурного бытия.

Отечественные мыслители занимались выяснением причин «колоссального понижения русской культуры», сущности кризиса культуры в целом, а также степени его угрозы для всего человечества. Тема кризиса и возможной гибели культуры является одной из стержневых в их трудах. Так, у П.А. Флоренского (1882-1937) культура становится принадлежностью к сфере должного, предназначение которой заключается в возвышении над природным началом посредством подавления всех естественных проявлений жизни. Иначе говоря, культура явственно наделяется репрессивной функцией. При этом культура в его понимании имеет диалектическое содержание: «Культура — это та веревка, которую можно бросить утопающему и которой можно удушить своего соседа. Развитие культуры идет столь же на пользу добра, сколько и на пользу зла. Растет кротость — растет и жестокость, растет альтруизм, но растет и эгоизм. Дело не происходит так, чтобы с увеличением добра уменьшалось зло; скорее так, как при развитии электричества: всякое появление положительного электричества идет параллельно с появлением отрицательного. Поэтому борьба между добром и злом не угасает, а обостряется; она и не может кончиться и не может, по-видимому, не кончиться» [326, с. 200].

Однако, на наш взгляд, более всего искомая проблема данного диссертационного исследования представлена в философской мысли Н.А. Бердяева (1874-1948), который анализировал культуру с позиции общечеловеческой значимости процесса социально-исторической эволюции, делая парадоксальный вывод: культура – это великая неудача [см.: 53]. Основная причина, полагает Н.А. Бердяев, кроется в социальном кризисе культуры начала XX века, истоки которого лежат в плоскости противостояния и борьбы европейского цивилизационного прогресса и гуманистической культуры, где первый набирает «все большее и большее господство над жизнью, после всасывания в культуру огромных человеческих масс и расширения ее социального базиса, культура начинает

перерождаться» [54, с. 46].

Репрессирование гуманистической культуры технической стороной цивилизации влечет утрату утонченности, присущую ей всеобъемлемость, символизм. Это, в свою очередь, обуславливает трагическое противоборство аристократической и демократической типов культуры. В своей лекции «Кризис искусства», опубликованной в 1918 году, он отмечает, что кризис современного ему отечественного и европейского искусства вызван приходом модерна, вместе с которым уходят старые образы и идеалы. «Мы присутствуем при кризисе искусства вообще, при глубочайших потрясениях в тысячелетних его основах. Окончательно померк старый идеал классически-прекрасного искусства и чувствуется, что нет возврата к его образам» [52, с. 3].

Революционная ситуация, которая сложилась в России в начале XX века, выразилась в ценностном противостоянии двух социальных групп. В трудах В.И. Ленина (1970-1924) марксистская классовая концепция культуры получила дальнейшее развитие в теории антагонистических культур: культура верха и культура низа. Он отмечал: «в каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная... при том не только в виде "элементов", а в виде господствующей культуры» [185, с. 44]. В данной концепции, в отличие от концепции Ф. Ницше, утверждалась мысль не делить культуру на два типа, но «выкинуть» из Пушкина, Толстого и Чайковского то, что не соответствовало идеологии демократической пролетарской культуры. Правда, позднее, установив диктатуру пролетариата, основным лозунгом пролетарской культуры стал: «пролетарская культура – это культура, на службу которой поставлены и Пушкин, и Толстой, и Чайковский».

Для отечественного философа С.Л. Франка (1877-1950)

революционные события стали процессом стихийной демократизации России и нашествием варваров, которое «несет в себе частичное разрушение непонятной и чуждой варвару культуры и имеет своим автоматическим последствием понижение уровня культуры» [328, с. 205]. Однако в своих дальнейших рассуждениях он отмечает, что подобное «нашествие» имеет и другую сторону, которая выражается не только в желании разрушения культуры, но «стать хозяином, овладеть ею, напитаться ее благами. Нашествие варваров на культуру есть поэтому одновременно распространение культуры на мир "варваров"» [328, с. 205]. Как видно, у В.И. Ленина, и у С.Л. Франка проблема нормативности и репрессивности связана с классовым противостоянием.

Другие отечественные мыслители также подчеркивали двойственность культуры, с одной стороны, способствующей, духовно-нравственному развитию, но с другой – приводящей к материальному отчуждению, негативно отражающейся на человека и общества.

Таким образом, в рассмотренных концепциях зарубежных и отечественных мыслителей мы находим выделение в соответствии с различными исследовательскими критериями и попытку рефлексии нормативности и репрессивности в культуре. Проанализировав их в качестве механизмов развития культуры, пришли к выводу, что они связаны с функциональными особенностями культуры. Искомые критерии можно вычлениить через диалектические взаимодействия и противоборство как необходимые элементы социокультурного развития: «естественное» и «искусственное», «аполлоническое» и «дионисийское», буржуазия и пролетариат, гуманистическая и технократическая культуры, нормативность и творческая свобода.

Накопленный культурфилософский материал не только позволил исследователям сделать глубокие теоретические выводы о культуре, но и способствовал формированию специфической методологии социально-гуманитарных наук о культуре. Это позволило в дальнейшем более детально

и конкретно дифференцировать различные методы и подходы к изучению разнообразных феноменов культуры. Одним из первых подобная разработка была осуществлена В. Дильтеем (1833-1911), который, определяя свою философию как «критику исторического разума», первым поставил вопрос о своеобразии методологии исследования природы и свободы, назвав свой метод познания всего цикла гуманитарных наук «науками о духе». В фундаментальном труде «Введение в науки о духе» он противопоставляет натуру и культуру, тем самым способствует разграничению естественного и гуманитарного знания, поскольку у первых предметом исследования является то, что существует помимо человека, а у вторых – то, что соотносится с самим человеком и его внутренним миром. Различные формы культуры он рассматривает с позиции исторического изменения содержания культуры, при этом наибольшее проникновение в историю культуры, по его мнению, возможно через анализ художественной литературы, наполненной эмоциональной конкретностью и интеллектуальным объемом содержания [см.: 95].

В культурологической мысли закрепились осмысление культуры как единой многоуровневой, многофункциональной системы, поскольку само содержание культуры включает в свое поле разнообразные виды материальной, духовной, художественной деятельности человека, процессы и продукты этой деятельности. В социокультурном пространстве с древнейших времен в сложном взаимодействии находились религия, наука, искусство, политика, идеология, мировоззрение и т.д., формируя целостную систему культуры. Общественная жизнь не является однородной, в культуре любого народа практически всегда наличествуют различные оппозиции, которые, тем не менее, онтологически обозначены. Таким образом, понимание культуры осуществляется с точки зрения неразрывного единства и целостности функционирующих внутри нее различных элементов.

Сегодня создание общей концепции культуры для представителей гуманитарного знания становится одной из ключевых проблем, но говорить о

наличии единой концепции достаточно трудно, поскольку понятие «культура» вводится в научный оборот через деятельность, технологию, информацию, знаковую, художественное творчество и иные способы. Кроме того, «столь же разноречиво определяются и границы культуры: либо содержание культуры сводится только к духовному и материальному; либо в качестве подсистем в ней выделяют политическую, физическую, эстетическую, художественную» [172, с. 51].

Мы разделяем мнение П.С. Гуревича: «культура выражает глубину и неизмеримость человеческого бытия. В той мере, в какой неисчерпаем и разнолик человек, многогранна, многоаспектна и культура. Каждый исследователь обращает внимание на одну из ее сторон. Кроме того, культуру изучают не только культурологи, но и философы, социологи, историки, антропологи. Конечно же, каждый из них подходит к изучению культуры со своими методами и способами» [90, с. 18]. Таким образом, в понятии «культура» содержится вся история человечества, а сама культура представляет собой дискурсообразующее явление, а не является простым инструментом дисциплин, оперирующих данным понятием.

Современная культурологическая мысль выработала достаточно методологических подходов понимания феномена культуры как целостной системы. Понимание таких явлений как нормативность и репрессивность в этом контексте зависит от таких обстоятельств как историческое время, концепция человека и личности, условия свободы и мера ответственности и использования таких подходов как аксиологический, историко-культурологический, предметный, семиотический, деятельностный, системный.

Существенные перемены, происходившие в культуре, а также развитие социально-гуманитарных наук заложили основы ценностного понимания культуры. Если норма – ориентация на заданное, «как надо», то культура как на должное указывает на ценность. Аксиологические концепты, категории и понятия складывались в русле культурологических парадигм, которые

объединялись пониманием ценности в качестве смысловых координат деятельности человека, в качестве ее идеальных целей и утверждения ценностной иерархии. Как показывает история человечества, любой строй характеризуется специфическими нюансами, обусловленными одобренными и разрешенными законной властью нормами. Их жизнестойкость и поддержание базируется на ценностных ориентирах этой же власти, которая обеспечивает их контроль и продвижение в социуме. Тем не менее, в любом обществе бытуют и иные ценности. Как правило, они продуцируются оппозиционными группами, что чаще всего обуславливает применение к ним репрессивных мер со стороны легитимной власти.

Как социальный феномен культура всегда рассматривалась через призму ценностей, представляющих собой «наиболее сложный и развитый продукт жизнедеятельности, формирующийся в результате синтеза норм, обычаев, интересов и потребностей людей» [180, с. 329]. Ретроспективный анализ показывает, что уже в философских рассуждениях древнегреческих мыслителей имеет место аксиологическая рефлексия бытия. Однако, по мнению немецкого философа М. Хайдеггера, «греки не имели представления об оценивании и не знали понятия ценности» [332]. Аристотель одним из первых использует понятие «ценность», к которой относит Душу, Ум, Добродетель. Теологи Средневековья вычленили религиозные ценности, творцы Возрождения – ценности свободной творческой деятельности, гуманисты Просвещения – Свободу, Равенство, Братство, Разум, Прогресс.

Тем не менее, «обобщающего представления о ценности как таковой и соответственно о закономерности ее проявления в различных конкретных формах в философии не было до середины прошлого столетия (XIX – М.А.)» [133, с. 17]. При этом не проводилась рефлексия различных норм, которые обуславливали появление оппозиционных ценностей в том или ином обществе. Этот процесс имел место во все времена, несмотря на то, что власти (светские или религиозные) вели целенаправленную и последовательную борьбу с «иными» ценностями и ориентирами, активно

применяя репрессии как инструмент в данной борьбе.

Немецкий философ Р.Г. Лотце (1817-1881) стал одним из первых, рассматривающих ценность как идеальное, сверхприродное и объективное бытие. У истоков разработки аксиологической концепции культуры стояли философы-неокантианцы В. Виндельбанд и Г. Риккерт. Ценность в их учениях понимается как высшая категория философии. В. Виндельбанд (1848-1914) в целом позиционировал философию в качестве науки о ценностях, где познание и оценка мира взаимообусловлены. У него ценность понимается как «нормы, на основании которых оценивается то, что совершается с естественной необходимостью» [74, с. 201], ценность представляет собой фундамент интеллектуальной и эстетической деятельности человека, возвышается «над меняющимися временными интересами людей» [75, с. 91]. Таким образом, осуществив деление мира на сферу действительности и сферу ценностей, философ определял ценность как наиболее значимую, которой подчиняется вся создаваемая человеком реальность.

Г. Риккерт (1863-1936) полагал, что культура – это бытие фактов, в которых запечатлеваются ценности, уделяя внимание ее трансцендентности. Ценность как категория бытия неизменна, трансформируется отношение индивидов к ней в процессе социально-исторического развития. Работой «О системе ценностей» философ продемонстрировал, что наивысшим проявлением свободы является отношение личности к ценности, поскольку именно таким образом индивид сможет творчески созидать мир «во всей сложности ее социальной связанности, ценность же, в силу которой она становится благом, есть свобода внутри общества или социальная автономия» [266, с. 115].

Необходимость осмысления культуры в большей степени посредством аксиологического подхода пропагандировал М. Вебер (1864-1920), положивший начало новому направлению в исследовании культуры – социологии культуры. Он отмечал, что «значение же явления культуры и

причина этого значения не могут быть выведены, обоснованы и пояснены с помощью системы законов и понятий, какой бы совершенной она ни была, так как это значение предполагает соотнесение явлений культуры с идеями ценности. Понятие культуры - ценностное понятие. Эмпирическая реальность есть для нас "культура" потому, что мы соотносим ее с ценностными идеями (и в той мере, в какой мы это делаем); культура охватывает те - и только те - компоненты действительности, которые в силу упомянутого отнесения к ценности становятся значимыми для нас» [72, с. 374]. Согласно М. Веберу, лишь соотнесенность реальности с ценностными общественными можно понять «дух» эпохи. Не существует общезначимых ценностей, поскольку в любой исторической эпохе происходит процесс утверждения своих ценностей, присущих исключительно ей в силу идеологических требований политического строя. Противостояние же различных, в том числе и оппозиционных, систем ценностей разрешается самой жизнью.

Для другого социолога культуры П. Сорокина (1889-1968) именно «ценность служит основой и фундаментом всякой культуры» [293, с. 429]. Он полагает, что истинной причиной, а также условием закономерного развития общества, является существование мира ценностей: «совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения» [293, с. 218]. В его концепции «значения - ценности - нормы» – это социокультурные (сверхорганические) явления, которые являются тотальными по сравнению с жизненными и физическими и образуют идеологическую культуру индивида.

В культур-философском дискурсе советского периода аксиологический подход не применялся исследователями, поскольку в науке доминировал марксистский, в основе которого лежала борьба классовых ценностей и интересов. Тем не менее, научные работы, посвященные анализу ценности, имели место. Так, Н.З. Чавчадзе отмечал, что ценность «есть всегда ценность

для чего-либо и кого-либо... она не природно-реальный признак вещей... наличие ценности не зависит от фактического существования или несуществования ее носителя» [349, с. 36.]. Для него ценность ориентирована на изменение, но не на отражение социальной реальности. Система ценностей не только служит обеспечению безопасности общества, но и стимулом социального поведения и социальным индикатором.

Аксиологическая концепция была разработана отечественным философом М.С. Каганом, полагающего, что ценность исходит из «системно-понимаемой деятельности людей как ее специфический и необходимый аспект — выявление значения объекта для субъекта» [132, с. 65-66]. Ценность является продуктом ценностно-ориентированной деятельности, характер которой формируется и изменяется в зависимости от того, кто выступает субъектом: личность, социальная группа или социум. Раскрывая социокультурную детерминацию ценностей, М.С. Каган отмечает двухмерность, двойственность ценности. «С одной стороны, ценности не наличествуют как факты, но порождаются человеческим отношением к ценности; с другой стороны, они противостоят произволу индивида, требуя признания реальности данных нашего чувства» [132, с. 58].

Специфика аксиологического подхода заключается в предметном анализе особенностей феноменов культуры, выражающихся в наличии и поддержании определенных систем ценностей; в функциональном анализе процесса сознательной деятельности по поддержанию и трансляции системы ценностей. Поэтому в понимании культуры, объединяющим элементом является ценностный подход к анализу деятельности человека и ее результатов. Аксиологический подход акцентирует взаимосвязь нормативности и репрессивности культуры с общечеловеческими ценностями.

С другой стороны, аксиологический подход – это оценочный подход, по своей сути имеет относительный характер. Мир ценностей, также как и мир культуры, историчен, поэтому в анализе нормативности и

репрессивности культуры необходимо привлечение историко-культурологического подхода, который выявляет наличие и бытование конкретных примеров нормативности и репрессивности в культуре. Мы согласны с выводом М.С. Кагана о том, что «аксиологические исследования обычно абстрагировали ценностное отношение не только от его общекультурной среды, но и от его собственной истории» [132, с. 60]. Поэтому именно исторический срез позволяет рассмотреть генезис изучаемого явления как общественного феномена в историческом аспекте.

Вне анализа конкретных исторических фактов ситуации не может быть понята причина нормативности и репрессивности культуры. Раскрытие их сущности как своеобразной формы культуры, привлекая лишь фактический материал, невозможно. Необходим анализ культурно-исторической ситуации, в которой переплетаются общечеловеческие, национальные, религиозные, классовые и другие элементы, присущие данной культуре как на протяжении многих веков, так и в конкретном историческом периоде, в котором происходит противостояние оппозиционных ценностных систем. Поэтому привлечение историко-культурологического подхода заключается в том, чтобы не игнорировать ни один из этих элементов, в том числе и исторические факты, которые не только сформировали свою систему норм, идеалов, ценностных ориентаций и принципов поведения, внедренных в общественное сознание, но и обусловили сохранение и трансляцию нормативности и репрессивности в культуре.

Историко-культурологический подход в исследовании культуры предполагает, на наш взгляд, выделение двух аспектов: субстанционального и функционального. Субстанциональный аспект позволяет обратить внимание и проанализировать те элементы социокультурного опыта, которые поддерживаются и транслируются, несмотря на жесткое ограничение со стороны официальных государственных структур. Функциональный аспект предоставляет возможность учесть, каким образом осуществляется данная трансляция. Другими словами, культура рассматривается с точки зрения

определенного механизма воспроизводства социокультурных ценностей, поддержание и трансляция которых обоснована самим фактом их наличия. Таким образом, бытование культуры с точки зрения историко-культурологического подхода представляет собой анализ воспроизводства видов деятельности и образцов культуры и искусства, которые основаны на определенном мировоззрении, выдержавших испытание временем.

Кроме того, специфика данного подхода заключается в том, что исследование любых проблем основывается на анализе ценностно-нормативных и регулятивных механизмов социальной организации в историческом срезе. Сфера культуры в целом рассматривается с точки зрения материальной, духовной и художественной составляющих, что, например, дало возможность исследователям культуры на рубеже XIX-XX веков осуществить типологию культур (Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер и др.). Сравнительный анализ становления и развития тех или иных явлений культуры в разных обществах в разные исторические периоды, позволяет прийти к достоверным результатам, выявляющим и обосновывающим их общую природу. Феномен нормативности и репрессивности имел место в истории человечества с древнейших времен, анализ социокультурных составляющих которых дает возможность проследить общие закономерности его формирования и бытования. Однако следует отметить, что в частных случаях анализ тенденций их становления может и не обнаружить сходства.

В отечественном социально-гуманитарном дискурсе обращение к теме репрессий чаще всего применяются при описании сталинской репрессивной государственной политики, насыщенной трагическими событиями, которые оказали глубочайшее воздействие на судьбы советского народа. В современном зарубежном и отечественном научно-публицистическом дискурсе выявляется зачастую болезненный интерес к наследию советского государства и более всего к так называемому феномену «сталинизма», к проблеме «Большого террора». Однако сегодня, на наш взгляд, еще не представляется возможным дать однозначный ответ о восприятии

культурной политики 1920-1930-х годов как социокультурного феномена в целом. По справедливому замечанию российского историка В.В. Эрлихмана, «наша страна двадцать лет обожествляла Сталина, сорок лет молчала и десятилетие, отчасти несправедливо хулила вождя» [369, с. 36].

С позиций современных идеологических и методологических подходов мы можем констатировать, что детерминированные большевистской концепцией ортодоксальные схемы обусловили фактическое сужение теоретико-методологической базы исследований. Господство негативных политических оценок в анализе как научной и творческой деятельности, так и самих личностей, подвергшимся репрессиям, не давало возможности включения и деятельности, и личности в научно-исследовательский оборот. Это позволялось только в разрешенном властью негативном контексте.

В контексте нашего исследования на основе анализа культурологической литературы, посвященной описанию и анализу советской культуры, можно выделить три идеологических принципа, на основе которых формируются соответствующие о ней представления.

По мнению российского культуролога В.П. Конева, в советский период сложился ортодоксально-апологетический принцип, согласно которому «советская культура рассматривается как более прогрессивный и передовой тип, чем культура капиталистического общества» [см.: 158]. В основе данного подхода лежат положительные и даже превосходные оценки того, что происходило в государстве, в том числе и в сфере культуры, намеренно опуская трагические последствия культурной политики. На наш взгляд, оснований для такой оценки было предостаточно. Так, в национальных регионах, в частности в Бурятии, были успешно осуществлены ликвидация неграмотности, внедрение народного образования, обеспечение охраны здоровья, материнства и детства, создание профессиональных отраслей культуры и искусства.

В период распада Советского Союза возобладала концепция т.н. «идеологизированного разоблачительства» и сложился негативистский

принцип, диаметрально противоположный предыдущему. Исследователями и публицистами в массовое сознание внедрялось, что советский период стал «противоестественным ходом в отечественной истории... мрачайшей страницей нашей истории» [см.: 76, 285, 316]. Аналогичными измышлениями советская история и культура стали осмысляться как тупиковый путь развития, когда произошла духовная изоляция, удаление от мировой культуры и цивилизации [см.: 159].

Подобные трактовки объясняются мировоззренческой позицией исследователей, обращающих внимание на деструктивную сторону большевистской концепции, когда опыт и достижения предшествующих эпох отрицался, а вся деятельность государства была основана «на идее достижения будущего коммунистического "золотого века"» [292, с. 108]. Кроме того, принцип партийности, положенный в основу художественного творчества, предполагал тотальное подчинение нормативным директивам, превращавшим сферы культуры и искусства в одну из самых действенных форм идеологической работы. Жесткое партийно-государственное руководство стало одним из негативных проявлений в становлении и развитии советской культуры.

В этой связи совершенно справедливо отметил Е.П. Чельшев: «культура советского периода многими исследователями вообще исключается из состава культурного наследия» [350, с. 14.]. В повседневность, в публицистический дискурс вошли пренебрежительные по отношению к 70-летнему периоду истории и культуры нашего государства определения «совдепия», «совок» и иные. С помощью подобных определений на глубинном социокультурном уровне происходило разрушение архетипа патриотических, морально-нравственных чувств к Отечеству, его истории, культуре и ее субъектов. Многонациональная советская культура «имевшая неизмеримое число источников своей жизнестойкости в дерзаниях сталинского "поколения победителей", в беспримерном героизме участников Великой Отечественной войны, в

трудовых подвигах советского народа в последующие десятилетия» [138, с. 17] представлялась как тоталитарная культура. Мы стоим на позиции, что при оценке советской культуры следует учитывать то, что ее становление и развитие происходило в условиях сложной идеологической борьбы в столкновении «старой» и «новой» культур.

С начала 2000-х годов в социально-гуманитарном дискурсе начал складываться третий принцип – объективно-исторический – заключающийся в том, что советская культура должна рассматриваться в цепи преемственности всей отечественной культуры. В исследованиях В. Арсланова, Л. Булавки, Д. Джохадзе, К. Кантора, В. Межуева, В. Паперного, К. Разлогова, В. Тюпы, А. Шендрика и многих других история отечественной культуры советского периода рассматривается в контексте многообразных связей ее становления и развития, в том числе и объективного анализа трагических событий, исключая политико-обвинительный ракурс, который, несомненно, мешает объективному научному осмыслению феномена советской культуры. Нам видится, что подобный подход является наиболее плодотворным в научном плане.

Историко-культурологический подход дает большие возможности для объективного раскрытия различных сторон исторического процесса существования нормативности и репрессивности в культуре: внешняя и внутренняя политика государства, взаимоотношения власти и общества, общественные представления и повседневная жизнь, развитие духовной и художественной культуры. Рассмотрение ключевых событий и процессов, влияющих на появление нормативности и репрессивности, позволяет проследить, как в них переплетались политические и нравственные мотивы участников, сопровождавшиеся попранием прав и свобод человека в обществе, применением и правовой обоснованностью репрессивной политики.

В условиях становления нового государства первоочередной задачей стало формирование «нового» человека на основе социалистических

ценностей, диктовавших выработку соответствующих пролетарскому интересу типов мышления и поведения. При этом советская власть вырабатывала и совершенствовала различные методы внедрения определенных ценностных принципов и установок в массовое сознание. В контексте классовой борьбы, установления системы ценностей особенное место в данном процессе отводилось культуре и искусству.

Таким образом, историко-культурологический подход к анализу нормативности и репрессивности непосредственно апеллирует к общей исторической ситуации, но знание историко-культурного контекста имеет решающее значение для анализа духа эпохи, особенностей мировоззренческих и ценностных приоритетов социальных групп, уровень духовности общества. Особенное место здесь занимает проблема становления и формирования «революционного», «пролетарского», «социалистического» правосознания, социальная природа которого определяется как духовный культурный феномен, позволяющий понять типичные психологические реакции человека на происходящее в советском государстве, на становление поведенческих и мировоззренческих стереотипов.

В контексте предметного подхода культура понимается как все созданное человеком, как совокупность материальных и духовных достижений человечества. Культура – «то, что непосредственно создано человеком, действующим сообразно оцененным им целям» [266, с. 55]. Исследователями данного направления (А.И. Арнольдov, Г.П. Выжлецov, Г.Г. Карпов, З.Н. Орлова, Н.З. Чавчавадзе и др.) культура как многообразие всей деятельности человека представляется в виде сложной иерархии смыслов, значимых для общества. В совокупности созданных людьми артефактов воплощаются «смыслы-содержания, опредмечиваемые в социализированных человеческих практиках, в свою очередь организуемых в соответствии с принятыми обществом культурными образцами и правилами» [180, с. 138]. Другими словами, различные образцы, модели, нормы и

правила, лежащие в основе социальной активности, приводят к появлению новых результатов.

В контексте данного подхода нормативность и репрессивность представляется как «продукт» культуры и анализируется с точки зрения опредмеченной активности человека, организующей коммуникативное поле субъектов культуры, являясь, с одной стороны, предметным выражением результатов деятельности человека, а с другой – отношением к этим результатам. Необходимость применения данного исследовательского подхода обусловлена тем, что нормативность и репрессивность выступают своего рода качественной характеристикой общественного развития, обусловленного определенным критерием, в тот или иной исторический период развития общества.

В течение длительного времени данный подход полагался доминирующим, но социально-культурная практика выявила ряд его существенных недостатков. В первую очередь, на наш взгляд, критерии, которые позволили бы оценить «продукт» культуры, может быть представлен субъективно, нечетко, слабо структурировано и достаточно расплывчато. Многие культурные явления, образцы и нормы характеризуются достаточным уровнем условности, которые даже в схожих ситуациях в различных культурах реализуются в различных схемах, но при этом соблюдение установленных образцов становится фактором «адекватности», что приводит к принудительности и репрессированию культурных смыслов-содержаний, не соответствующих реальности.

В контексте данного подхода акцентируется внимание на опредмеченных явлениях и формах культуры, а сама культура представляется в качестве статичного образования, выступая хранилищем социально-культурной памяти человечества. Другими словами, игнорируется развитие сущностных сил человека, который одновременно является создателем культуры и ее результатом. На наш взгляд, именно человек играет первостепенную роль в создании, поддержании и трансляции

феноменов культуры, в том числе нормативности и репрессивности.

В целом в изучении духовной составляющей культуры предметный подход может быть конкретизирован семиотическим, поскольку предметом культуры является текст культуры, как знаковая система.

В этом смысле семиотический подход (Р. Барт, К. Леви-Стросс, У. Эко, Ю.М. Лотман и др.), на наш взгляд представляется более ориентированным на анализ того или иного явления, характерного для определенного культурно-исторического контекста. Соглашаясь с мнением С.Т. Махлиной, что «культура – это совокупность знаковых систем, с помощью которых человечество или данный народ поддерживает свою сплоченность, оберегает свои ценности и своеобразие своей культуры и ее связи с окружающим миром» [214, с. 166], полагаем, что нормативность и репрессивность задают и создают социокультурную среду, в которой ее проявления функционируют как тексты культуры. Другими словами, в рамках данного подхода нормативность и репрессивность понимаются как особая среда, в которой конструируются определенные тексты культуры. Семиотический подход в целом позволяет понять генезис текста культуры как цельного социального явления в совокупности знаков и значений.

Для семиотиков в общем идеологические или эстетические оценки нормативности и репрессивности культурных явлений имеют второстепенное значение, большее внимание обращается на коммуникативное поле, в котором искомые явления функционируют и распознаются как текст, который трактуется в качестве коммуникационной системы.

В основе культурной взаимообусловленности критериев нормативности и репрессивности культур лежит знаковое оформление культуры, что позволяет поддерживать и транслировать ее ценностные основания как символические системы. Отдельные группы людей, имея общий взгляд на мир, создают собственную символическую среду, включающую различные культурные коды, знаки и символы, тексты культуры, которые служат основой для коммуникации и деятельности. В

контексте данного подхода нормативность и репрессивность представляют собой уникальное семиотическое пространство, сложную структуру, включающую в себя идеи и смыслы различных социокультурных практик. Таким образом, смысловые границы нормативности и репрессивности как семиосферы (Ю.М. Лотман) обуславливают многомерное пространство взаимодействия всех общественных, идейно-политических, художественно-эстетических явлений культуры.

Однако следует отметить, что семиотический подход в определенном смысле не акцентирует внимания на активной жизненной позиции личности, общественных групп, которые осуществляют поддержание и трансляцию тех явлений культуры, которые отвечают их мировоззрению. Поэтому семиотический подход коррелируется с деятельностным подходом, в контексте которого культура анализируется с точки зрения деятельности человека.

Деятельностный подход, по мнению ряда ученых, является наиболее плодотворным. В рамках этого подхода культура, с одной стороны, определяется как специфический человеческий способ деятельности вообще, включающий в себя всю совокупность сложной и многогранной системы внебиологически выработанных механизмов (Е.В. Давидович, Ю.А. Жданов, М.С. Каган, Э.С. Маркарян и др.). С другой стороны, культура здесь рассматривается как процесс реализации творческих сил и возможностей личности (А.И. Арнольдов, Э.А. Баллер, Н.С. Злобин, Л.Н. Коган, В.М. Межуев и др.). По мнению В.М. Межуева, культура представляет собой «производство самого человека во всем богатстве и многосторонности его общественных связей и отношений, во всей целостности его общественного бытия» [215, с. 197].

Понимание нормативности и репрессивности с позиций деятельностного подхода в целом имеет четкую ориентацию на приоритет тех или иных социокультурных норм. Нормативность и репрессивность существующие в границах социального пространства и времени,

обусловлены духовной деятельностью человека, а сам человек одновременно является и субъектом, и объектом культуры. Овладевая продуктами культуры как универсальными, так и принятыми в конкретном обществе в конкретный период, человек всегда привносит в культуру свое индивидуальное. Таким образом, как социокультурный феномен, нормативность и репрессивность могут быть рассмотрены в системном взаимодействии среды, общества и человека, как качественная характеристика деятельностных результатов активности личности.

На наш взгляд, исследование нормативности и репрессивности, особенности их бытования и функционирования в контексте данного подхода является наиболее существенным, поскольку в целом в нем выражается стремление определить культуру как специфический вид человеческой деятельности в контексте определенных норм и запретов. В рамках деятельностного подхода попытка осмысления как культуры в целом, так и нормативности и репрессивности зачастую приводит либо к отождествлению социального и культурного, либо к их противопоставлению. Вследствие этого, с точки зрения анализа функционального взаимодействия всех элементов культуры как организационной целостной системы актуальным является системный подход.

Культура является искусственно созданной средой, постоянно пополняющейся результатами материальной, духовной и художественной деятельности человека, совокупность которых представляет собой целостную систему. В этом контексте разделяем мнение: «все, что направлено на формирование человека именно человеком, а также на формирование человеческой среды обитания есть культура» [286, с. 31]. Принципиальным для нас становится возможность понимания сущности феноменов нормативности и репрессивности не в их автономных проявлениях, а как включенную в более широкую целостную систему культуры.

Феномены нормативности и репрессивности заключаются в целостности системы, где реализуется диалог смыслов, которые постоянно

актуализируются и обновляются в определенном историко-культурном контексте. Данный подход позволяет рассматривать нормативность и репрессивность как элементы всеобщей структуры культуры, как онтологически обозначенные единицы.

Таким образом, в рассмотренных нами разнообразных подходах, применяемых для осмысления сущности феномена культуры, наличествует общий фактор – место и роль человека в создании культуры, формировании ее структурных компонентов. Творческая личность является не только неотъемлемой частью культурного бытия, но субъектом преобразования социально-исторической действительности. С одной стороны, восприятие социально-культурного опыта индивидом, означает, что он растворяется в культуре, созданной до него его предшественниками. С другой – каждый причастен к закономерному процессу обогащения культуры, посредством привнесения личностного вклада, как в культуру конкретного общества, так и мировую.

М.С. Каган полагает, что выделение различных интерпретаций и подходов к пониманию культуры абсолютно правомерно, но все они являются лишь дополняющими друг друга, освещаая какой-то определенный аспект функционирования или развития культуры. «Культура является многоэлементной и полиформной, что делает возможным и необходимым ее системно-философское рассмотрение, в контексте которого культура предстает не суммой многообразных форм, а системно-целостным единством» [132, с. 21]. Однако в данной диссертационной работе в силу специфики объекта и предмета исследования мы отдаем предпочтение аксиологическому и историко-культурологическому подходам.

Таким образом, подводя итог сказанному и предваряя анализ социальных и исторических условий репрессии в культуре, отметим следующее.

Во-первых, в целом в процессе своего исторического развития человечество создало такие формы социальной регуляции как сила власти и

система норм и ценностей, содержащая в себе стереотипы социально одобряемого поведения. Определенные нормы касаются частной жизни индивидов, другие – общественной, что зачастую обуславливает противостояние коллективного в противовес индивидуальному, или субъективного в противовес объективному [221, с. 128]. Все эти нормы априори включают в себя регулятивную и репрессивную составляющие, «если культура – это совокупность норм, традиций и обычаев всей социальной практики, то и репрессия является культурно опосредованной и санкционированной» [324, с. 75].

Во-вторых, в истории культурологической мысли была осуществлена рефлексия нормативности и репрессивности в культуре, проблема и степень их влияния на свободу деятельности и творчества человека. Все это обусловило целый ряд различных исследовательских направлений и трактовок культуры, оценок, характеристик нормативности и репрессивности, а также их взаимообусловленности.

Попытка осмысления феноменов нормативности и репрессивности в культуре была осуществлена с различных мировоззренческих и методологических подходов. Как социокультурные явления нормативность и репрессивность представляют собой инструменты реализации насущных интересов общества и государства. Если брать это положение за исходное, то целесообразность применения репрессий со стороны субъекта, обусловлена социально-историческими условиями и факторами развития того или иного государства.

В свою очередь, общественные интересы определяются тем, что правящая элита устанавливает в качестве критериев ценностей. В социальной действительности определенные элементы картины мира, общественные идеалы фиксируются в качестве ценностей. Этот процесс обусловлен логикой исторического развития, в большей степени зависти не от потребностей, интересов и желаний отдельной личности, а от конкретных целей всего общества. Вместе с установлением какого-либо явления

материальной или духовной деятельности в качестве ценности, ему придается «положительное или отрицательное значение, либо нормативный, регулятивный и предписывающий смысл» [180, с. 331]. Этот аспект соотношения идеального с реальным в соответствии с социальными потребностями, определяет необходимость объективного понимания значимости всех явлений культуры, в том числе и категорий нормативности и репрессивности.

1.3. Социально-исторические условия репрессии в культуре

Проблема условий и факторов применения репрессий стала объектом внимания со стороны исследователей относительно недавно. Осмысление ее сущности, особенностей появления и бытования в структуре общества представляет собой разнообразие идей, мнений и оценок. В связи с этим полагаем, что в обосновании и характеристике этого разнообразия следует остановиться на рассмотрении культурно-исторического фона, который демонстрирует наличие условий и факторов применения репрессий в мировой истории.

Репрессии применялись в разных культурах с глубокой древности с момента появления первых цивилизаций, определяя их культурное лицо в зеркале мировой истории. В качестве примера мы решили выбрать Циньскую империю (221-207 гг. до н.э.), Древний Рим I-III веков, эпоху европейского Ренессанса, Германию (1933-1945) и КНР (1966-1976). В этих политических структурах, на наш взгляд, репрессия не только пронизывала все сферы общественного бытия, но и становилась главной движущей силой социально-политического развития общества. Здесь репрессии были направлены на разрушение того, что противопоставлялось идеологии правящей элиты, а процесс отрицания тех или иных культурных норм становился государственной политикой.

Первый китайский император Цинь Шихуанди основал централизованное государство на основе учения «фа цзя» («школа законников»), доктриной которого стало возрождение государства с

помощью законов. Проведение комплекса социально-политических и экономических реформ идеологами легизма понималось как утверждение единых законов, которые воспринимались ими как создание законодательства, заменяющего нормы обычного права. Репрессивная политика и карательная практика, направленные на искоренение инакомыслия и уничтожение культурных традиций, сопровождались усилением деспотизма. В контексте данной государственной политики внедрение в сознание населения ценности доноительства породило тотальный страх и всеобщую подозрительность. Это было обусловлено предыдущей политической и культурной раздробленностью Древнего Китая, что с неизбежностью влекло за собой искоренение того, что мешало созданию новой политической структуры и ее культуры.

Главным объектом репрессий стала наследственная знать и аристократия покоренных княжеств, а также конфуцианцы и само конфуцианское учение, в основе которого лежали интересы именно наследственной аристократии, представляющей собой элиту того времени. Для искоренения инакомыслия легисты предлагали «расчленив и оглушить народ (гневные филиппики против «паразитов», т.е. интеллектуалов, были неслучайны; даже один интеллектуал на тысячу простых людей опасен, ибо способен смутить народ), но и обуздать знать, привыкшую в условиях феодальной структуры к своеволию» [71].

В борьбе с ними Шан Ян – один из основоположников легизма – использовал закон в качестве инструмента превентивного террора, за малейший проступок следовало наказание, в большинстве случаев – смертная казнь. Легистами абсолютно не учитывались представления о законных гарантиях граждан на справедливое разбирательство, судебную процедуру или о праве на защиту. Произвол в отношении населения был безграничен со стороны государства, мощный и всезнающий репрессивный аппарат обеспечивал эффективность управления, «в противном случае все они ничего бы не стоили и никто с ними не стал бы считаться» [71].

Китайские историки сохранили записи о сожжении томов классической китайской литературы, показательных публичных жестоких казней 460 конфуцианцев, а также более десятка тысяч мелких землевладельцев, около сотни тысяч отправленных на каторжные работы по строительству дорог, дворцов и Великой китайской стены.

Власть первой императорской династии Цинь просуществовала всего 14 лет, но сыграла огромную роль в истории культуры Китая. Несмотря на внедрение репрессивной политики, выраженной в тирании и кровопролитии, установлении тотального контроля и повсеместного животного страха, первым императором были осуществлены многочисленные административные, экономические и социальные реформы, ставшие отправной точкой будущего величия Китая.

При этом борьба с конфуцианством не принесла желаемого результата, уже при следующей династии Хань (206 г. до н.э. – 220) конфуцианство было установлено в качестве государственной идеологии более чем на 2000 лет. Следует отметить, что в самые кризисные моменты социально-политической истории Китая имели место неоднократные кровавые бунты против просвещенной элиты – носителей конфуцианского знания (восстания «Желтых повязок» 184 г., «Белого Лотоса» 1351 г., «Восьми триграмм» 1813 г. и др.), но одним из самых страшных по количеству жертв, по урону, нанесенному национальной культурной традиции, стала «Культурная революция» Мао Цзэдуна.

Правительством КНР в период с 1966 по 1976 годы осуществлялась «Культурная революция», обусловленная провалом политки «Большого скачка» и ослабления политической позиции Мао Цзэдуна. Синологами делается вывод, что оба этих эксперимента были достаточно рискованными и имели тяжелые социально-экономические последствия. Основной целью культурной революции стала борьба с оппозицией, политическое и физическое уничтожение политических врагов Мао Цзэдуна. Но также было инициировано и так называемое «перевоспитание» населения Китая, в

первую очередь – образованная его часть. Великим кормчим был выдвинут тезис: «Социальные низы – самые умные, социальные верхи – самые глупые». «Политический враг» не имел четких контуров, поэтому под эту категорию подпадал любой «от обычного крестьянина до высшего партийного работника» [98] и даже иностранные граждане. Был сформирован образ «Врага», определявшийся также довольно расплывчато: «черные ревизионисты, идущие по капиталистическому пути» [98]. Несмотря на неопределенность критериев, в категорию «врага» подпадали представители политической, военной, научной и творческой элиты. Также радикальным трансформациям была подвергнута традиционная культура, сферы которой активно искоренялись из социокультурного пространства. Тем самым условиями и факторами применения репрессий стала политическая борьба за власть.

Что касается принципов применения репрессивных мер, то они были практически беспрецедентными и обусловлены следующими факторами. Во-первых, репрессии применяли не соответствующие государственным органам исполнительной власти, а молодежными отрядами. Во-вторых, репрессивные меры применены были как в отношении физических лиц, так и «"четырёх старых" – культуры, идеологии, традиций и обычаев. Хунвэйбины и цзаофани штурмовали храмы, памятники старины, громили иконы, культурные ценности, сжигали произведения живописи, театральные костюмы, прогоняли "нечисть" из городов, судили, конфисковывали имущество, водили людей по улицам для показа толпе, устраивали у себя в доме судилище, злоупотребляли пытками, избивали людей до инвалидности и до смерти» [301, с. 82].

В синологических работах, посвященных исследованию данного периода, отмечается, что суть культурной революции заключалась в установлении тотального господства над индивидом и обществом, на вытеснение из массового сознания духовно-нравственных идеалов и принципов, лежащих в основе национальной китайской культуры. В первую

очередь это касалось конфуцианских морально-этических норм и ценностей, в частности, нормы «сяо» - сыновней почтительности, которые не соответствовали новой концепции и практике маоизма. Для этого насущной задачей стала необходимость разорвать многотысячелетнюю традицию родовых семейно-клановых отношений и упразднить ведущую роль семьи во всех сферах жизнедеятельности китайского общества с древнейших времен.

В ходе десятилетней культурной революции Мао Цзэдуна были физически уничтожены представители научной, военной, технической и творческой интеллигенции, носители древних знаний философии, боевых искусств. Также варварскому уничтожению подверглось и богатейшее культурное наследие Китая. Таким образом, по сути политики Цинь Шихуанди и Мао Цзэдуна были антиконфуцианскими, вызванными в большей степени политическими причинами. При этом репрессивная политика в отношении конфуцианства не принесла желаемого результата ни для одного из них. Как было отмечено выше, при династии Хань (206 г. до н.э. – 221 г. н.э.) конфуцианство как морально-этическая доктрина было установлено в качестве государственной идеологии, а с 1978 года был взят курс на социализм «с китайской спецификой» и строительство «сяо кан». В программных документах под «китайской спецификой» понимается сохранение и трансляция доктрины и морально-этических ценностей конфуцианства и построение конфуцианского «общества малого благоденствия» (сяо кан).

Иные причины применения репрессий государственным аппаратом демонстрирует Древний Рим I-III веков. Гонения на ранних христиан носили государственно-правовой характер и были обусловлены религиозным мировоззрением Древнего Рима, базировавшимся на римском суверенитете и государственной религии. Пока последователи Христа были малочисленной группой, они не вызывали чувства опасности, но постепенно, находя отклик в сердцах и душах все большего числа людей, власти увидели в учении угрозу имперским общественным устоям и традиционной морали.

Государственный аппарат в борьбе с зарождавшейся христианской культурой использовал различные методы. Например, было сформировано «агрессивно-негативное отношение к ним и со стороны римского общества, которое готово было видеть в общине христиан источник всех своих бед» [351, с. 15]. Эдикт Диоклетиана устанавливал уничтожение или конфискацию церковных зданий и церковной собственности, конфискацию и сжигание книг, в том числе и Священного Писания, лишение возможности правосудия для христиан, а также их жестокие публичные казни и массовые расправы.

Следует отметить, что до христиан репрессивные меры физического характера (притеснения, гонения, убийства) или морального давления (обвинения в кровосмесительных оргиях и ритуальных поеданиях младенцев) предъявлялись представителям других маргинальных групп, в частности, дионисийским сектам. Для нас здесь важны формы борьбы, которые представляли собой «простые и понятные массам схемы, ранее успешно опробованные и уже доказавшие свою эффективность. Такое сведение нового, сложного и непонятного к простому и хорошо известному облегчало задачу дискредитации "чуждых" групп. По иронии судьбы, получив власть, уже сами христиане использовали те же схемы для борьбы с оппонентами» [300, с. 49].

Однако массовые и жестокие репрессии по отношению к христианам не принесли желаемых результатов. Зачастую они, наоборот, вызывали сочувствие, а также сформировали институт мученичества. Кроме того, римская религия уже не могла составить альтернативу христианству как идеологии, поэтому все преследования по Эдикту Диоклетиана (305) были отменены, а в 313 году Миланским эдиктом христианская церковь была легализована.

Важнейшим этапом в культурно-историческом развитии средневековой европейской культуры стал неоднозначный и противоречивый период Позднего феодализма. На протяжении долгого времени в эпохе Возрождения видели только положительное, практически полностью игнорируя даже

возможность наличия отрицательных моментов. Ренессанс, с одной стороны, это период возникновения гуманистической основы мировоззрения, утверждения нового типа личности и нового способа мироощущения, творчество Петрарки, Боккаччо, Леонардо, Микеланджело, Рафаэля, Тициана и других, подаривших человечеству прекрасные памятники литературы и искусства, с другой – конфликт мировоззрений. Концепция гуманизма утверждала иную систему ценностей, в корне отличавшуюся от господствующей: поднимала человека до «совершенного создания» Бога «по образу и подобию», предназначенного для творческой активности по преобразованию мира посредством искусства и науки.

Ренессанс был наполнен тотальным контролем всех сфер жизнедеятельности и применением многочисленных репрессий со стороны властной структуры – католической церкви. Это было вызвано антифеодальной и антиклерикальной направленностью эпохи, когда возобладание светского рационального начала над религиозным, подрывало религиозные и государственные устои. Конфликт мировоззрений с католической церковью к этому моменту был настолько серьезен, что даже породил мощное движение Реформации, что привело к ее расколу. Тоталитарное господство Церкви, ее стремление сохранить власть любой ценой знаменовалось жесткой репрессивной политикой: в 1542 году была реорганизована инквизиция, а утвержденный в 1540 году орден иезуитов фактически стал репрессивным органом Ватикана, вновь начали применяться многочисленные жесточайшие преследования, отлучение от Церкви, пытки, казни инакомыслящих – ученых, мыслителей, писателей, придерживающихся традиций Ренессанса. Так, были сожжены Дж. Бруно, Ян Гус, Дж. Савонарола, Рабле был вынужден скрываться за границей от преследования Инквизиции. В 1559 году впервые был издан «Список запрещенных книг», в который вошли произведения гуманистической литературы, в том числе и произведения Данте, Боккаччо, научные труды Галилея. Таким образом, гуманистическая направленность вызвала антигуманистическую реакцию в

виде инквизиции.

Однако, несмотря на все старания предпринимаемые Церковью для сохранения и укрепления своей власти, Возрождение явилось особым культурным и интеллектуальным движением, приведшим к всесторонним радикальным изменениям в европейской культуре XV-XVI веков. Следствием распространения мощного религиозного движения, вошедшего в историю как Реформация, стало отделение от Ватикана и образование новой формы христианства – протестантизма. Появление национальных церквей способствовало росту национального самосознания, повышению культурно-образовательного уровня населения тех государств, которые ранее считались окраиной Христианского мира, усилению светской власти и укреплению централизованных государств. Идеи гуманизма, сформировавшиеся в этот период, не только придали западной цивилизации облик «коренным образом отличающий ее от других традиционных цивилизаций – китайской, индийской, мусульманской, с которыми она прежде имела большое сходство» [180, с. 353], но и до сегодняшнего дня являются основой европейской системы ценностей.

В XX веке политическими элитами во всех концах света было осуществлено немало репрессивных акций политического характера. Однако в Германии (1933-1945) репрессия стала не только главным инструментом социально-политического, экономического, культурного управления, но и экстраординарно проявилась в государственной политике Холокоста.

Условием нацистских репрессий послужило политическое унижение Германии по итогам Первой мировой войны, что обусловило оправдание их применения ради возрождения Великой Германии в проекте Третьего Рейха. В процессах установления и укрепления нацистского режима имело место не только устранение политических противников. Реформировалась жизнь во всех общественных сферах: социально-политической, экономической, духовной, в основу которой был положен национализм, где главной была идея расового превосходства и расовой исключительности титульной нации.

Массовые репрессии, направленные на полное уничтожение или порабощение других народов, были возведены в ранг государственной политики. В основе идеологии фашизма лежало полное, даже тотальное господство над всем обществом, для чего применялись механизмы и способы прямого воздействия на волю индивида.

Особенно пристальное внимание нацистами уделялось пропаганде с целью максимально быстрого формирования принудительного единомыслия. Как отдельные личности, так и организации и учреждения, в том числе и представители научного мира не препятствовали и попустительствовали нацистской политике, направленной на расовую и политическую чистку немецкого общества. Наоборот, определенная часть передовой интеллигенции даже поддерживали ее. Многие выбрали путь покорного «приспособления к режиму, которое стало широко распространенным феноменом между наукой и нацизмом» [160, с. 57]. Специфическими характеристиками режима нацистов, построивших «маниакально идеологизированное общество» явились «очевидная контаминация, подмена или смешение понятий "культура" и "идеология" или, как минимум, культура рассматривается в качестве гуманитарной составляющей идеологии» [324, с. 20].

Ярким примером служит отношение нацистов к писателю Э.М. Ремарку, когда из-за реалистичного слога писателя, отражающего идеи гуманизма и пацифизма, которым пропитан роман «На Западном фронте без перемен», он подвергся резкой и жестокой критике со стороны властей Германии. Об этом свидетельствуют протест Лиги германских офицеров, когда Э.М. Ремарка выдвинули на Нобелевскую премию, обвинения его в предательстве родины, а также в воровстве рукописи у убитого товарища. В мае 1933 года роман был публично сожжен на площади, а автор был лишен немецкого гражданства. Пришедшие на тот момент к власти нацисты убеждали людей Германии в том, что произведение Э.М. Ремарка является литературным предательством солдат Первой мировой войны, что автор

дезертир, государственный изменник и работает по заказу врагов Третьего Рейха – Антанты. Но самое страшное событие произойдет спустя 10 лет. Его сестру Элфриду Шольц казнят за «возмутительную и фанатическую» пропаганду в пользу врага.

Все вышеуказанные исторические примеры указывают на то, что в долгосрочной перспективе стратегические цели репрессий не были достигнуты. Наоборот, те явления, которые подвергались репрессиям, через относительно небольшой исторический период времени становились доминирующими. Конечно, не все репрессируемые явления переживали свое возрождение, но тем не менее общая тенденция стратегической неэффективности государственных репрессий может быть отчетливо прослежена.

Если говорить о современной политической ситуации, то даже государства, провозглашающие себя в качестве «демократических, свободных и открытых обществ», используют и довольно активно различные репрессивные меры, как во внутренней, так и внешнеполитической практике. Рядом отечественных политологов уделяется особое внимание символической репрессии. П.С. Зиноватый полагает, что она представляет собой «принуждение посредством воздействия через культуру» [123, с. 17]. Сегодня политическая практика стран Северной Америки (Канада, США), Европы, Балтии, Австралии и других связана с активным ведением информационной борьбы, намеренным искажением исторических и современных фактов и событий, внедрением в массовое сознание населения необходимых мировоззренческих установок, формирование нового образа «Врага» и т.д. Вследствие чего беспрецедентным становится влияние идеологии «ведущего» государства на жизнедеятельность как собственной, так и других стран, на формирование требуемого отношения индивидов к конкретной социокультурной ситуации. Поддержание соответствующей политики обуславливает применение репрессивных мер как в отношении индивидов, так и отдельных элементов, не вписывающихся в социально-

политическую картину власти.

Возвращаясь к специфике репрессивной государственной политики, отметим, что на протяжении длительной истории человечества законность оснований применения репрессий не вызывали сомнений и проблем со стороны общественности. Так, «публичные или тайные казни, пожизненное заключение в крепости, нередко с сокрытием имени узника, продажа в рабство, изгнание, истребление семьи или целого рода производились по единоличному решению владетельного князя, короля, императора, султана, и это считалось его суверенным правом» [307, с. 17-18]. В традиционном обществе нормы и запреты играли основополагающую роль, поэтому контроль и наказания со стороны общества или государства рассматривались как естественный фактор социально-политической жизни.

К. Маркс, например, в своей концепции оправдывал применение репрессии, пропагандируя идею т.н. прогрессивного насилия со стороны определенной части общества (в его теории – пролетариата) по отношению к другой: «Чтобы революция народа и эмансипация отдельного класса гражданского общества совпали друг с другом, чтобы одно сословие считалось сословием всего общества, – для этого, с другой стороны, все недостатки общества должны быть сосредоточены в каком-нибудь другом классе, для этого определенное сословие должно быть олицетворением общих препятствий, воплощением общей для всех преграды; для этого особая социальная сфера должна считаться общепризнанным преступлением в отношении всего общества, так что освобождение от этой сферы выступает в виде всеобщего освобождения» [203, с. 425].

Таким образом, можно констатировать, что условия применения репрессии заключаются в объективных обстоятельствах жизни общества, вызывающие репрессии в рамках интересов правящей элиты, а факторы – в механизмах социально-политического регулирования. Реальная жизненная ситуация постоянно ставит правящее руководство перед тяжелым выбором необходимости применения или отказа от репрессий. Относительно

советской реалии первых послереволюционных десятилетий, отечественный историк П. Краснов указывает: «Увы, есть немало ситуаций, когда если ребёнок не прольёт слезинки, то кровавыми слезами будет плакать весь народ. Так, например, непременно случилось бы, если бы не было своевременной индустриализации – аграрную Россию раскатали бы немецкие танки, а если бы не были разгромлены банды и шпионы 20-30 гг., то даже фашистские танки бы не потребовались – России бы уже не было» [163].

В современных условиях таким примером является процесс миграции беженцев из стран Ближнего Востока и Северной Африки в Западную Европу. Правительства европейских стран вынуждены балансировать между требованиями толерантности по отношению к мигрантам и попранием прав и свобод своих собственных граждан. Достаточно упомянуть теракт в отношении женщин в ряде городов Германии, «национальные» традиции решать споры и конфликты с помощью оружия, неподчинение властям и т.д. Это становится серьезнейшей политической и межкультурной проблемой, многие государства обоснованно сопротивляются приему мигрантов на своей территории. Конечно, это связано и с экономическими трудностями, которые испытывают западноевропейские государства, но в первую очередь с тем, что «большая часть иммигрантов, не желает принимать обычаи, принявшей их страны, и даже не дают себе труда выучить язык этой страны» [365, с. 126-127]. В данной ситуации применение репрессии – наказания, установленного и применяемого государством за несоблюдение норм, принятых на всей его территории, просто необходимо, с целью сохранения социокультурной европейской целостности. Будучи основным инструментом социально-политического и культурного регулирования, она обеспечивает стабильность жизнеустройства общества, выполняя главную функцию защиты.

Понимание и осмысление условий и факторов применения репрессии вновь возвращает нас к определению ее места и сущности, имеющие концептуальное значение. В первую очередь это обусловлено развитием и распространением гуманистических и либеральных идей, выведших человека

из социальной и духовной системы и объявивших его высшей ценностью, имеющего естественное право на индивидуальную, личную свободу. Это поставило вопрос о границах этой свободы со стороны общества и государства, что и привело к проблематике репрессий. Современный социально-гуманитарный дискурс представляет разнообразие идей, мнений и оценок в рефлексии репрессии, характеристик государств и обществ, введение в научный оборот новых дефиниций, коррелирующих с понятием «репрессия». Эти понятия и термины в большей степени отражают позицию гуманистически-либерального мировоззрения и отношения к контролю и наказаниям отдельной личности или группы лиц со стороны государства. Другими словами, искомый концепт в научном и публицистическом дискурсе в большей степени используется для описания и анализа деятельности государства.

Понятие «репрессивный» в словарях толкуется как «являющийся репрессией, карательный, служащий для подавления кого-нибудь или чего-нибудь» [308]. В социально-политической практике оно коррелируется с насильственными действиями, например, «репрессивная политика», «репрессивный аппарат», «репрессивные органы».

Смысл понятия «репрессированный» означает: «подвергшийся карательным мерам со стороны государства, которое выражается в неоправданно жестоком наказании, несоразмерным с проступком» [308]. Данное определение используется относительно конкретной личности, когда идет речь о применении наказания, групп лиц или целых народов, когда речь идет о депортации, геноциде, насильственной ассимиляции, социокультурных явлениях, когда речь идет об их упразднении из социального пространства. В научный и публицистический дискурс вошли такие понятия как «репрессированная культура», «репрессированная наука», «репрессированная музыка», «репрессированная архитектура» и т.п.

Исходя из этих толкований, понятие «репрессивность» коррелируется с политикой государства, продуцирующей нормы и ценности официальной

культуры, а репрессирование становится символом подавления, отчуждения, оппозиционности. Однако объективно они взаимно обусловлены, общими для них являются принципы, механизмы, целесообразность государственной политики и применение репрессий как в отношении личности и общества, так и культурных явлений.

Здесь показательным, на наш взгляд, является отношение советской власти к авангарду, поставившему перед собой грандиозные задачи по радикальному преобразованию культуры. Авангардное искусство концептуально представляет собой не просто изображение окружающего мира, а – экспериментальное искусство, где поэты, художники, архитекторы, скульпторы, выходя за рамки академизма, пытались найти новые формы и способы для своего творчества. В России авангардисты (Н. Асеев, В. Маяковский, В. Хлебников, К. Малевич, В. Татлин, В. Мейерхольд и другие), чье искусство впоследствии стали называть «левым», восприняли революцию как освобождение от рамок академизма и выразили готовность ей служить.

Они стали наиболее радикальными новаторами в области культуры и искусства, где само искусство, по их мысли, должно было стать новым, чтобы служить инструментом переделки мира. В отличие от пролеткультовцев, которые ставили вопрос создания «своей» пролетарской культуры на основе ценностей социализма, авангардисты ценили только те произведения, которые новизной своей могут родить в читателе и зрителе нового человека. Революция в культуре и искусстве представлялась ими как разрушение всех канонов и ценностей, как творческие акты, призванные создавать «новое» в искусстве и в своих идеях «переустройства мира» шли даже дальше большевиков. Они полагали, что Октябрьская революция сумела уничтожить лишь политическое и «социальное рабство, но не рабство Духа, поэтому призывали пролетариев фабрик и земель к третьей бескровной, но жестокой революции духа» [269, с. 63]. К. Чуковский, в частности, отмечал органичность такого варианта «русского бунта» [269, с. 306]. В России в то время рождались урбанистические миражи,

многочисленные литературные течения и формы нового искусства. Но, выполнив свою разрушительную миссию, авангард в 1930-е годы был уничтожен, несмотря на лояльность партии и наполнение искусства революционной тематикой.

По мнению И.Е. Васильева, с чем соглашаемся и мы, «жизнестроительные устремления авангарда... стали приобретать довольно небезопасные формы полемичности по отношению к большевистским властям, не признающим никакого соперничества. Возможно, именно подобные притязания на первые роли наряду с другими обстоятельствами позже послужили причинами вытеснения авангарда из зоны легитимной культурной практики» [70, с. 73]. Другими словами, воспользовавшись авангардом в качестве инструмента разрушения старой культуры, советская власть отказалась от него в процессе строительства новой социалистической культуры.

Для нас исследовательский интерес вызывает понятие «репрессированная культура» в целом применяемое для анализа социокультурных условий взаимодействия властных структур и научной и творческой элиты. Относительно отечественной культурой примерами могут служить «философский пароход», диссиденты, ГУЛАГ, моральное давление на представителей науки и культуры, а также трагическая судьба их творческого наследия. Однако подобная оценка обуславливает неверное понимание самой функции репрессивности и является односторонним, субъективно-негативным подходом к роли общества и государства в истории развития культуры.

В целом при анализе понятия «репрессированная культура», используемого современными исследователями разных научных направлений, нами было выделено два аспекта его употребления. Часть исследователей стоят на позициях, что репрессированная культура формируется эстетическими механизмами, другая – что механизмы репрессирования различных элементов, явлений культуры носят

идеологический и административный характер.

Выше нами отмечалось, что мировоззренческие идеи и принципы в массовое сознание внедряются, в том числе посредством художественной культуры. К.Н. Анкудинов, российский литературовед, использует понятие «репрессированная культура» и «параллельная культура» в отношении современной неоромантической поэзии. По мысли исследователя, выделенная им «параллельная культура», является «всегда репрессированной, униженной культурой», которая в иерархии культуры находится «на периферии, на задворках и в низинах». Причины репрессирования в этом случае, по мнению автора, обусловлены исключительно эстетическими причинами и востребованностью читателей [см.: 23].

Исследователь фольклорной традиции В.А. Суковатая полагает сатиру определенным видом репрессии в контексте нормативной репрезентации Власти. К такому выводу ученый приходит, исходя из положения, что сатира – это уничижительная критика социальных пороков с точки зрения определенного общественного идеала, поэтому сатирической репрессии подвергаются такие «аспекты проявления субъективности, которые, с точки зрения традиционной социумной модели, нарушают уже сложившийся принцип распределения Власти» [298, с. 103]. Анализируя тексты народных сказок, автор отмечает, что тот, кто обладает властью, репрессировывает все, что ставит под сомнение «естественного права» Власти быть Властью. Следовательно, в поле символической репрессированной культуры попадают как отдельные личности более низкого статуса: женщины, старики, дети, так и некоторые культурные явления, например, «снижение гендерного статуса мужчины, переведение мужчины по каким-то признакам в категорию Женского с целью лишения социального лица» [298, с. 108].

В подобном ключе российским филологом А.А. Аствацатуровым в монографии «Феноменология текста. Игра и репрессия» обращается внимание на абсолютно новые подходы в осмыслении истории мировой

литературы XX века. Особое значение исследователь придает литературной форме и «борьбе» с ней как со специфическим типом репрессии [см.: 31].

Российский культуролог Е.А. Репина, осуществляя анализ особенностей архитектуры XX века, видит «источник ... репрессированных аспектов, например, гротеска и безобразного как составляющих частей возвышенного» [263]. В Москве в 2006 году была организована выставка «Репрессированная архитектура», целью которой было привлечение внимания к уникальным архитектурным памятникам авангарда, получившим мировую известность, но находящимся сегодня в аварийном состоянии и требующим безотлагательной реставрации.

Таким образом, приведенные примеры демонстрируют, что факторами репрессирования становятся разнообразные эстетические или потребительские запросы. В этом случае исследователями расширяется как само понимание репрессии, так и сущности репрессированной культуры. С этими конкретными примерами осмысления репрессированной культуры мы не можем согласиться, поскольку стоим на позиции, что концептуальным основанием репрессии является ее субъект – государство, а сама репрессия выступает инструментом государственного регулирования. Следовательно, ни творческие интересы писателей, художников, архитекторов, музыкантов и т.д., ни потребительские желания культурный уровень публики, ни даже эстетические запросы правящей элиты не могут выступать в качестве репрессии. Приведенные нами примеры, свидетельствующие об определенной не востребоваемости тех или иных жанров, не являются следствием государственных идеологических и политических требований.

На наш взгляд, данный исследовательский подход обращен к специфической особенности культуры, заключающейся в том, что культурная ситуация является динамичной, а не статичной. Закономерно, что многие из этих явлений, находящиеся на вершине иерархической системы, со временем теряют свою актуальность и уходят из социокультурной практики. И, наоборот, многие явления, находящиеся внизу иерархической системы

могут подняться наверх.

Этот процесс происходит по объективным причинам, который связан с требованием времени и интересами правящей элиты. Государственная власть маргинализирует те или иные культурные явления, придавая им негативную оценку. Поэтому выявить причины репрессирования тех или иных культурных явлений в социокультурном пространстве достаточно сложно. В контексте нашего исследования эти положения не представляются значимыми, так как они никаким образом не связаны с механизмом подавления и использования репрессий со стороны государства, вследствие чего их неправомерно называть репрессией.

В большинстве случаев культурная жизнь подчиняется государственной идеологии, искусство становится главным инструментом политического режима. Используя понятие «репрессированная культура» в этом контексте, исследователи основываются на том, что механизмами репрессирования становятся политические требования власти.

Российский культуролог Л.Л. Штуден использует дефиницию «репрессированная культура», анализируя сущность таких исторических фактов как принятие христианства, реформы Ивана Грозного, Никонианский раскол Русской Церкви и других. Исследователь полагает их насильственными актами, несмотря на свой прогрессивный эффект, в результате которых «отдельные элементы, части, явления которой либо исчезли совсем, либо ушли в "подполье"» [365, с. 131].

Следует отметить, что в социокультурном плане, приведенные Л.Л. Штуденом примеры, в целом неоднозначны, и имеют как положительные так и отрицательные последствия. Для нас важным становится положение исследователя, заключающегося в том, что появление в социокультурном пространстве репрессированной культуры является следствием деятельности государственных органов, устанавливающих определенную систему норм и ценностей. Следовательно, то, что не соответствует политике государства и репродуцирует иные ценности, подвергается ограничениям и запретам. В

таком контексте мы разделяем точку зрения Л.Л. Штудена на понимание феномена репрессированной культуры, которое представляет собой неизбежное следствие любой культурной политики государства.

Выше мы уже обращались к работе К.Н. Анкудинова, в которой он в качестве примера репрессированной культуры приводит не только современную неоромантическую поэзию, но и творчество И. Бабеля, О. Мандельштама, диссидентов. В последнем примере автор условием репрессирования называет «советскую систему управления, которая была идеократической и подвергала репрессиям те культурные явления, которые идеологически ей противостояли» [23]. Далее автор в качестве примера противопоставления советской социально-политической практике приводит современную российскую реальность, делая вывод, что «идеологические механизмы формирования репрессированной культуры работают плохо, поскольку само государство по своей сути не является идеократией» [23]. Автор полагает, что эти примеры являются показательными в понимании феномена репрессированной культуры, однако искомая нами проблема затрагивается им лишь косвенно. В большей степени исследователь обращает внимание на литературоведческие особенности формирования репрессированной культуры.

В этом контексте мы согласны с К.Н. Анкудиновым, что как отдельные творцы, так и отдельные жанры и направления в художественной культуре, идеологически противостоящие официальной системе ценностей, входят в пространство репрессированной культуры: «для многих культур на протяжении исторического развития становились актуальными различные оппозиции "свой - чужой", "истинное - ложное", "прекрасное - безобразное", "искусство - неискусство", поэтому даже чисто эстетические явления типа стиля, поэтики и т.д. оказываются на самом деле позициями и ставками конкурентной борьбы за власть в социальном пространстве» [50].

В книге «Репрессированная музыка» М. Калужский приводит историю жизни восьми композиторов Германии и Советского Союза XX века.

Автором рассматривается, что в ходе репрессивной политики были репрессированы не только сами музыканты, но и их произведения, которые были частично уничтожены или утеряны, частично – закрыты в архивах. Определений используемым понятиям «репрессированная музыка» и «репрессированная культура» М. Калужский не дает, однако можно сделать вывод, что под ними автор понимает последствия репрессивной политики государств, «игнорировавших ценность человеческой жизни и трактовавших искусство исключительно как средство манипуляции умами» [134, с. 3]. На наш взгляд, это и относится к репрессиям в культуре, поскольку на достаточно обширном фактологическом биографическом материале, автором показана картина репрессирования властью «неугодных» музыкантов.

Исследователь Е.Г. Малиновская вводит понятие «репрессированная архитектура», раскрывая его содержание в нескольких аспектах. Во-первых, автором строительство промышленных поселков, «поселков-резерваций» на территории Казахской ССР понимается как следствие социокультурного геноцида кочевников. Во-вторых, исследователем рассматривается и анализируется деятельность советских архитекторов, которые были репрессированы, отбывали наказание в «Степлаге» (Кенгир, Казахстан), остались в республике после освобождения. Е.Г. Малиновская, в пространство «репрессированной архитектуры» включает не только личности архитекторов, но и их произведения, проекты, многие из которых были анонимны или официально числились за другими [см.: 205].

Неологизм «репрессированная наука» был введен Д.С. Лихачевым, М.Г. Ярошевским и другими авторами в коллективной монографии «Репрессированная наука». В общем и целом ими отмечается, что в определенных социально-политических условиях объектом репрессий может стать научное сообщество. На большом фактологическом материале показано, что отдельные научные направления и дисциплины находились под жестким влиянием идеологических установок в Советском Союзе. «В "незапрещенных" науках каралась приверженность теориям, на которые

падало подозрение в идеализме» [264, с. 5].

Российский философ И.И. Мочалов указывает, что в отечественной истории в период начала становления советской власти «сформировались такие социокультурные феномены, как репрессированная культура и репрессированная наука» [224, с. 122]. Не смотря на то, что исследователем не дается определения употребляемым понятиям, можем предположить, что И.И. Мочалов имеет в виду следующее. Репрессированная культура и репрессированная наука становятся результатом политики государства в исторически обусловленных трансформаций социально-политической, экономической сфер. В контексте этих трансформаций жизнь и деятельность научной и творческой интеллигенции напрямую связаны с противоречивыми и сложными событиями определенного времени, когда осуществлялись радикальные изменения сфер деятельности и мировоззрения.

Мы согласны с позицией этих исследователей, которые дают характеристику репрессированной науки в более широком контексте как деформацию научного сообщества в соответствии с требованиями идеологии государства. В данном случае уместно упомянуть мнение В. Гумбольдта, который провозгласил свободу творчества и мировоззрения важнейшим фактором научной деятельности. Государственная власть должна оказывать финансовую поддержку, но не мешать нормативно-правовыми и административными установками.

И.И. Мочалова, говоря о репрессированной науке как явлении социокультурной практики, приходит к выводу, что «это исключительное "достояние" нашей отечественной истории» [224, с. 189]. С подобным высказыванием исследователя мы не согласны, поскольку история человечества знает достаточное количество фактов непростых взаимоотношений ученых, мыслителей, писателей и других с властью. Выше нами были приведены примеры таких трагических взаимоотношений, которые заставляли человека делать выбор между правом свободной личности продолжить творить, работать в соответствии со своими

интересами и необходимостью принимать правила игры государства. С одной стороны, любой представитель науки и творчества хочет продолжить работу в своей сфере, готовить последователей, поскольку процесс развития науки и художественного творчества не должен быть прерван, но, с другой стороны, будучи человеком, он стремится просто выжить.

В этом плане невероятные масштабы и формы деятельности маккартистов в США против культурной и научной элиты страны являются ярким примером, который основан на страхе коммунистической идеологии. Беспрецедентными стали принципы применения репрессий в политике «культурной революции» Мао Цзэдуна по искоренению нравственных положений конфуцианства из массового сознания китайского народа, как не соответствующие маоистской идеологии, а также физическому истреблению цвета нации и уничтожение богатейшего культурного наследия страны.

В этом контексте отечественный философ и культуролог Э.В. Соколов, говоря о деятельности ученых, отмечает, что она является частью сложного и зачастую противоречивого развития историко-культурной эпохи, где всегда имеет место противостояние «между познавательным интересом и социальным заказом, стремлением к истине – и идеологическим императивом, коммуникацией по поводу истины – и той, которая имеет целью доказать правоту партии или доктрины» [287]. Подобный конфликт отражает трагедию судьбы творческой личности.

В результате, в трактовке понятия репрессия и его производных терминов, многие исследователи значительно расширяют их семантическое поле. Кроме того, многими исследователями данный концепт соотносится только с российской действительностью. На наш взгляд, такие подходы методологически не обоснованы, не имеют объективного критерия выделения механизмов осуществления репрессий и носят субъективный характер. Именно соотнесение репрессий с условиями и факторами политики государства позволяет выделить объективный критерий оценки репрессий.

Такие науки как юриспруденция и политология первостепенную роль в

организации управления обществом и применения репрессий для обеспечения стабильности его развития отводят государству как легитимному органу. Именно государству принадлежит функция определения и установления границ дозволенного (законодательные органы), контроля в исполнении правовых норм (правоохранительные органы) и применения мер репрессивного характера (судебные органы). В совокупности деятельность законодательных, исполнительных и судебных органов является наглядной демонстрацией регулятивной функции государства.

Здесь репрессия представляется необходимым средством поддержания правопорядка, устойчивого развития и обеспечения безопасности страны, а также свидетельствует о ее значимости в процессе исторической эволюции общества. Репрессия – специфический инструмент социокультурной практики государства. Механизм и система силового сопровождения встраивается в государственную внутреннюю и внешнюю политику для реализации различных целей. Имеет место также применение средств «морального давления общественных и религиозных организаций, отдельных лиц, обладающих авторитетом в обществе, СМИ и т.п.» [123, с. 4-5].

В общем и целом, на наш взгляд, социально-исторические условия репрессий неразрывно связаны с определенной системой ценностей, репродуцируемой государственной властью. Идеология во все времена являлась главной в процессе целенаправленного внедрения требуемой системы ценностей в массовое сознание населения. Именно идеология понимается нами как отправная точка в осмыслении концепта репрессии. В социально-гуманитарных исследованиях идеология играет важную роль в формировании «нового» человека и «нового» мировоззрения, внедряя в массовое сознание определенные правовые принципы, иную систему ценностей и, следовательно, тип мышления и поведения. Применение репрессивных мер государством, зачастую при этом полагается необходимой мерой в контексте идеологической или классовой борьбы. Исследователями

предоставлено достаточное количество фактологического материала, доказывающего применение репрессий на государственном уровне. В этом контексте отечественные исследователи теории государства и права полагают, что применение массовых репрессий является инструментом государства при установлении тоталитарного режима, следствием которого становится формирование массового репрессированного сознания [294, с. 3].

Для внедрения в массовое сознание требуемой системы ценностей применяется комплекс различных методов, среди которых наиболее действенными являются «распространение популярных изданий, создание пропагандистских органов, привлечение народных масс к отправлению правосудия и т.п.» [233, с. 4]. Поэтому одним из самых продуктивных способов по внедрению необходимой системы ценностей в XX-XXI веках становится пропаганда, являющаяся специфической формой идеологии. Именно пропаганда является фактором, направленным, например, на искажение фактов социальной истории того или иного государства. Таковой, в частности, является внешняя политика Украины в отношении Великой отечественной войны и истории культуры России.

Государственная репрессивная политика представляет собой естественный ход исторического процесса перераспределения материальных и духовных ценностей. В этом процессе мы видим отражение диалектического характера социально-политического бытия. Исходя из марксистского понимания исторического процесса, в обществе имеются классовые противоречия, выраженные в различных интересах господствующего и подчиненного классов. Репрессии, подавляя интересы подчиненного класса, служат интересам господствующего класса и обнажают эту диалектику социокультурного развития.

Органами власти в борьбе с инакомыслящими применяются разнообразные репрессивные меры. Таковыми, например, являются формирование агрессивного отношения к отдельным личностям и целым группам, уничтожение и конфискация научной, религиозной,

художественной литературы, ограничение и даже запрет на осуществление творческой и научной деятельности, лишение возможности правосудия, а также массовые расправы и жестокие публичные казни.

История человечества свидетельствует о том, что внутри общества имело место противостояние официальной культуры тем явлениям, которые не входят в ее рамки. Нормы и ценности, репродуцируемые и репрезентируемые официальной культурой, являются одобренными властью, что обуславливает их восприятие большинством населения в качестве идеальной модели поведения и мировоззрения. «В результате официальная культура порождает тенденцию установления общих и постоянных истин, основывающихся на краеугольных этических постулатах» [292, с.108]. В средневековой Европе, например, такой властной структурой была церковь, следовательно, официальная культура носила церковный (теологический, теоцентрический) характер. Эпохи Нового и Новейших периодов продемонстрировали, что официальная культура, санкционированная государством, становится одним из самых впечатляющих средств укрепления мощи государства.

Официальная культура – это доминирующая, встраиваемая в социокультурную действительность этносоциальной общности культура. С одной стороны, она базируется на определенном мировоззрении, с другой – порождает свою иерархическую систему ценностей, становящуюся доминирующей. Какие-то иные ценности, бытовавшие в обществе, в это же время могут отвергаться и репрессироваться. Государство в силу политической необходимости может изменить не только идеологический вектор, но и инспирировать переориентацию художественных предпочтений, поскольку искусство репродуцирует ценности официальной культуры. Другими словами, государством обществу навязывается определенное культурное предпочтение, которое может быть обусловлено не только государственной идеологией, но и духовной сферой и даже эстетическими запросами политических элит.

В этом контексте следует отметить вариант существования культурного явления, когда оно не отвергается, но в определенной степени игнорируется официальной культурой, продолжая быть частью социокультурного процесса. Так, в единой христианской средневековой культуре одновременно существовали два диаметральных полюса: аристократическая культура (культура образованного меньшинства) и народная культура (фольклорные традиции безмолвствующего большинства). Языческие праздники, вера в духов, устное народное творчество никогда не исчезали из крестьянской культуры России.

История человечества демонстрирует, что культурно-идеологической монополии государственного официоза во все времена имело место мировоззренческое противостояние, которое характеризовалось культурной дифференциацией общества, идеологическим плюрализмом и стилевым многообразием. Российский философ и культуролог И.В. Кондаков отмечает, что «эти две противоположные тенденции были взаимообусловлены: чем больше множились и индивидуализировались в обществе идеи и настроения, отличные от официально принятых, — тем сильнее стремилось государство к их нивелированию и подавлению, тем решительнее отстаивало обязательность и незыблемость своих охранительных норм и принципов» [156].

Таким образом, в каждом культурном направлении или течении, особенно новом, обязательно имеются объекты отрицания, отчуждения и отторжения. По мнению, Е.Н. Шапинской многие культурные явления основаны «на базовом непризнании Другого как полноправного участника диалога или полилога, но тем не менее продолжают преобладать в культуре, которая нуждается и в "своих", и в "других"» [354, с. 34].

По нашему мнению, важной составляющей концепта репрессий в культуре является личность. Люди, противостоящие официальным ценностям, составляют часть так называемого культурного резистанса, подавляемых «инаковерцев». В социокультурной практике возникает

оппозиция: «мы - они», в основе которой лежат мировоззренческие взаимоотношения: «"мы" – группа, к которой я принадлежу. Я хорошо понимаю, что происходит внутри группы, я знаю, как мне действовать дальше... "Они", напротив, – это та группа, к которой я не могу и не хочу принадлежать. Мое представление о происходящем в ней весьма смутно и отрывисто, я плохо понимаю ее поведение, поэтому ее действия для меня большей частью непредсказуемы и отпугивают» [45, с. 46].

«Они» – это уязвимая и культурно маргинализованная часть, которая служит мишенью для социокультурной изоляции. Как «мы», так и «они», по мнению Б. Рассела, определяются «политически весомыми желаниями личности, являющимися неотъемлемой составляющей человеческой жизни, которые невозможно ни подавить, ни уничтожить, а их проявление на практике чрезвычайно различно в зависимости от того, какой выход они находят себе при том или ином общественном строе» [261]. Несмотря ни на что, «они» – носители данной культуры – сознательно сохраняют собственную систему ценностей в противовес официальной системе, продолжая придерживаться своих традиций и обычаев, т.е. «свою» культуру.

Здесь уместно привести мнение известного социолога XX века З. Баумана, который утверждал, что жизнеспособность оппозиционных явлений определяется «совершенно разными отношениями: эмоциональной привязанностью и антипатией, доверием и подозрительностью, безопасностью и страхом, общительностью и неуживчивостью» [45, с. 46]. В социальной практике одним из наиболее распространенных видов отношения к оппозиционным явлениям было их отторжение. В том случае, если эти оппозиции не вписываются в один общекультурный контекст, то «они приводят к увеличению жестокости» [45, с. 67].

Исходя из вышесказанного, мы можем констатировать, что основная сложность в характеристике и оценки репрессий в культуре, на наш взгляд, заключается не только в разграничении с официальной культурой, но и с осмыслением их в контексте оппозиционных ценностей. В этом смысле такая

позиция противостояния официальной культуре не должна пониматься как нечто безусловно положительное и конструктивное. Зачастую ее элементы имеют и деструктивный характер в социальном плане. Важными элементами обоснования являются условия и факторы применения репрессий. Так, например, условиями репрессий могут являться проекты создания монолитного общества, укрепление могущества государства, политика унификации, индустриализации и т.д., фактором – законодательная деятельность, направленная против «вредных» с государственной точки зрения элементов, огосударствление институтов гражданского общества, исключение из политической жизни любых неконтролируемых государством общественных организаций и т.д. Таким образом, репрессия в культуре – это специфический способ организации общественной жизнедеятельности, отличительной чертой которой является тесная связь с государством и устанавливаемой им системой ценностей, но при этом напрямую связанная с сохранением социально-культурной идентичности.

Репрессия в культуре характеризуется как система, функционирование и развитие которой связано с институциональными формами властного аппарата. В социокультурном пространстве применение репрессии находится в зависимости от господствующего в легитимной практике официальной культуры подхода. В установлении и утверждении официальной культуры власть применяет репрессии. Будучи одним из средств регулирования общественной жизни, репрессии ориентированы на подавление и вытеснение из социокультурного пространства угрожающих действующей власти элементов и практик. Последним навязывается маргинальный статус, нивелируется их ценность, вследствие чего они превращаются в символ отчуждения.

Репрессии в культуре – это проявление ориентаций правящей элиты. При этом репрессированная культура является отражением мировоззрения отдельного человека или целой группы людей. Она репрезентируется в мировоззренческих позициях, а транслируется через тексты культуры:

произведения литературы, искусства, науки, ритуалы. Репрессированная культура представляет собой своего рода вызов официальным политическим нормам, выражающимся в сохранении и трансляции оппозиционных ценностей.

Сущность репрессии как феномена культуры, по нашему мнению, служит демонстрацией тех глубинных социокультурных процессов, характеризующих естественный ход жизнедеятельность государства. Эти процессы определяются, в том числе и наличием оппозиционных систем ценностей, взаимодействие которых имеет различные формы от поощрения до игнорирования и явного неприятия. Открытое противостояние заключается в желании и стремлении вытеснить те культурные явления, не соответствующие интересам политики государства и противоречащих ценностным установкам официальной культуры. Тем не менее, Однако, в обществе всегда существовали и будут существовать конфликты интересов, ценностей и норм, что представляет собой естественный процесс социального и культурного бытия.

Роль и место репрессии в культуре определяются правовой сферой государства, структурой властных полномочий, устанавливающих нормы, правила поведения, институции и механизмы принуждения. Однако при этом в культуре любого общества наличествуют общечеловеческие, а также национальные стереотипы, каноны и ритуалы, которые в любой момент могут спровоцировать перераспределение иерархии ценностей официальной культуры. Государственная или общественная власть в силах признать доминирование, а, следовательно, и легитимность конкретной культурной практики или, наоборот, навязать ей маргинальный статус и подавить, а может быть, наоборот, расширить ту или иную культурную практику в рамках религии, идеологии или политики.

Суммируя вышесказанное, выделим сущностные черты репрессий в культуре. Во-первых, смыслообразующим условием репрессий являются интересы власти, обусловленные и санкционированные этой властью, где

репрессии применяются исключительно государственными органами.

Во-вторых, культура, как система социализации и воспитания граждан, а также механизм формирования их лояльности к власти, становится неотъемлемой частью политической структуры. Любое государство и его политическая система в таком идеологическом контексте являются репрессивными по определению.

В-третьих, в социальной практике в установлении матрицы ценностей официальной культуры главная роль принадлежит идеологии. Со времен древнего мира идеология представляла собой важный структурный элемент жизнедеятельности общества. Именно идеология использовалась для формирования и поддержания монообщества посредством общих духовных ценностей и идеалов, создающих определенную социально-культурную идентичность. Построение такого монообщества на практике достигается путем разработки мировоззрения и системы руководства, контроля и введения санкций. Кроме того, устанавливается иерархическая вертикаль, в которой одни элементы признаются более ценными относительно остальных и, следовательно, становятся доминирующими. Установление и принятие данной вертикали большинством общества представляет собой важную функцию культуры – регулятивную, рассматриваемую в двух аспектах. Первый заключается в отношениях между государством и гражданином, в целом внутри общества, в форме установленных на законодательном уровне прав и обязанностей. Второй – в регулируемых традиционными формами отношений тех же прав и обязанностей.

В-четвертых, рассмотренные формы и элементы культуры, которые подвергались репрессиям со стороны властных государственных структур, как показала историко-культурная и социальная практика человечества рано или поздно возвращались в социокультурное пространство. Они закреплялись в обществе, поскольку отражали ценностный пласт, соответствующий определенным историческим вызовам, опосредованным обществом.

Таким образом, история человечества показывает, что репрессия в социокультурной практике является весьма распространенным явлением. Она актуализируется в борьбе противоположных мировоззренческих и ценностных позиций. Понимание репрессий имеет непосредственную связь с пониманием социально-культурной функции государства. Идеология всегда являлась обоснованием репрессивной политики государства. Феномен репрессий в культуре необходимо рассматривать с точки зрения диалектики их объекта и субъекта. Мировоззренческая рефлексия применения репрессий в культуре раскрывается в прагматическом аспекте интересов правящей элиты и интересов оппозиционных сил. С позиции объекта репрессии всегда воспринимаются болезненно, как нарушающие его свободу самовыражения. С позиции субъекта репрессии понимаются как инструмент сохранения и укрепления существующего порядка, поддержания социально-культурной идентичности.

ГЛАВА II. ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БУРЯТСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА: ИСТОРИКО- КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

2.1. Противоречия и тенденции становления национального самосознания бурят в начале XX века

Россия на протяжении многих столетий осуществляла политику расширения своих границ. В целом освоение и включение новых территорий в Российское государство проходило не силой принуждения, а хозяйственной и культурной ассимиляцией. Большинство российских исследователей полагают, что в основе имперской политики до конца XIX века лежало сохранение этнических и конфессиональных особенностей, а также специфики местного управления. Буряты, вошедшие в состав России еще в XVII веке, вплоть до начала XX века продолжали вести традиционный образ жизни, сохранили язык, традиции, обычаи, религиозные верования. В целом «политика гибкого прагматизма и религиозной веротерпимости приносила неплохие плоды» [306].

Однако на рубеже XIX-XX веков на территории обширной Российской империи национальный вопрос стал одним из острых вопросов, вследствие политики царизма, направленной, в первую очередь, на социально-политическую унификацию регионов. Массовое недовольство иркутских и забайкальских бурят было вызвано административными и земельными реформами, в результате которых были упразднены бурятские органы самоуправления (степные думы и органы родового управления), вводилось русское делопроизводство, в колонизационный фонд были переданы огромные земельные территории без учета интересов бурятских скотоводов.

Но, с другой стороны, на рубеже столетий происходили очень значимые как для всей страны, так и для народов Бурятии события: строительство транссибирской железной дороги, русско-японская война, первая революция 1905 года. Они вызвали национальное движение, свойственное многим национальным регионам Российской империи начала

XX века. С 1905 года практически все политические партии в свои программы, так или иначе, стали включать национальные вопросы, которые стали следствием влияния русской политической мысли и общей революционной борьбы в России.

Значительное ухудшение положения коренного населения, усиление эксплуатации как со стороны русской администрации и буржуазии, так и со стороны родовой власти, с одной стороны, а с другой – развитие капиталистических отношений и разрушение патриархального полуфеодального строя обусловило бурятское национальное движение. Особенностью национального движения в регионе стало то, что во главе стояли родовая аристократия, ламство и национальная интеллигенция, представители которой не принадлежали ни к аристократии, ни к духовенству.

В целом рубеж веков характеризовался антигосударственным и даже антипатриотическим настроем отечественной интеллигенции. Так, европейская интеллигенция «видела прообраз будущей России в английской политической системе» [225]. Бурятской интеллигенцией была создана концепция панмонголизма, изначально представлявшая собой «один из вариантов экстерриториальной национально-культурной автономии на религиозной основе» [176, с. 18]. Обусловило появление идеологии панмонголизма достаточно критическая оценка имперской политики на рубеже XIX-XX веков, результатом которой стало значительное ухудшение социально-экономического положения коренного населения.

Доктрина панмонголизма – одна из паннациональных идеологий, под которой понимается идея единства монгольских народов, интеграция в монгольский мир. Разные исторические эпохи демонстрировали неоднократные попытки культурного или социально-политического объединения монгольских народов, однако удалось это лишь Чингисхану, который создал мощную Монгольскую империю.

Как консолидирующей национальной идеологии, панмонголизму в

российском общественном мнении изначально был придан негативный характер. Однако угроза «желтой опасности» (А. Белый, М. Волошин, Вл. Соловьев) в российской общественно-политической мысли была связана не с Монголией, а с геополитическими событиями на Дальнем Востоке, в первую очередь с возрастающими имперскими амбициями молодого Японского государства, способного «пробудить» другие страны Азии.

Сегодня в социально-гуманитарном дискурсе остаются актуальными вопросы как о концептуальной сущности панмонголизма и возможности использования доктрины в качестве инструмента политической мобилизации и ресурса политической борьбы, так и осмысление панмонголизма российской философской, публицистической и литературной мыслью начала XX века. Для понимания темы диссертационного исследования мы полагаем необходимым остановиться на этом вопросе подробнее лишь в контексте реализации культурной и политической форм доктрины бурятской национальной интеллигенцией.

Несмотря на то, что Бурятия имела многовековую центральноазиатскую и общемонгольскую историю и культуру, к началу XX века регион представлял собой отсталую национальную окраину с ярко выраженной аграрной спецификой. Действительно рубеж XIX-XX веков современниками описывался как кризисный. Ц. Жамцарано – ученый и общественный деятель – в журнале «Сибирские огни» дает такую картину повседневного быта бурятского населения начала XX столетия: «Тьма царит в степи. И эта тьма, это невежество, эта беспомощность в степи поддерживаются неблагоприятными условиями. До сих пор у бурят нет ни одной общеобразовательной школы, доступной массе, школы, где бы знания передавались на родном языке... И быть может еще долго буряты будут лечить своих больных посредством кровавых жертвоприношений, культа онгонов, шаманских камланий, ламских дорогостоящих гурумов, отчитываний священных книг, подаяний в дацаны и ламам и проч.» [цит. по 341, с. 176].

Промышленность, представленная главным образом предприятиями кустарного и полукустарного типа, была развита крайне слабо. Скотоводство и земледелие не приносило высоких доходов в силу отсталых методов и низкопородного скота, дававшего незначительное количество мяса, молока, шерсти. Образованием, в том числе и начальным школьным, было охвачено лишь небольшое количество населения, поэтому грамотность, особенно бурят, была очень низкой. Культурно-просветительские учреждения практически отсутствовали. Профессиональные отрасли культуры находились в зачаточном состоянии. Несмотря на то, что буряты компактно проживали на одной территории, они, как в целом и другие народы Российской империи, не имели своей национальной автономии, не были представлены в парламенте.

Эта ситуация, с одной стороны, была, конечно, удручающей в плане жизненных возможностей и перспектив личностного развития, но, с другой – следует учесть, что традиционное бурятское общество представляло собой общество «закрытого» типа. Характерными чертами образа жизни являлись минимальная степень свободы индивида, нормативность, неукоснительность соблюдения традиций, конформизм. Культивировалось подчинение законам коллектива, а индивид нес ответственность не перед собой и своей совестью, а перед «своими». В целом традиционная бурятская жизнь в течение долгого времени оставалась статичной. Однако изменившиеся социокультурные условия, вызванные началом эпохи глобализации, обусловили необходимость кардинальных изменений и в культуре бурятского общества. Передовая бурятская общественность поставила цель – переломить сложившуюся ситуацию.

Концепция панмонголизма явилась важной частью национального самоопределения бурят и национально-культурного строительства на основе единой истории, религии, письменности. Бурятские национал-демократы (в советской историографии национальная интеллигенция – носители идеологии панмонголизма) уже в начале XX века стали не просто

размышлять, но искать пути решения насущных национально-культурных проблем бурятского народа. Именно в этом аспекте с самого начала своего возникновения концептуальные положения доктрины стали отражением различных социально-культурных и общественно-политических процессов, проходивших не только в монгольском ареале, но и в мировом масштабе, «вследствие чего возникали неоднозначные коллизии, так или иначе, связанные с идеей единства монгольских народов» [176, с. 26].

Мы согласны с мнением исследователя С.П. Ангаевой, что «в своей идеологии реформаторы стремились избавить общество от слепого фанатизма, расширить возможности человеческого разума и горизонты понимания человеком условий своего существования», но в силу традиционности бурятского общества осуществление реформ неизбежно сопровождалось трудностями, связанными с «недостатком исторического времени и пространства для своего развития» [20]. Для Б. Барадина, М. Богданова, А. Доржиева, Ц. Жамцарано, Э.-Д. Ринчино, Г. Цыбикова и других общественных деятелей идеи панмонголизма стали концептуальными в вопросах сохранения идентичности бурятского народа, национальной культуры и языка, буддийской религии. Проблема культурного возрождения стала краеугольной, что породило различные политические группировки в бурятском национальном движении: стародумцев, партии прогрессивных бурят, народников, национал-демократов [см.: 33]. Общими для всех программными тезисами стали возвращение земель, создание национальной автономии, развитие национальной культуры.

Единой административно-территориальной единицы компактно проживающей группы бурят не было: западная часть входила в состав Иркутской губернии, восточная – Забайкальской области. Это обусловило наличие лингвистических, религиозных, культурных различий между забайкальскими и предбайкальскими бурятами. Поэтому, несмотря на появление различных политических групп, следует говорить о двух основных течениях, «западное» и «восточное», представители которых занимали

диаметральные противоположные позиции по вопросам культурного развития бурятского народа: сохранения религии, национализации народного образования, реформирования письменности.

Острую полемику по этим вопросам можно проследить на страницах популярного в то время сборника «Сибирские вопросы». Так, «западники» стояли на позиции необходимости культурной ориентации бурят на европейскую, а «восточники» – на общемонгольскую культуру. Для нас здесь важным является не столько наличие разногласий по проблеме пути развития бурятского народа, сколько реализация поставленных вопросов и последующие репрессии в контексте идеологии советского государства и культурной политики.

Дискуссии, развернувшиеся среди бурятской интеллигенции с этих позиций, показывают, что панмонгольские идеи первоначально предполагали их практическую реализацию в культурных формах. Понятие «культурный панмонголизм» впервые было введено в общественно-политический дискурс видным ученым, государственным деятелем Ц. Жамцарано, понимавшим под ним «сближение монгольских народов на основе единой культуры и дальнейшее развитие этой единой культуры» [114].

Видные представители «восточного» направления (Б. Барадин, А. Доржиев, Ц. Жамцарано, Г. Цыбиков и другие) способы решения указанных проблем видели, в первую очередь, в подготовке национальных кадров врачей, фельдшеров, акушеров, учителей внешкольного и школьного образования, художников, поэтов, музыкантов, актеров – тех, кто необходим в культурном развитии любого народа, а для бурят станет основной движущей силой в его возрождении. Они правомерно полагали, что именно образованные буряты должны внести значительный вклад в улучшение качества повседневной жизни простого арата, посредством внедрения системы образования, европейских достижений науки и техники, в формировании отраслей профессиональной художественной культуры, в том числе театра и литературы на бурятском языке. Представителей

зарождавшейся бурятской интеллигенции последний вопрос волновал особенно, так как возможность развития языка и письменности бурят на национальной основе должна способствовать дальнейшему полноценному развитию бурятской культуры, национальной самоидентификации, иначе бурятский народ будет обречен на неизбежную ассимиляцию.

Ярчайший представитель «западного» направления М.Н. Богданов возможность бурятского возрождения также видел в поднятии общей культуры народа, распространении просвещения и организации медицинской помощи. По его мнению, эти способы могут лишь повысить бытовую культуру, но главное средство он видел в возможности развития бурятской культуры посредством усвоения цивилизации в лице русского языка и культуры.

Реалии западно-бурятской жизни конца XIX начала XX веков демонстрировали политику русской администрации и православных миссионеров по ассимиляции бурят, когда делопроизводство в канцеляриях, преподавание в школах велось на русском языке. Широкую известность получили взгляды лидера «западного» течения М.Н. Богданова, что буряты проспали свое время, что научные и художественные произведения на бурятском языке будут невостребованными, в связи с отсутствием ценителей и профессиональных критиков. «Западники» полагали, что социально-экономические устои жизни, индивидуально-национальные черты бурят будут неизбежно упразднены в результате экономической эволюции, следовательно «работать по сохранению бурятской индивидуальности бесполезно и реакционно, это только отдалит бурятский народ от мирового прогресса» [33, с. 38].

Ц. Жамцарано, его идеологический противник, охарактеризовал данное течение «только снисходительно допускающее некоторые домогательства национального характера, но в сущности относящееся отрицательно к национально народническому движению, своей организации не имеет. Идейным представителем этого течения является г. М.Н. Богданов. Он себя и

своих сторонников называет "западниками"» [114, с. 17]. Полемизируя с М.Н. Богдановым, он писал: «Если буряты дают мало европейской интеллигенции, так это потому, что урезаны в правах. Главное лишены возможности получать школьное образование на родном языке» [цит. по 342, с. 185]. Однако уже к 1915 году при более близком знакомстве с жизнью и культурой Забайкалья М.Н. Богданов, по мнению Б.Д. Цибилова, «не так мрачно стал смотреть на возможности культурного возрождения бурят ... его национальный нигилизм был полностью изжит» [342, с. 207]. К сожалению, в 1918 году выдающийся бурятский общественный деятель М.Н. Богданов был убит по приказу атамана Семенова.

Идеи М.Н. Богданова оставались доминирующими в западной части этнической Бурятии. Об этом свидетельствует совещание, проводимое Бурятской секцией Иркутской организации РКП(б), на котором была принята Резолюция утверждавшая, что «трудящиеся и эксплуатируемые массы бурятского населения Иркутской губернии для осуществления своих реальных интересов не нуждаются в национальной автономии в какой бы ни было ее форме» [цит. по 342, с. 203]. Таким образом, данная резолюция служит ярким примером сохранения нигилистических взглядов на проблему сохранения и трансляции национальной культуры среди обрусевших представителей бурятской интеллигенции.

Иной точки зрения на проблему национального возрождения придерживались представители «восточного» направления. Видные ученые, религиозные и общественные деятели, такие как Б. Барадин, А. Доржиев, Ц. Жамцарано, Ч. Иролтуев, Б.-Д. Очиров, Г. Цыбиков и другие также говорили о приобщении к европейской культуре, но без насилия над национальными особенностями, с обязательным сохранением культурного наследия своего народа, чтобы возродить бурятскую народность, которая должна стать центром общемонгольского объединения.

Это религиозно-философское течение под названием «обновленчество», полагало буддизм главным средством национальной

консолидации бурят. Они считали, что для этого необходимо реформировать буддийскую церковь, а буддийскую этику сделать понятной и доступной простому народу, что в целом послужит его национально-культурному возрождению. Религия, по их мнению, представлялась «единственной формой идеологии, язык которой был понятен и доступен народу» [362, с. 44].

«Обновленцы» руководствовались логикой культурно-исторического развития бурятской культуры, близостью к философскому и этическому началу буддийского мировоззрения, сближению индо-буддийской культуры с европейской культурой. В большей степени «обновленчество» стало естественной реакцией бурятской интеллигенции на царскую политику по насильственной христианизации и как следствие ассимиляции бурятского народа. В этих условиях, на их взгляд, именно буддизм был призван выполнить объединительную миссию всего бурятского народа. В получившей широкую известность и вызвавшую многочисленные дискуссии статье Ц. Жамцарано «Бурятское народническое движение и его критики» отмечается следующее. «Одно то, что буддизм исповедуется большинством соплеменников и сородичей, уже являлось соблазном для ищущих и жаждущих новой религии. Чем правительство и миссионеры усерднее проводили свою обрусительно-крестительную политику, чем гонения и насилие шире применялись к бурятам, тем сильнее и дружнее шло движение в сторону буддизма и в сторону тех своих сородичей, которые благодаря буддизму сохранили свою письменность, национальную целостность и солидарность. Буддизм в глазах народа стал убежищем для национального духа, а православие – символом обрусения и насилия» [114, с. 20-21].

Однако это было не совсем так. Данное высказывание Ц. Жамцарано отражало общую тенденцию соперничества буддизма и православия, особенно остро проявившегося как раз на рубеже столетий. Буддизм был официально разрешенной религией, но православие имело более высокий статус – государственной религии. Проникновение буддизма в западную

часть этнической Бурятии (Предбайкалье) в конце XIX века вызвало активное сопротивление представителей православной Церкви, опиравшихся на поддержку царской администрации. Усиление роли православия в контексте имперской религиозной политики отражало желание сделать окраины империи «русскими». Но при этом православие способствовало укреплению экономических и культурных связей Сибири с Россией, сближению коренного населения с русскими переселенцами. Хозяйственные контакты с русскими позволяли перенимать новые виды и способы материальной культуры, в миссионерских школах буряты приобщались к русской письменной культуре, в церковных хорах некоторые песнопения были переведены на бурятский язык.

Этноконфессиональная ситуация в этнической Бурятии представляла собой достаточно сложную и противоречивую, но и специфическую картину, связанную с наличием трех конфессий: православия, буддизма, шаманизма. По данным Иркутского статистического комитета 1861 года «в Иркутской губернии... 80 % населения составляли православные, буддисты – 5 %, шаманисты – 14 %, другие – 1 %. В Забайкальском крае православных было 65 %, буддистов – 33 %, шаманистов – 2 %, других конфессий не зафиксировано. В среднем по региону было: православных – 72,5 %, буддистов – 19 %, шаманистов – 7,5 %, других конфессий – 1 % » [66, с. 21]. При этом имело место двоеверие и даже троеверие у бурят. Наблюдались даже «семьи смешанного вероисповедания, когда члены одной семьи принадлежали к разным религиям» [66, с. 22]. В целом регион характеризовался веротерпимостью и почтением населения к различным религиозным святыням, обрядам и традициям.

С конца XIX века буддизм стал набирать силу, получив распространение не только в западной части этнической Бурятии, но и на европейской части Российской империи. Указ о свободе вероисповедания 1905 года вызвал переход иркутских бурят из православия в буддизм и шаманизм, при этом многие, оставшиеся православными, относились к нему

достаточно формально. Распространению буддизма в европейской части способствовали внешнеполитические интересы России на Востоке. В частности, известный дипломат, общественный и религиозный деятель Агван Доржиев «убедил Далай ламу XIII искать в лице России защитницу монголов и тибетцев от угнетения со стороны Китая, Японии и Англии» [176, с. 17]. Кроме того царская администрация понимала важность влияния буддийской традиции на монголоязычные народы России – бурят на востоке империи и калмыков – на западе. Буддизм получил распространение и в немонгольских кругах русской интеллигенции, о чем свидетельствует строительство буддийского дацана в Санкт-Петербурге в 1913 году.

Идея об определении буддизма в качестве общенационального консолидирующего фактора, была рассчитана на долгосрочную перспективу, хотя единого мнения по этому вопросу среди бурятской интеллигенции также не было. Возрождение духовной культуры бурятского народа представителями бурятской интеллигенции виделось в первую очередь в возможности сохранения буддийской религии. Но, будучи просвещенными высокообразованными людьми, лишенными религиозного фанатизма, их деятельность отличалась критическим подходом к религиозным положениям и традициям. Они понимали необходимость модернизации буддизма и обновления традиционной религиозности с целью приспособления буддизма к новым условиям. Найти точки соприкосновения буддизма и с достижениями современной европейской и российской науки, по их мнению, было возможно, принимая во внимание тот факт, что «буддизм прочно вошел во все области жизни большинства народа, и осознавали громадную роль буддизма в политической и духовной консолидации народа» [35, с. 95]. Тем самым, по их мнению, «обновленный» буддизм должен был стать не только идеологией бурятского народа, но и явлением мировой культуры.

Предполагалось реформировать содержание учения, культов и сангху (монашескую общину). Не вдаваясь в очень сложные проблемы модернизации буддизма, что не является предметом нашего

диссертационного исследования, отметим, что предполагалось возвратиться к основам классического буддизма, освободить его от суеверий, магии, языческих элементов шаманизма, упразднить сложные и непонятные рядовым верующим обряды, повысить авторитет духовенства, в том числе за счет приобщения лам к европейской науке и культуре.

Но при этом имели место достаточно противоречивые взгляды «обновленцев» на модернизацию буддийской церкви. Так, Ц. Жамцарано была предпринята попытка представить буддизм в качестве атеистической и альтруистической религии. Даже через десять лет после революции, в условиях разворачивающейся антирелигиозной кампании, Ц. Жамцарано не оставлял попыток реформирования буддизма, не только сравнивая буддийское учение с новым мировоззрением, основанным на научной теории коммунизма [341, с. 187-188]. В работе «Основы буддизма», изданной в 1927 году в Улан-Баторе, он предлагал основать социализм на принципах буддизма, отмечая, что В.И. Ленин высоко ценил буддизм. Сегодня не вызывает сомнения достаточная абсурдность проведения тождества между научной теорией коммунизма и буддийского учения, а также об отношении Ленина, имевшего четкую позицию по отношению вообще к религии. Данная идея Ц. Жамцарано не нашла поддержки и в среде бурятской интеллигенции, в частности у А. Доржиева, М.Н. Богданова и известного ученого Д.А. Клеменца.

В контексте модернизации буддизма одним из кардинальных противоречий с «западниками» стал вопрос об определении места и роли дацанов. Так, согласно официальной статистике в Бурятии на 1917 год насчитывалось 44 дацана и около 15 тыс. лам [39, с. 157]. В период 1917-1922 годов, по представленным И.С. Цыремпиловой материалам архива АУФСБ РФ по РБ, на территории Бурятии имелось 46 дацанов и 7419 служителей культа [347, с. 34]. «Первенство по количеству духовенства среди конфессий принадлежит буддийской, где в среднем на 1 ламу приходится 10 верующих, среди православных – соответственно 1

церковнослужитель на 600 человек» [347, с. 38].

Еще в 1905 году Ц. Жамцарано писал, что «дацан у бурят не есть русский монастырь, не есть место для душевспасительной бездеятельности... бурятский дацан пока служит центром просвещения, с несколькими школами, с определенной дисциплиной, с экзаменами, диспутами, с учеными и учениками. Дацаны привлекают сотни молодых бурят, жаждущих знания» [115, с. 173]. Действительно, так отчасти и было. При крупных дацанах функционировали школы разных типов, где обучались буддийской философии, тибетской медицине, астрологии. Также имелись типографии, мастера обучали вырезать по дереву, отливать скульптуры, создавать танка, маски, костюмы, музыкальные инструменты для мистерии Цам и другое. То есть, буддийские монастыри представляли собой духовные центры просвещения и художественной культуры.

А.А. Дуринов отмечает, что на 1923 год на территории Бурятии продолжали свою деятельность 73 дацанские школы, в которых проходили обучение четыре тысячи хуvaraков [105, с. 20]. Ни в одной национальной республике не было такого количества религиозных школ и учащихся. Востребованность дацанских школ сохранилась и после установления Советской власти, но они реорганизовывались «в светские школы для мирян и лам с введением преподавания анатомии, физиологии, диагностике болезней по методике европейской медицины» [237, с. 57]. Поэтому одной из насущных проблем модернизационной деятельности стала проблема национального образования.

На проблему национализации школы представители «западного» и «восточного» направлений также смотрели по-разному. Первые, понимая необходимость национализации школы, решение проблемы видели в открытии учительской семинарии, введения делопроизводства на бурятском языке, организации типографии и издательстве учебников и учебных пособий. Но при этом ведущую роль оставляли русскому языку, стояли на позициях выделения светской культуры, как самостоятельной части

общенациональной культуры.

Иной позиции придерживались участники общепобурятского съезда (24.04.1917), где русификаторская политика полагалась главной причиной необходимости национализации школы. В резолюции Б. Барадина к докладу Г. Цыбикова «О национализации бурятских школ» отмечалось: «Языком преподавания в наших школах был непонятный нашим детям русский язык, а родной язык находился в почти полном загоне. Дух преподаваемых предметов был явно русификаторский: в них не было и помину о родном для учащихся народе, природе его родной окраины, его языке, литературе и истории, его материальной и духовной культуре, о которых дети и весь бурятский народ лишены возможности получать свет знания на родном общепонятном языке» [232, с. 21].

Так, на втором Общепобурятском съезде 15 июля 1917 года при Гусиноозерском дацане было предложено усилить роль дацанов, понимаемых как центры национальной культуры. В.В. Бабаков отмечает, что дацанам предоставлялось право устраивать духовные школы философии «Чойра», медицинской школы, школы математики и астрологии «Зурхай» с астрологическим отделом «Янчир», школы санскритской и тибетской филологии, школ «Джуд» и «Дуйнхор» с соответствующими традициям сроками обучения от шести до 20 лет [33, с. 61]. На наш взгляд, они являлись лишь своего рода теологическими факультетами, изучавшими традиции буддийской религии и способствовавшими сохранению и трансляции буддийского культурного наследия.

Дацаны предоставляли возможность в условиях ведения кочевого образа жизни получать образование и приобщаться к буддийской художественной культуре. Однако представлять дацан «центром просвещения» отнюдь не следует, поскольку образование, возможность творческой реализации в мастерских не были доступны всем желающим. На рубеже веков дацан в определенном смысле можно расценивать даже как тормоз культурного развития. Об этом может свидетельствовать тот факт,

что доля грамотного населения среди бурят не превышала 10 %. Здесь мы согласны с мнением Б.Д. Цибикова, что попытка рассматривать дацаны представителями «обновленчества» как единственными центрами просвещения «являлась реакционной выдумкой и противоречила исторической действительности» [342, с. 187]. В целом понимали это и реформаторы, поэтому многие выступали против определения дацана в качестве главного центра просвещения. Так, Д.А. Клеменц совершенно верно отмечал, что нельзя сравнивать методы преподавания современных наук в дацанах с европейскими, что наука должна стать свободной от религии [см.: 176].

Достаточно сложной была ситуация общекультурного развития бурят и приобщения населения к мировому культурному наследию. В крупных, особенно промышленных центрах Сибири, сфера художественной культуры и профессионального искусства была развита. В отдаленных аграрных районах, в том числе и в Бурятии, дело обстояло намного хуже. Литературные, театральные, музыкальные традиции приобрели профессиональный характер лишь к началу XX века в большей степени в Иркутске. Е.С. Манзырева отмечает, что наличие профессионального театра, дало возможность говорить об Иркутске как крупном театральном городе Восточной Сибири, предъявлявшим серьезные требования к репертуару и артистам, также здесь сложилась профессиональная музыкальная культура, большое развитие получила выставочная деятельность профессиональных художников и любителей [см.: 206].

Что касается Забайкалья, то здесь культурными центрами были Баргузин, Верхнеудинск, Кяхта, Селенгинск, где жили образованные люди, в большей степени купцы, имевшие определенные культурные запросы. Однако, несмотря на наличие разнообразных литературных, театральных и музыкальных Обществ и кружков, организацию гастролей, наличие сети периодических изданий, художественная культура характеризуется как любительская. Позднее в связи со строительством Транссибирской

железнодорожной магистрали особенно быстрое развитие получил Верхнеудинск: сам город рос не только территориально, но и культурно. Увеличивалось население, выросло число интеллигенции, как местной, так и приезжих специалистов. Открывались новые гимназии, школы, социокультурные учреждения. Однако так было в городах, в сельской местности практически не имелось культурно-просветительских учреждений, которые по сути и заменял дацан.

Таким образом, вопрос народного образования, которое полагалось реформаторами как возможность подготовки собственных национальных кадров становится насущной целью национального самоопределения бурят. Национальная интеллигенция пыталась решить проблемы национализации школы, где неотложными задачами становятся разработка письменности и создание учебно-методической литературы. Языковая проблема была не только актуальной в практическом смысле, но полагалась ключевой в концепции панмонголизма.

С XVII века буряты пользовались монгольской письменностью, которая «достаточно успешно обслуживала все существовавшие в то время сферы функционирования бурятского языка» [129, с. 416]. Однако на рубеже веков вопрос реформирования старомонгольской (вертикальной) письменности встал очень остро и потребовал кардинального разрешения, в связи с ее архаичностью, устарелостью и невозможностью фонетически отражать особенности живых монгольских диалектов, в том числе и бурятского разговорного языка. Реформаторы со всей очевидностью понимали, что она была не в состоянии обеспечить развитие национального языка. По поводу создания национальной письменности у бурятской интеллигенции имелось три принципиально разные позиции: сохранения старомонгольской письменности, латинизации, ассимиляции. Дискуссии о развитии и в целом о судьбе бурятского языка и письменности стали важными и плодотворными и оставались актуальными вплоть до конца 1930-х годов.

А. Доржиев предлагал реформировать старомонгольскую письменность без изменения основ, но с учетом диалектных особенностей, создав письменность «Вагиндара». Эта позиция была поддержана в разных вариациях Н. Амагаевым, Э.-Д. Ринчино, Г. Цыбиковым. Ими был создан целый ряд учебно-методической литературы, которая активно применялась в образовательном процессе, неоднократно переиздавалась вплоть до 1930-х годов: пособие, грамматика, букварь для детей, способствующие как обучению, так и преподаванию бурят-монгольского письменного и устного языка Г. Цыбикова, «Новый монголо-бурятский алфавит» Э.-Д. Ринчино, Н.И. Амагаева.

Предложенный вариант А. Доржиева получил высокую оценку Ц. Жамцарано как единый алфавит, способный обслуживать все монгольские народы. Но вызвал резкую критику М. Богданова, в первую очередь тем, что в основу нового алфавита положена именно монгольская азбука. В качестве недостатков он называл ее крайнюю сложность из-за обилия лишних знаков, невозможность найти учителей и наборщиков монгольского шрифта, дороговизну нового букваря, бедность терминологии и ряд других аргументов, подтверждающих его позицию о невозможности бурятского возрождения. В целом мы должны отметить, что его критика не имела под собой объективной почвы, а выводы довольно абсурдны и противоречивы. Во-первых, в целом разница между старым и новым монгольским алфавитом была ничтожной, что давало возможность человеку, знающему старый алфавит быстро освоить новый, во-вторых, найти учителей даже в Иркутской губернии было несложно, кроме того, в Забайкалье издавалась монголо-русская газета, следовательно, найти наборщиков также не составляло труда.

На иной позиции стоял Б. Барадин – видный ученый-востоковед, который первым предложил переход на латинскую графическую систему. В 1910 году Б. Барадин публикует книгу «Отрывки из бурятской народной литературы: тексты» на бурятском языке в латинской транскрипции. Знание нескольких языков, в том числе и европейских, дало ему четкое понимание,

что старомонгольская письменность не в состоянии обслуживать все разнообразие монгольских диалектов, в том числе и бурятского языка. Впервые эта мысль была высказана им в 1903 году, но после научной командировки в Тибет и Монголию в 1905-1907 годах понимание переросло в убеждение. В том смысле, что наиболее ценным, оригинальным и национальным является язык, а алфавит – лишь внешним и условным изображением языка, главной задачей которого является распространение грамотности, мы согласны с мнением Б. Барадина. Однако латинизация письменности также имела ряд недостатков, в первую очередь фонетического характера, поскольку в латинском алфавите не имеется целого ряда знаков, способных отразить особенности бурятского языка.

Идею латинизации поддерживал М. Богданов, полагавший, что лучше использовать латиницу, чем старомонгольскую письменность, но против очень резко выступали видный востоковед, буддолог Г. Цыбиков и географ, этнограф, археолог Д.А. Клеменц. «Стоит только взглянуть на французское или еще лучше английское правописание, чтобы убедиться в крайней бедности латинского алфавита для передачи звуков новых языков... традиция заставила помириться с этим, но достоинств в этой транскрипции и нет никаких. О восточных языках, конечно, и говорить нечего. Если бы из всего монгольского племени существовали одни только северные буряты, то тогда бы куда ни шло: можно было бы взяться за приспособление европейского алфавита, но, конечно уже, скорее русского, потому что он гораздо богаче звуками» [175, с. 13].

Забегая вперед, отметим, что в культурной политике первого десятилетия советского государства языковые проблемы были самыми насущными. Это было связано с тем, что «подавляющее большинство языковых семей мира в том первоначальном состоянии, в котором они вошли в общее пространство на этапе присоединения к России, где наблюдалось огромное диалектное разнообразие, многовариантность письменных систем или их полное отсутствие» [36, с. 106]. Бурятский историк В.В. Базарова

отмечает, что была очень серьезная проблема, именно поэтому насущным требованием национально-государственного переустройства становилась унификация письменности, удовлетворяющая фонетические и графические основы всех языков народов СССР. Изначально, советская власть потребовала унификации письменности на латинице в целях создания единого культурного пространства на территории бывшей Российской империи. Выбор латиницы, а не кириллицы объяснялся невозможностью возвращения к русификаторской политике царизма.

Несмотря на проводимую общегосударственную политику латинизации национальных письменностей, идеи реформирования старомонгольского алфавита продолжали занимать бурятскую интеллигенцию и после Октябрьской революции. Первое совещание 1926 года, посвященное реформированию письменности, приняло резолюцию о преждевременности перехода на латинский алфавит и продолжения освоения монгольского алфавита [242, с. 118]. В 1928 году на VI Областной партийной конференции «введение латинизации уже расценивалось как решительный революционный поворот к прогрессу страны и общества» [36, с. 107].

«Западники» отстаивали идеи ассимиляции, усвоения цивилизации посредством русского языка. С одной стороны, М.Н. Богданов верно уловил глобальные изменения, происходящие в мире, отмечая, что уже ни одна маленькая национальная группа не может жить изолированно от внешнего мира, как это было ранее, что капитализм разрушает все национальные различия, создавая одно социально-экономическое пространство. Но с другой стороны, он был не прав, отстаивая свою концепцию, заключавшуюся в идее, что «спасение наше не в том, чтобы дрожать над выдуманными нами национальными особенностями» [58, с. 47].

Глобальные процессы развития мировой цивилизации сказались на всех сторонах жизни больших и малых народов, что отразилось на возрастании роли образовательного, профессионального, общекультурного уровня и на положении языков, в том числе и бурятского. Объективные

факторы реальной действительности эпохи, связанные с интенсивным социально-экономическим развитием, активные процессы миграции и урбанизации, повлекли за собой изменения в мононациональном существовании и общения на русском языке. Современная ситуация показывает, что происходит потеря родного языка. Если в середине XX века имелось поколение достаточно прочно и глубоко владевшее родным языком, то к концу XX века владеющих бурятским языком как родным стало значительно меньше, что обуславливает и потерю традиционных культурных связей с предшествующим поколением. Сегодня этот процесс продолжает углубляться и расширяться. Мы согласны с мнением Б.Б. Батуева, что потеря родного языка «грозит серьезными последствиями для их культуры, в конечном счете, самому существованию их как самостоятельных этносов» [43, с. 100]. Таким образом, проблемы, поднимаемые национальной интеллигенцией в начале XX века, остаются актуальными и востребованными и сегодня.

В отечественной историографии концепция языковой политики, реализуемая бурятской национальной интеллигенцией в первой трети XX века, получила достаточно широкое освещение. В целом исследователями отмечается, что все три позиции не только получили научное обоснование и практическое воплощение, но и заложили прочный фундамент для дальнейшего развития бурятского языкознания.

С деятельностью представителей национальной интеллигенции (Б. Барадин, Ж. Батоцыренов, П. Дамбинов, Ц. Жамцарано, Д.-Р. Намжилон) связано и создание светской литературы, которая отражала актуальные социальные процессы. В решении главной проблемы возрождения национальной культуры, реформаторы важное место отводили месту и роли простого арата в историческом процессе. В 1908 году среди иркутских бурят Цывеном Жамцарано был создан «Союз учащейся молодежи», который в том числе организовывал постановку, написанных молодыми учащимися бурятами пьес, на волнующие их на социальные темы. Проведение подобных

вечеров вплоть до 1914 года поддерживалось Обществом вспомоществования учащимся бурятам города Иркутска, организованным по инициативе Восточно-Сибирского Русского географического общества. За эти годы членами «Союзом учащейся молодежи» было написано достаточное количество пьес, что позволяет нам говорить о том, что в этот период были заложены основы формирования самобытной и своеобразной бурятской литературы, которая в советский период была обозначена как «литература бурятского просветительства, а позднее как буржуазно-националистическая литература» [290, с. 278-279]. Подробнее на этом вопросе мы остановимся ниже.

Таким образом, изначально идеология панмонголизма бурятскими национал-демократами реализовывалась в культурных формах. Помимо общности исторического пути развития монгольских народов, фактором национальной консолидации становились буддийская религия и единая письменность, понимаемые как неотъемлемый элемент общей монгольской и национальной бурятской культуры. Мы согласны с позицией Л.В. Кураса, что этот период можно считать «золотым веком панмонголизма», поскольку, с одной стороны «образ врага с Востока, пусть на короткий промежуток, остался за бортом» [176, с. 20], с другой – реализация панмонгольских идей бурятской интеллигенцией стали «катализатором развития гуманитарных знаний» [176, с. 24]. В этом плане их деятельность получила выдающиеся результаты.

Концепция панмонголизма получила реализацию и в политических формах, в первую очередь в идее объединения монгольских народов, где «буряты – это маленькая часть всего монгольского народа» [114, с. 16]. Б. Барадин отметил, что в целом «обновленцы» ассоциируют бурят со всем общемонгольским миром в национально-культурном и языковом плане. Другими словами, не полагают самостоятельной «культурной единицей» [44, с. 16]. В определенном смысле это положение разделял и М. Богданов, отмечавший, что: «в исторических преданиях бурят относительно их

происхождения видно стремление обосновать единство происхождения и родство бурят с монголами» [59, с. 2].

Национал-демократы, имевшие государственное признание ученые, религиозные и общественные деятели (Б. Барадин, А. Доржиев, Ц. Жамцарано, Ч. Иролтуев, Б.-Д. Очиров, Г. Цыбиков и другие), понимали необходимость приобщения к европейской культуре, но без насилия над национальными особенностями, с обязательным сохранением культурного наследия своего народа, чтобы возродить бурятскую народность, которая должна стать центром общемонгольского объединения. В таком контексте свое внимание они уделяли вопросам национального самоопределения бурят. По этому поводу Ц. Жамцарано высказал мнение в популярном тогда сибирском периодическом издании «Сибирские вопросы», о необходимости привлечения внимания будущих устроителей Сибири к бурятскому народу, так непохожему на русский: «буряты добиваются быть полноправными гражданами и, как таковые, участвовать в политической жизни страны вместе с другими народностями; а как национальность – требуют права на национальное самоопределение» [115, с. 184].

Поэтому корни политической доктрины панмонголизма, на наш взгляд, восходят к имперской политике укрепления централизованного унитарного государства. Осуществленные царским правительством административные и земельные реформы, о которых было отмечено выше, ущемляли интересы коренного населения, обусловив национальное движение. Однако изначально, несмотря на выдвигаемый тезис о национальном самоопределении, вопрос объединения монгольских народов через территориальную автономию не поднимался. «Декларация прав народов Сибири» стала одним из первых нормативных актов большевиков. В соответствии с отраженными в ней положениями в июле 1918 года Бурятский национальный комитет (Бурнацком) был признан Советской властью в качестве общественно-правового органа. Б.В. Базаров, анализируя политическую реализацию концепции панмонголизма, полагает, что это

напрямую было связано с «обострением классовой борьбы и начавшейся гражданской войной в России ... из неопределенности будущего бурятского народа и возможности образования автономии в рамках Российского государства» [34, с. 141].

В геополитических условиях после Февральской революции в Бурятии и в целом Восточной Сибири борьба за национальное определение проходило в условиях гражданской войны, а также иностранной военной интервенции. В этих сложных социально-политических условиях вынужденной мерой стало разделение региона на две части. Создание Дальневосточной Республики было в 1920 году вынужденным шагом со стороны большевистского правительства. Так, В.И. Ленин подчеркивал следующее: «Дальний Восток, Камчатка и кусок Сибири фактически сейчас находятся в обладании Японии, поскольку, как вы знаете, обстоятельства принудили к созданию буферного государства... вести войну с Японией мы не можем и должны все сделать для того, чтобы... обойтись без нее» [188, с. 93]. Следует отметить, что идея создания буферной зоны между Байкалом и Тихим океаном имела место на рубеже XIX-XX веков в проекте И.С. Левитова. Создание ДВР раскололо населенную бурятами территорию на две части: Бурят-Монгольская автономная область в составе ДВР и Бурят-Монгольская автономная область в составе РСФСР.

Бурятские общественные деятели проводили свою политику, которую в условиях частой смены власти, политических курсов можно охарактеризовать как противоречивую, обусловленную социально-политическими процессами в регионе. Именно в этих условиях идеи бурятской национальной интеллигенции приобрели политический контекст. По мнению историка М.Н. Балдано, «фактически речь шла о сознательном и целенаправленном преобразовании племенной среды в единую культурную и политическую общность, которая успешно вписалась бы в модернизационные процессы» [38, с. 98].

Анализируя имеющиеся исследования по этому вопросу, отметим, что бурятскими национал-демократами в целом осмысливались следующие пути развития. Первый заключался во включении в Российское государство, в котором доминирующими являются русская культура и русский язык. Второй – в создании общемонгольской государственности с культурно родственными народами. Новая Советская республика находилась в очень сложном геополитическом положении (военная интервенция, гражданская война). Именно эта неопределенность будущего Советского государства и, соответственно, будущего бурятского народа предопределили направление деятельности по созданию собственной государственности на основе объединения монголоязычных народов [см: 33; 34; 35; 178]. В итоге первоначальные идеи культурного панмонголизма дополнились, а где-то подменились концепциями политического панмонголизма. Данный вопрос получил широкое освещение в российской историографии, поэтому отметим лишь события, демонстрирующие реализацию идеологии панмонголизма в политических формах по созданию национально-территориальной автономии.

После Февральской революции возникли новые условия в постановке национального вопроса. Коренными народами Сибири алтайцами, хакасами, якутами и другими отстаивались различные принципы национально-территориального самоопределения. На первом Всебурятском съезде, проведенном 25 апреля 1917 года, был создан Центральный национальный комитет бурят-монголов (Бурнацком). Бурнацком получил статус высшего исполнительного и распорядительного органа государственной власти бурятской национальной автономии, включавшей в себя территорию вокруг Байкала. Тем не менее, ни Временное правительство, ни позднее Петроградский совет недооценивали всей остроты национального вопроса, что привело к радикализации национального движения. Временное правительство не признало бурятские органы самоуправления, считая их проявлением национального сепаратизма, В.И. Ленин с позиций

пролетарского интернационализма также отвергал идею создания национально-культурных автономий. В силу этого обстоятельства национальные лидеры в национальных регионах России не принимали советскую власть. В целом, как отмечает Л.В. Курас, только в этнической Бурятии было осуществлено практическое воплощение права народа на автономию. Но при этом «происходит политизация панмонголизма, и начинается процесс его милитаризации» [176, с. 50].

После того, как Советская власть в Забайкалье была свергнута в 1918 году, часть руководителей Бурнацкома пошли на сотрудничество с атаманом Г. Семеновым и японцами. Таким образом, история политического феномена панмонголизма получила новый виток развития, связанного с «белым движением» и деятельностью атамана Г.М. Семенова и барона Ф.Р. Унгерна, опиравшихся на японские милитаристские круги. В частности, атаманом Семеновым была проведена активная работа по созданию панмонгольского государства на основе объединения монгольских народов посредством создания органов местного самоуправления и национальных военных формирований.

В этих неоднозначных условиях 25 февраля 1919 года в Чите была организована первая панмонгольская конференция по реализации создания общемонгольского государства. В ее работе приняла участие радикальная бурятская интеллигенция, в частности Э.-Д. Ринчино и Ц. Жамцарано. Именно тогда в первый и последний раз было провозглашено создание Велико-Монгольского государства, объединяющего всех монголов. Но на практике «идея создания такого государства оказалась утопичной, оторванной от реальной жизни, она не была поддержана ни одним государством, в том числе и Японией, а само "Велико-Монгольское государство", не успев сложиться, распалось» [176, с. 57].

30 мая 1923 года была образована Бурят-Монгольская АССР, куда вошли автономные области бурят-монголов. С этого времени была получена

возможность реализации национально-культурной автономии, но не на панмонгольской, а на советской основе.

Таким образом, национальные движения, характерные для многих регионов Российской империи, в этнической Бурятии проявились в формировании такого явления как панмонголизм в культурной и политической формах. Оно представляло собой по сути просветительское движение, напрямую связанное с процессом становления национального самосознания, появления национальной интеллигенции. При этом ключевые проблемы в реализации концепции порождали многочисленные дискуссии среди самих панмонголистов. Разброс мнений имел широчайший диапазон, от нигилизма в отношении будущего собственной национальной культуры, до отрицания влияния на бурятскую культуру европейской, в частности русской культуры

Бурятской национальной интеллигенцией были предприняты попытки модернизировать традиционное общество, сохранить позиции буддизма путем проведения ряда реформ. Именно «обновленный» буддизм должен был стать «духовным оплотом в борьбе с политикой ассимиляции и русификации» [318], главным фактором объединения забайкальских и западных бурят. Тем самым, данная проблематика приобрела политический подтекст, выйдя за религиозные рамки.

Представители национальной интеллигенции, как общественные, так и религиозные деятели, занимавшие позицию необходимости реформирования буддизма в новых условиях роста национального движения, были высокообразованными людьми с европейским стилем мышления и были лишены религиозного фанатизма. Учитывая главное, что буддизм занимает прочные позиции в жизни бурятского народа, они стремились осуществить модернизацию буддийской церкви в контексте меняющихся условий социально-политической жизни, с сочетанием духовных ценностей буддизма и светской западной культуры. Сегодня мы можем констатировать, что своей реформаторской деятельностью они способствовали не только возрождению

этнокультурных ценностей, но и диалогическому взаимодействию и взаимообогащению культур Востока и Запада, что в итоге должно было дать мощный толчок к консолидации, сохранению и дальнейшему развитию бурятского народа.

В Бурятии реформирование буддизма не было попыткой путем определенной модернизации сохранить устои церкви. Это стало социокультурной и политической платформой национальной интеллигенции возрождения национальной бурятской культуры. Здесь буддизм стал неотъемлемой частью политики, где религиозные интересы трансформировались в политические.

Забегая вперед, отметим, что позднее, в условиях формирования новой советской культуры религиозная и языковая политика, реализуемая на местах, стала одним из важных факторов и острополитических компонентов революционного преобразования общества в общенациональном российском масштабе. Эти аспекты явились отражением идеологической борьбы как в отношении культурного наследия, так и в отношении интеллигенции, отстаивавшей буддийскую религию и национальную письменность как основу объединения монгольских народов и стали причиной репрессий.

2.2. Советская культурная политика как фактор формирования и развития национальной бурятской культуры в 1923-1930-е годы

После свершения Октябрьской социалистической революции и нескольких лет гражданской войны на территории бывшей Российской империи возникает новое государство, вместе с которым наступает новый период не только в истории развития страны, но и в истории отечественной культуры. Жизнь российского общества изменилась коренным образом, открыв новую веху в отечественной истории – советский период. Глубиной и масштабом произошедших социокультурных перемен Октябрь 1917 года ставится в один ряд с принятием христианства, образованием русского государства, реформами Петра I и другими.

Первоочередной задачей, даже насущной необходимостью для

пролетариата было создание культуры, которая репродуцировала бы идеи политической власти, но также качество и перспективу исторического дела пролетариата как ведущего класса. Согласимся в этом контексте с российским философом и культурологом с Л.А. Булавкой, которая отмечает, что пролетариату, завоевавшему власть, именно культура должна была дать «понимание ... как устанавливать в обществе "новые светофоры" ... осуществлять движение по тому историческому пути, ради которого и велись классовые сражения, унесшие сотни тысяч людей» [65, с. 56].

Следовательно, неотъемлемой частью послереволюционной России стала глобальная трансформация культуры, в результате которой произошел резкий слом традиций, имевший как положительные, так и отрицательные последствия. Так, Октябрьская революция 1917 года стала фактором, повлекшим за собой выступление против основных духовных ценностей прежней культуры. Революционеры стремились разрушить прежнее государство, чтобы самим создать собственную Россию, со своей собственной историей и культурой. В результате все подсистемы культуры дореволюционной России принципиально изменились. Российский культуролог А.В. Костина отмечает, что «дворянская культура была разрушена (часть представителей эмигрировали, часть – была репрессирована, часть осталась и стала служить новому государству на новых условиях), крестьянская культура была подвергнута структурным и содержательным преобразованиям (раскрестьянивание, насильственные переселения, перемещения в города для работы на заводах и фабриках), городская культура маргинализировалась» [161, с. 32].

Многонациональная советская культура является проявлением высшего интернационального единства, особым историческим типом, где культура каждого народа сохранила свое национальное своеобразие и свой национальный колорит. В условиях становления советского государства это объяснялось необходимостью объединить территории, отличавшиеся национальным составом, уровнем социального развития, разнообразием

религиозного мировоззрения и национальных художественных традиций. Перед национальными культурами Советского Союза в строительстве культуры встали такие насущные задачи, как выражение духа народной жизни, революционной активности, нравственного и художественно-эстетического осмысления революционных преобразований.

Начиная с первых лет существования нового государства, большое значение уделялось проблемам развития национальных культур и языков. Так, например, Наркомат по национальностям только за первый год своей работы в условиях тяжелейшей геополитической и экономической ситуации выпускал более 20 газет на национальных языках, а «Жизнь национальностей» стала главным печатным органом Наркомнаца, освещавшим «политическую, экономическую, культурную жизнь нерусских народов, их нужды и проблемы» [255, с. 4].

Формирование и развитие национальной бурятской культуры, как и остальных национальных культур Советского Союза, осуществлялось в соответствии с двумя основными тенденциями. Первая определялась контекстом концепции государственной культурной политики и общих принципов становления советской социалистической культуры. Как было отмечено нами выше, 30 мая 1923 года Президиумом ВЦИК было принято постановление об образовании Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики. Именно этот политический акт обусловил интеграцию в многонациональное культурное пространство советского государства, стал важным условием приобщения бурятского народа к общемировому культурному наследию и формированию бурятской социалистической культуры в контексте государственной культурной политики.

Вторая тенденция была связана с учетом специфики традиционной культуры, отражавшей особенности геополитической жизни Забайкалья – пересечении цивилизаций Востока и Запада. На начальном этапе становления советской государственности эта тенденция была основополагающей,

поскольку включала привычные и национальные компоненты повседневной культуры кочевника-скотовода: нормативно-ценностные и эстетические установки, религиозное мировоззрение, межкультурные связи народов.

Социокультурная жизнь Бурятии первой четверти XX века отличалась уникальностью, заключающейся в следующем. Социально-экономические отношения бурят характеризовались совокупностью черт общинно-родового строя, феодальных форм, индустриальным производством, а также разных уровней образования, культурных запросов и требований населения городов и сельской местности. Что касается традиционной бурятской культуры, то в ее формировании можно выделить несколько культурных пластов. Первый, добуддийский пласт, включает автохтонные культуры народов, с древности проживавших на данной территории. Он представлен богатейшим фольклорным наследием, обрядовыми праздниками, культами и ритуалами шаманизма. Второй – буддийский пласт, привнес индийские, тибетские, китайские художественные традиции, обусловил смену мировоззрения. Третий – европейский пласт, был принесен переселенцами, декабристами и политическими ссыльными. В целом национальная культура определилась в соответствии с неповторимыми, присущими только ей закономерностями, представляя собой «единственный кочевой мир, создавший уникальный тип цивилизованной структуры, где определяющую роль играет взаимопонимание человека и природы» [370, с. 9].

Выше нами отмечалось, что особенности общественно-экономических отношений на рубеже XIX-XX веков обусловили не только трансформацию родовой структуры бурятского общества, но и способствовали формированию национального самосознания, определившие и возрождение национальной культуры. Бурятской интеллигенцией за два десятилетия была проделана достаточно плодотворная работа по модернизации основ буддизма, реформированию письменности, созданию предпосылок для развития народного образования и национальной художественной культуры и светской литературы.

Исследователями отмечается, что именно с образованием БМАССР появились все необходимые условия для развития культуры, в первую очередь за счет государственной поддержки. Это стало принципиально новым этапом в развитии национальной бурятской культуры, и в целом культурного развития Бурятии в составе СССР. Создание БМАССР «дало новый импульс зародившемуся стремлению народных масс к самовыражению посредством различных форм художественной культуры» [34, с. 32-33]. Строительство национальной культуры происходило в разных сферах, но неперенным условием являлось соответствие принципам советской культурной идентичности.

Главной социокультурной составляющей первых послереволюционных десятилетий стала культурная революция, основной целью которой явилась тотальная трансформация всех сфер общественной жизни. Концепт «культурная революция» и разъяснение ее сущности как общественно-политического явления были даны В.И. Лениным в работе «О кооперации» (1923 г.), который полагал, что преобразования в стране, в частности, кооперирование крестьянства, невозможно провести без повышения уровня культуры населения. Суть культурной революции в его видении заключалась в кардинальной трансформации социокультурного характера страны [189, с. 369-377].

Культурная революция явилась приоритетным направлением государственной политики. Советские идеологи были действительно убеждены в возможности перемены сознания населения благодаря изменению социально-политической системы и культуры, в первую очередь через художественно-эстетическое воспитание и приобщение к мировой культуре и искусству, посредством создания культурно-просветительской сети различных учреждений (школы, библиотеки, клубы, избы-читальни и т.п.) причем в кратчайшие сроки. Ликвидация неграмотности и формирование единого класса образованных трудящихся должны были способствовать скорейшему созданию новой пролетарской культуры. Это

действительно было «всерьёз и надолго».

Творцы революции становление и развитие государства видели как безальтернативную данность, т.е. единственно возможным путем стали строительство социалистической системы общественно-экономических отношений и формирование «новой» культуры. Поэтому политические, социально-экономические трансформации в жизни страны рассматривались в единстве с духовно-нравственными и культурными задачами по преобразованию государства. Социокультурные преобразования представляли собой радикальные процессы изменения базовых духовно-нравственных основ, диктовали необходимость полного, коренного изменения социума, пронизывая все стороны общественного бытия и сознания. В результате были сломаны старые устои и представления, шла адаптация к изменяющимся условиям развития общества, происходило формирование советской национальной по форме и социалистической по содержанию культуры.

Следует отметить, что культурная практика первого послереволюционного десятилетия была многообещающей и плодотворной. На начальном этапе большевики полагали, что по отношению к культуре государство должно иметь только обязанности, т.е. в сфере культуры социализм порождает «вольное производство».

Впервые в мире был осуществлен целый ряд социальных реформ, таких как ликвидация детской беспризорности, установление равноправия по гендерному признаку, упразднение сословной и религиозной дискриминации, создание системы охраны материнства и детства, ликвидация неграмотности, бесплатное начальное образование. Данная политика основными целями ставила полное отделение от имперского прошлого и создание новой культуры художественной и повседневной со своими праздниками, традициями и обычаями, а также повышение общего культурного уровня народа и формирование нового типа личности.

Формирование всех сфер культуры в Бурятии отмечалось

принципиальным новаторством, буквально за одно десятилетие полностью изменившим облик национальной культуры, мировоззрение народа.

Первым социокультурным переворотом, не вызывающим сомнений достижением как в отечественной, так и в истории культуры Бурятии, стала ликвидация неграмотности. Представители власти придавали огромное значение народному образованию, поэтому ликвидация неграмотности стала одним из приоритетных направлений культурной политики, поскольку накануне Октября 1917 года почти треть населения России была неграмотной. Была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности, а Декрет 1919 года «О ликвидации неграмотности среди населения России» обязывал всех в возрасте от 8 до 50 лет учиться грамоте, а за отказ от обучения могли привлечь к уголовной ответственности.

В этих целях в республике в 1920-х годах была создана уникальная система всеобщего начального образования, связанная с необходимостью учитывать национальный компонент. Так, хозяйственно-бытовой уклад, а именно кочевой образ жизни, обусловил создание передвижных форм работы по ликвидации неграмотности, а, кроме того, определяющее значение в характеристике базового уровня знаний имела гендерная и этническая дифференциация. В.В. Номогоева отмечает, что «по этому показателю республика являлась одной из передовых областей страны. Охват детей школьного возраста начальным образованием по РСФСР составлял в 1927/28 учебном году 77 %, а в БМАСССР - 41 %» [236, с. 25].

Также в связи с поставленными целями в системе Наркомпроса велась активная работа по политическому и идейному воспитанию и просвещению населения. Были созданы абсолютно новые формы культурно-просветительской работы с идеологизированной системой образования: школы ликбеза, рабочие клубы, избы-читальни, красные юрты, агитационные поезда и пароходы как, например поезд «Октябрьская революция» или пароход «Красная звезда». Сеть подобных учреждений, от дошкольных до

высших учебных заведений, за первые годы пятилеток охватили всю страну, способствуя просвещению, развитию советской и национальных культур, а также позволяли власти контролировать и непосредственно участвовать в процессе формирования «новой» личности. На территории БМАССР, в городах и сельских поселениях работало 90 клубов, народных домов, изб-читален, 43 волостных и 6 передвижных библиотек, 2 краеведческих музея, издавались газеты и журналы на русском и бурятском языках «Бурят-Монгольская правда» и «Просвещение Бурятии» на двух языках, «Уран угын шэмэг» («Художественный альманах»), «Эрдэм ба шажан» («Наука и религия»), «Соелын хубисхал» («Культурная революция») и другие. Не оставались без внимания и интересы молодежи. Для младшей группы было издание «Ленинэй ашанар» («Внучата Ленина»), для старшей – «Бурятский комсомолец», «Залуу малшан» («Молодой скотовод») [см.: 275].

Еще одним значимым явлением культурной политики стала языковая политика, реализуемая на местах, но регулируемая из центра. По поводу создания национальной письменности дискуссионными оставались три позиции, имевшиеся еще до революции, о чем нами отмечалось выше. Однако ни одна из предложенных до революции не была осуществлена до конца, поскольку это оказалось не по плечу «бурятской прогрессивно-националистической буржуазии, которая не смогла разрешить в условиях царизма ни одной сколько-нибудь крупной задачи культурно-национального возрождения бурят-монголов, в том числе и реформы письма» [129, с. 415]. Создание письменности, сменившей несколько графических основ за одно десятилетие, стало не только неотложной проблемой модернизации общества, но и важным компонентом государственной языковой политики, курсом революционного преобразования общества.

Со всей актуальностью вопрос о реформировании письменности вновь встал после революции. В Бурятии эта работа по модернизации письменности была осложнена рядом проблем, обусловленных лингвистическим и этнокультурным характером. Однако в большей степени

острым этот вопрос был с политической точки зрения, как имеющий общенациональный масштаб. Поэтому в соответствии с целями национально-государственного переустройства в новых условиях требовалась, в первую очередь, унификация письменности всех народов, с целью установления единообразия, поскольку «наблюдалось огромное диалектное разнообразие, многовариантность письменных систем или их полное отсутствие» [36, с. 106].

Советская власть изначально потребовала унификации письменности на латинице в целях создания единого культурного пространства на территории бывшей Российской империи. С этого момента начиналась усиленная работа по латинизации алфавита Б. Барадиным и И. Халбаевым. В 1933-1934 годах всеобщее начальное образование перешло на обучение на латинизированном алфавите. Следует отметить, что латинский алфавит не пользовался особенной популярностью у населения, которое предпочитало русский язык или старомонгольскую письменность. Несмотря на это, ликвидация неграмотности в Бурятии осуществлялась на латинице, о чем свидетельствует следующий факт: «к 1934 г. грамотность населения достигла около 80%» [36, с. 107-108].

Завершающим этапом реформы алфавита в Бурят-Монголии стал переход на кириллицу в 1939 году, поскольку «вышестоящие власти обнаружили, что получились некоторые нестыковки с русской письменностью, ведущие к разобщению народов. Спустя некоторое время были предприняты меры перехода с латиницы на кириллицу, обеспечившей единый стандарт письменности и отвечавшей задачам укрепления государственности» [259, с. 224].

Таким образом, многочисленные эксперименты позволили найти основу единства и осуществить переход к унифицированному алфавиту на основе кириллицы для подавляющего большинства языковых семей советского государства, в том числе и бурятского языка. Язык народа понимался важнейшим компонентом национальной культуры, который, с

одной стороны, отражает все особенности традиционного, религиозного, психологического, повседневного сознания, представляет собой отличительную черту любой национальности, а с другой – является предпосылкой и условием существования народа. Следовательно, языковая политика стала основой национально-государственного строительства, которая легла в основу всех провозглашенных преобразований.

Становление национального языка, во многом определяется его литературной формой, которая полагается вершиной и эталоном речевой культуры, сокровищницей культурных традиций, достижениями мастеров слова – поэтов, драматургов и писателей. Следовательно, следующей неотложной реформой логически становилась реформа литературного языка, с целью сделать его понятным и доступным для широких масс, а не только для привилегированного слоя, как это было ранее. В вопросе создания единого литературного языка бурятская интеллигенция также видела возможность объединения территориально разбросанных бурят.

Особенности становления и формирования бурятского литературного языка также сопровождалось рядом трудностей, в первую очередь связанных с большим количеством диалектов, культурно-историческими и территориальными особенностями. В 1931 году после многочисленных дискуссий за основу литературного языка был принят Халха-Монгольский диалект, однако вскоре выяснилось, что он неудобен в практическом использовании, поэтому на лингвистической конференции 1936 года в качестве базы литературного языка был взят Хоринский диалект, на котором «не только говорили большинство бурят, он также являлся более близким к другим диалектам бурятского языка» [352, с. 38]. Последний этап формирования бурятского литературного языка был связан с переходом на кириллическую графическую систему.

Следующим важным аспектом культурной политики, повсеместно реализуемой в регионах, стало повышение культурного уровня трудящихся и формированию профессиональных отраслей культуры. В Центральной

России, в промышленных центрах сфера художественной культуры и профессионального искусства была развита, что касается Восточной Сибири, то здесь литературные, театральные, музыкальные традиции приобрели профессиональный характер лишь к началу XX века. В Забайкалье художественную культуру можно охарактеризовать как любительскую.

С нашей точки зрения, одна из главных сложностей формирования национальной культуры заключалась в отсутствии в целом профессиональных кадров сферы искусства, не говоря уже о национальных кадрах. Поэтому следующей насущной проблемой стало формирование собственных кадров. Проблема эта решалась параллельно с самим формированием профессиональных отраслей культуры, важными аспектами которой мы можем выделить следующие.

Во-первых, создание многоуровневой системы художественного образования. В предреволюционный период в конце XIX – начале XX на территории республики имелись ремесленные классы, что было обусловлено промышленным подъемом, который «определил потребность в квалифицированных рабочих в области художественной промышленности» [206, с. 85]. Но уже в начале 1920-х годов в систему школьного образования были включены и дисциплины эстетического цикла, такие, например, как рисование, знакомство с произведениями мирового искусства. Правительством полагалось, что дисциплины этого цикла должны способствовать не только формированию всесторонне развитой личности, но и усилить идейно-политическое воспитание. Начиная с 1930-х годов «стали организовываться художественные кружки и изостудии при клубах, на производственных предприятиях, общественных учреждениях, домах пионеров» [370, с. 102-103].

В системе профессионального художественного образования первая музыкальная школа появилась в 1920 году, техникум – в 1931, Бурят-Монгольское театральное училище – в 1936. В 1937 году был создан симфонический ансамбль. Сегодня мы можем констатировать, что это

свидетельствует о постоянной и планомерной работе, которая, конечно, сопровождалась рядом объективных трудностей, несмотря на которые, задача по формированию многоуровневой системы профессионального образования была осуществлена.

Во-вторых, важным аспектом в становлении и развитии профессиональной культуры Бурятии, на наш взгляд, является неоценимый вклад отечественных специалистов, получивших образование и признание еще до революции. В республику приехали композиторы П.М. Берлинский, В.И. Морошкин, скрипачи Н.И. Моторин, Н.Н. Тихонов, пианистка В.Д. Обыденная, дирижер И.Л. Рык, музыкант-этнограф Б.П. Сальмонт, режиссеры Е.П. Просветов, А.В. Миронский, актеры В. Арбенин, М. Немлехер, М. Святская, А. Тольский и множество других профессиональных деятелей культуры и искусства. Прделанная ими работа оказала огромное влияние на развитие музыкального искусства БМАССР, когда национальная основа народных мелодий получила оформление в профессиональной музыке.

С начала 1920-х годов властные структуры уделяли внимание гастрольной деятельности. Так, в Бурятию с гастрольными турами приезжали столичные театры Революции, Оргтеатр, «Синяя блуза». Больше всего гастрольных туров было проведено Оргтеатром: театральные сезоны 1928-1929, 1930-1931, 1932 годов, именно с него ведет начало история одного из ведущих театров республики – Государственного русского драматического театра им. Н.А. Бестужева. Е. И. Просветову (руководитель Оргтеатра) также было поручено подготовить национальные кадры для театра. С 1933 года в Бурятии начали работу А.В. Африканова, С.А. Бенкендорф – выпускники ГИТИСа. Это вкупе способствовало процветанию профессиональной театральной жизни республики.

В-третьих, государством оказывалась всесторонняя поддержка талантливой молодежи: выделение мест в специализированных учебных заведениях, выплата стипендий. Например, художественное образование в

Чите получил один из самых известных и именитых бурятских художников Ц. Сампилов.

В-четвертых, в короткие сроки было осуществлено формирование компонентов профессиональной культуры, что дало возможность ее ускоренного развития. В целом следует отметить, что процесс ускоренного формирования профессиональных сфер культуры и искусства не был уникальным явлением, это в целом было характерно для многих национальных регионов России и отражало общую тенденцию культурной политики советской власти.

Процесс формирования и развития художественной культуры в Бурятии характеризовался смешением разных эпох, идейно-политических и религиозных тенденций, художественных течений, стилей, методов, традиций культурного наследия. В процесс создания произведений национальной художественной культуры и ее теоретического осмысления активно включается дореволюционная интеллигенция. Художественная активность этих лет была столь существенна, что это позволяет нам оценивать его как период интенсивного развития личностного начала в культуре

Несмотря на тяжелые политико-экономические и социальные условия рождалась новая советская культура. В 1920-е годы были созданы выдающиеся поэтические произведения А. Ахматовой, С. Есенина, В. Маяковского, Б. Пастернака, романы В. Каверина, А. Толстого, М. Шолохова, рассказы М. Зощенко, пьесы М. Булгакова, кинофильмы А. Довженко, С. Эйзенштейна, театральные постановки В. Мейерхольда, плакаты Д. Моора, картины А. Дейнеки, К. Петрова-Водкина и многое другое. Для Бурятии это был плодотворный период, экспериментов удачных и не очень. Однако большая часть просоветских произведений бурятской художественной культуры, особенно литературы, были практически неконкурентоспособными. На наш взгляд, они выполняли, прежде всего, мировоззренческую миссию укрепить в сознании людей социалистические

идеалы и идеи, формирующие нормы социального поведения в новых исторических условиях. Целью произведений художественной культуры становится показать значительные события и кардинальные изменения в судьбе бурятского народа.

Таким образом, строительство национальной бурятской культуры реализовывалось посредством решения ряда взаимосвязанных задач. Во-первых, перед художественной культурой стояла задача создания произведений, рассчитанных на массового читателя и зрителя. Во-вторых, в основу художественного творчества должны быть положены идейно-эстетические принципы народности, правдивости изображения действительности и т.п. В-третьих, национальную форму произведениям искусства и литературы могли обеспечить главным образом богатые и разнообразные художественные традиции культурного наследия: образцы буддийской культуры, фольклорное и эпическое творчество, в которых заключались истоки национальной самобытности и своеобразия.

Изобразительное искусство первого послереволюционного десятилетия характеризовалось «переходом от средневековых форм мышления к реалистическим, исторически близким европейским нового времени» [62, с. 34]. В фундаментальном труде бурятских историков и искусствоведов «Очерки истории культуры Бурятии» отмечается, что в развитии традиций изобразительного искусства главенствующую роль на протяжении многих веков играло декоративно-прикладное искусство. Именно декоративное творчество было ярким выражением художественно-эстетических взглядов бурятского народа. «В условиях господства буддизма оно устояло и продолжало развиваться, оказывая, в свою очередь, воздействие на искусство, связанное с культом» [243, с. 416]. Бурятский искусствовед Т.А. Бороноева в своих работах на основе анализа произведений изобразительного искусства начала XX века выразила несогласие с данной позицией. Исследователь приходит к выводу, что в результате эволюции буддийского искусства и в нарастании светских, реалистических тенденций в

жанре житийной иконы, появились такие жанры, как пейзаж, портрет, историко-бытовые картинки. Мы соглашаемся с исследователем, в том плане, что на рубеже XIX-XX веков, несмотря на доминирование буддийского культового искусства, получили разработку тенденции, понимавшиеся «связующим звеном между буддийской изобразительной традицией и реалистическими тенденциями нового времени» [62, с. 36].

К началу XX века, традиции изобразительного искусства в бурятской культуре были широко представлены в декоративно-прикладном искусстве: в аппликации, резьбе по дереву, художественной обработке металлов, росписи, ювелирном искусстве. Профессиональное изобразительное искусство получало развитие в буддийском культовом искусстве. Наиболее красочное зрелище представляли интерьеры дацанов, где все простенки, грани столбов и пространство под потолком были увешаны танка – буддийскими иконами. Тем не менее, в изображениях сцен из жизни Будды, индийских отшельников, монгольских князей – проповедников буддийской религии, образов божеств можно проследить зарисовки быта простых аратов, природы.

Именно поэтому в процесс развития светского изобразительного искусства в 1920-е годы включались профессиональные иконописцы, наиболее известными среди которых были О. Будаев, С. Самбуев, Г. Эрдэнийн и другие. Но также у истоков становления изобразительного искусства стояли самодеятельные художники И. Аржиков, И. Дадуев, Ц. Сампилов, А. Хангалов и другие, внесшие значительный вклад в его развитие. Большую помощь в этом процессе оказывала художественная секция при Бурятском ученом комитете (Буручком). Молодые, неопытные и не имеющие профессионального образования художники снаряжались в экспедиции по районам республики, чтобы собирать материал и учиться традициям и техникам старобурятской иконописной школы, а также технологиям изготовления скульптур.

В целом следует отметить, что в развитии изобразительного искусства

в период 1920-х – начала 1930-х годов в Бурятии реализовывался единый принцип становления социалистического искусства, художественными и идеологическими аспектами которого были доступность, демократичность, правдивость в изображении реальной действительности и показе происходящих модернизационных процессов. При этом в соответствии с социально-политическими требованиями эпохи основополагающим условием формирования советской культуры стал отказ от традиций и эстетики буддийской живописи. Кардинальные изменения, произошедшие в традиционном бурятском обществе, были отражены в широком спектре современных и актуальных тем и сюжетов: «Картежники», «Монгольские партизаны», «Въезд партизан в Верхнеудинск в 1920 году», «Революция. Свободная Бурятия», «Ликбез» Ц. Сампилова, «Дурные последствия» А. Аржикова, «Панорама паровозо-вагоностроительного гиганта Бурятии», «Боритесь с ламством» А. Ажигирова и другие произведения.

Народное мирозерцание первых художников главным образом нашло отражение в произведениях фольклорного характера, темах героического прошлого, что было близко народу. В целой серии работ воспроизведена повседневная культура простых аратов: праздники и религиозные обряды, мир природы и особенности хозяйственно-бытового уклада, традиционное жилище – юрта и люди, сохранившие живые впечатления и наблюдения художника. Яркими примерами можно считать произведения Ц. Сампилова «Арканщик», «Свадьба хоринских бурят», «Любовь в степи», И. Дадуева «Уходящий быт», «Буха нойон баабай», А. Аржикова «Бурятка в наряде», Г. Эрдынийна «Бурятский шаман во время камлания в доме», «По дороге на обо» и другие. В этих работах не только были закреплены традиции самобытной кочевой жизни, уходящей в прошлое, но также морально-этические и ценностные аспекты традиционной бурятской культуры. Сегодня они представляют собой форму сохранения и трансляции социального опыта и культурного наследия бурятского народа.

Творчество первых бурятских художников не избежало критики с

идеологических позиций. Первый бурятский критик Мунко Саридак неоднократно отмечал увлеченность молодых художников старым бытом, мифологическими сюжетами и образами, шаманскими и буддийскими обрядами: «время ли сеять в сознании бурят-монголов преклонение перед Буха нойоном, время ли преподносить под покровом искусства субстрат полурелигиозной мистики». В целом на страницах периодических изданий развернулась достаточно острая дискуссия по проблемам использования культурного наследия, в частности традиций дацанского искусства. Подчеркивалась основная задача искусства – строительство социализма.

Ведущая роль в формировании идеалов и ценностей социалистической культуры, в фиксации исторических событий и фактов отводилась пропаганде. В этом плане изобразительное искусство имело большие агитационно-массовые возможности. В рассматриваемый нами период в Бурятии, как и по всей стране в целом, создавались агитационные плакаты, но отличающиеся национальной спецификой региональных проблем. Большею частью агитационные плакаты являлись заказом разных органов исполнительной власти: ЦИК, Совнаркома БМАССР, Наркомпроса и Наркомздрава БМАССР.

Государством поощрялось участие талантливых художников в выставочной деятельности, тем самым впервые в истории Бурятии художникам была предоставлена возможность продемонстрировать свое творчество. Художественные произведения Б. Будаева, О. Будаева, Р. Мэрдыеева, Ц. Сампилова, Г. Эрдынийна выставлялись в Иркутске, Новосибирске, Москве. Отдельно стоит отметить участие О. Зориктуева в международной выставке в Париже «Искусство и техника в современной жизни» (1937).

Большую и важную работу в этом плане проводила Художественная секция Буручкома. Так, ею неоднократно организовывались выставки в столице Бурятии, но наиболее значимыми стали Выставка, посвященная 10-летию Великой октябрьской социалистической революции (1927), и

Выставка, посвященная 5-летию образования Бурят-Монгольской АССР (1928).

Таким образом, в изобразительном искусстве получил отражение дух эпохи, в котором переплетались сложные и противоречивые тенденции и положительные начала. Первые советские художники, опираясь знакомые и близкие им художественные традиции буддийского искусства, создавали произведения, отвечающие требованиям нового времени. Злободневными темами стали сюжеты нового социалистического общественного устройства и отсутствие эксплуатации человека человеком. На наш взгляд, сегодня они представляют собой не только историко-культурную, но и краеведческую ценность, поскольку в них запечатлен быт разных этнических групп бурят. Произведения первых бурятских художников отличаются фактологической точностью в изображении традиционных костюмов, ювелирных украшений, обустройства юрты.

Что касается профессиональной музыки, то формирование ее системы сложилось лишь к середине 1930-х годов. Выше нами было отмечено, что в ее основу были положены национальный компонент и традиции классической европейской музыки. Однако именно фольклор стал первоосновой бурятской музыкальной культуры. Эстетический потенциал национальных музыкальных традиций обусловил процесс формирования профессионального музыкального искусства. На его основе сложились «практически все национальные профессиональные школы, каждая из которых содержит образцы различного использования фольклора – от простейших обработок народных мелодий до индивидуального творчества, свободно претворяющего фольклорное музыкальное мышление, законы, специфические для той или иной народной музыкальной традиции» [87, с. 95].

Также немаловажное значение в формировании и пропаганде современного музыкального искусства имели Буручком и научное общество им. Д. Банзарова. В 1920-е годы появляется новый для бурятской культуры

жанр народных советских песен, о чем свидетельствовали материалы, собранные в середине 1920-х годов художественной секцией Буручкама. Революционная тематика, пропаганда революционных идей проникала во все жанры фольклора, особенно народной песни. Наиболее благодатную почву она нашла в хороводно-танцевальном жанре. В качестве ёхорных куплетов и припевов распевались в хороводном кругу актуальнейшие лозунги Советской власти и Коммунистической партии, которые иногда дословно цитировались в бурятском переводе. Многократно повторяемые после каждого куплета, они накрепко западали в душу певцов и слушателей и имели неотразимую силу воздействия на умы бурят-улусников. Понятно, что в художественном плане подобные песни не были безупречными, многие создавались на основе простой подтекстовки старых бытующих напевов или с использованием старых песен, в которых заменялись слова, чтобы песня зазвучала по-новому.

Но уже к концу 1930-х годов, буквально за десятилетие, в музыкальной культуре республики произошли значительные изменения. Этому в большой мере способствовала открытая в 1920 году в Верхнеудинске музыкальная школа, педагогический коллектив которой возглавлял Л.Б. Клейман, выпускник Берлинской консерватории. В 1929 году была создана музыкальная студия, возглавляемая П.М. Берлинским. Тем самым была создана первая, но очень важная ступень в подготовке профессиональных музыкальных кадров. Музыковед О.И. Куницын отмечает, что «успехи в овладении музыкальным искусством были такими, что уже в 1937 г. стал возможным переход от драматических спектаклей с музыкальными номерами к музыкальной драме» [167, с. 11]. Первой музыкальной драмой стала драма композитора П.М. Берлинского «Баир», текст которой был написан А. Шадаевым и Г. Цыденжаповым по мотивам бурятских народных легенд и преданий.

Важным становится тот факт, что традиции европейского музыкального искусства были новым явлением для национальной бурятской культуры. Особую роль в процессе внедрения художественных форм и

жанров европейской музыки сыграли композиторы, направленные для работы в БМАССР, а также командировки с целью перенять опыт о ведущих музыкантов страны. Основным результатом стало формирование национальной композиторской школы республики.

Театральное искусство в классическом его понимании не было представлено в структуре национальной художественной культуры, но это отнюдь не означает, что буряты не были знакомы с театральными формами. Театрально-зрелищная стихия всегда присутствовала в повседневной и праздничной культуре: театрализованные народные игры, искусство улигершинов, круговой танец – ёхор, буддийская мистерия Цам. Начало любительскому бурятскому театру было положено еще в 1908 году, когда в Иркутске на одном из этнографических вечеров была представлена первая бурятская пьеса «Смерть» («Ухэл») Д. Абашеева, о чем нами было отмечено выше. Более всего театральная самодеятельность в советское время получила распространение в Агинске, Иволге, Кижинге и Хоринске, но только Агинская самодеятельная театральная труппа смогла подняться до полупрофессионального народного театрального коллектива. Именно с деятельностью этой труппы исследователи связывают зарождение бурятского национального театра [131, с. 55].

Самодеятельный театр в силу своей публицистичности и эмоциональной заразительности быстро приобрел огромную популярность среди населения. Кроме того, театральное искусство стало одним из самых действительно доступных искусств, который не требовал особой материально-технической базы, наличия национальной письменности и образованной публики. Народный театр соединил в себе традиции европейского театра и фольклорные традиции национальной бурятской культуры, которые и определили уникальность и своеобразие национальной драматургии и национальной актерской школы.

Театрально-зрелищная стихия всегда была присуща традиционной бурятской культуре, но для становления профессионального театра был

необходим литературный текст. К услугам начинающих драматургов был предоставлен многовековой опыт фольклорных, поэтических, эпических традиций. На этапе формирования национальной художественной культуры именно театральное искусство закономерно стало преемником эпической традиции и народной культуры. Немаловажное значение в этом процессе имели и те социальные функции, которые были присущи только театру. В новых социокультурных условиях эти функции приобрели особую актуальность, учитывающих традиционный образ жизни, неграмотность сельского населения, необходимость приобщения народных масс к достижениям мировой культуры, формирования «нового» человека, внедрения социалистических ценностей и идеалов и другое.

В начале 1920-х годов под влиянием русской классической литературы театральные постановки в тематическом плане были достаточно разнообразны. Однако эта особенность – прямая ориентация на русскую (а также вообще западную) драматургию – была решающей, но не основополагающей. Русская театральная традиция определила путь драматического искусства Бурятии в русле реалистического, но более плодотворными были тенденции, обогащавшие театральную традицию не путем «ориентации на чужие образцы и усвоение заимствованного материала, а максимальной мобилизации ресурсов собственной национальной» [231, с. 14] театральной традиции. Театральное искусство стало настолько популярным, что появлялись новые любительские театральные объединения, такие как армейские, комсомольско-молодежные, профсоюзные, а при областном отделе народного образования имелся постоянный коллектив художественной самодеятельности.

Отметим, что еще одной важной составляющей вливания в социокультурную советскую среду стали советские праздники. Их популяризация была связана с необходимостью формирования светской праздничной культуры особенно в сельской местности, где оставались сильными религиозные традиции. Привычные тайлганы и обо сменились

празднованием годовщины образования Бурят-Монгольской АССР, Наадам – Сурхарбаном, Сагаалган – социалистическим воскресником, которые сопровождались массовыми культурными и спортивными мероприятиями и антирелигиозными митингами. З.Е. Цыренова отмечает также возникновение колхозных производственно-бытовых праздников, а также «красных свадеб», октябрин и т.п. [348, с. 154-155].

Таким образом, 1920-1930-е годы для Бурятии были особенными в культурном плане, главными чертами которых стало становление и активное развитие отраслей профессионального искусства, переоценка эстетических ценностей традиционной и буддийской художественной культуры, многообразие художественных стилей и направлений, свобода творчества, возможность культурного диалога с отечественными деятелями культуры и искусства. В танцевальных, музыкальных, зрелищных, игровых и других текстах культуры заключается историческая и эстетическая ценность национальной бурятской культуры.

Этот период характеризуется плюрализмом мнений в стремлении изменить социокультурную жизнь общества и национальную культуру путем внедрения абсолютно новых тенденций, жанров и форм в развитии художественной культуры и профессионального искусства. Это было время, которое так охарактеризовал бурятский исследователь В.Ц. Найдаков: «все было внове, еще зыбко и неясно» [227, с. 4]. Представители национальной интеллигенции полагали, что в формировании социалистической бурятской культуры необходимо использовать достижения национальной культуры, в культурном наследии которой они не видели проявлений классового характера.

Так, например, Б. Барадин, А. Доржиев и Г. Цыбиков предлагали максимально использовать философию буддизма, полагая возможным создание своего рода комбинированной культуры, включавшей достижения и капиталистического Запада, и феодального Востока. П. Дамбинов последовательно настаивал, что в основу национального искусства должны

быть положены традиции дацанского искусства. Б. Барадин предлагал использовать шаманскую поэтику в практике литературы и искусства. Практически все представители национальной бурятской интеллигенции осуществляли научную обработку ранее собранных этнографических материалов составляющих духовную культуру повседневной жизни монгольских народов, в частности, шаманского фольклора, тем самым внесли значительный вклад в отечественную науку.

Однако с 1928 года в план «пятилеток» по развитию народного хозяйства была включена и деятельность в области культуры. Начинается целенаправленный процесс политизации культуры и искусства, в основу которого было положено марксистское учение, которое содержало идею о глобальной исторической роли пролетариата в перспективах развития культуры. В соответствии с ее концептуальными положениями, полагалось, что назвать «гуманистической» можно культуру, которая создана эксплуатируемым классом, чья цель заключается в борьбе за освобождение. Концепция пролетарской культуры стала теоретическим основанием насаждения идеологического единomyслия и ликвидации идеологического плюрализма. Подобная унификация отражала роль пролетариата как передового класса.

Обоснование необходимости политизации отечественной культуры было представлено А.В. Луначарским в «Основах позитивной эстетики», опубликованных в «Очерках реалистического мировоззрения. Сборник статей по философии, общественной науке и жизни» в 1904 году. Положения данной статьи «с полным основанием можно считать первым и наиболее честным наброском ведущего метода социалистического реализма» [77, с. 9]. Главным принципом формирования культуры стал принцип партийности, о котором первым отметил А.В. Луначарский. А статья В.И. Ленина «Партийная организация и партийная литература» (1905) стала основой всей последующей культурной политики советского государства, в которой были сформулированы важнейшие принципы отношения большевиков к

творческой деятельности. При этом, стоит отметить, что в советский период понятие «культурная политика» отсутствовало, его эквивалентом было понятие «партийно-государственное руководство культурой».

Определяющим принципом классиков марксизма к культурному наследию и культурным процессам стал классовый подход к культуре, а классовая обусловленность – основным принципом при восприятии любого явления культуры. В целом большевики понимали необходимость использования достижений дореволюционной культуры, однако четкой и целостной концепции, что конкретно из культурного наследия войдет в новую социалистическую культуру, а какие элементы национальных культур должны быть отвергнуты не было. Поэтому на первоначальном этапе в процессе становления национальной культуры БМАССР активно использовались традиции буддийской культуры.

Новая культура должна была не только способствовать укреплению политической власти, но и определять качество и перспективу исторического дела пролетариата как ведущего класса, следовательно, то, что не соответствует классовым требованиям пролетариата, должно быть либо трансформировано, либо упразднено. Об этом писал В.И. Ленин: «Главное предназначение искусства – в развитии лучших образцов, традиций, результатов существующей культуры с точки зрения мировоззрения марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху диктатуры» [186, с. 148].

Независимость творческих организаций Пролеткульта, обусловило понимание политической необходимости сделать культуру подконтрольной государству сферой еще в начале 1920-х годов. Не в последнюю очередь это было связано с тем, что первые советские писатели были представителями дореволюционной интеллигенции, которые хоть и приняли революцию, но понимание ими новой идеологии отнюдь не означало ее принятия и тем более тиражирования. Одним из многочисленных примеров может служить встреча А.В. Луначарского практически сразу после революции с деятелями

литературы и искусства Петрограда, когда из более чем 120 приглашенных пришло только пятеро: А. Блок, В. Маяковский, Р. Ивнев, Н. Альтман, В. Мейерхольд.

В 1920 году появилась первая форма государственного руководства в сфере культуры и искусства – театральные художественно-политические советы. В Записке в Политбюро ЦК РКП(б) от 3.07.1922 года И.В. Сталин отмечал о необходимости создания специальных организаций с целью сплочения «советски настроенных» писателей в единое целое. При этом он писал о необходимости ограничения цензуры, об обязательной материальной поддержке и другом.

Однако со второй половины 1920-х годов над литературными, просветительскими и другими организациями, в том числе коммунистическими был установлен более жесткий контроль, а в начале 1930-х их деятельность полностью прекратилась. Так, первой литературной организацией, в число членов которой вошли партийные критики, стала Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП, 1925). Ей была отведена роль управления сферой искусства. Кроме того, для пропаганды марксистской философии и борьбы с философским идеализмом были созданы государственные контролирующие органы, в задачи которых входила жесткая цензура издательской деятельности, печатной продукции, репертуарной политики.

На I Съезде писателей СССР, состоявшемся в 1934 году, была поддержана инициатива И.В. Сталина по созданию Союза писателей. Вновь созданная организация автоматически прекращала деятельность всех ранее существовавших писательских союзов, объединений, групп. Возглавлять, созданную по партийному образцу литературную организацию, был поставлен М. Горький. Следует отметить, что деятельность писателей И.В. Сталиным полагалась как наиболее важная среди всех представителей сферы художественной культуры. Для него писатель был «инженером человеческих душ». Создание Союза писателей обусловило и соответствующего

единообразия в остальных сферах культуры и органов ее отраслевого управления.

Для руководства художественным творчеством и контролем над этими организациями при правительстве был образован Комитет по делам искусства. Деятели культуры и искусств, особенно писатели, стали одной из самых престижных групп в Советском Союзе, они были обеспечены бесплатными мастерскими, отдельными квартирами, загородными домами, продовольственными пайками, премиями, что подчеркивало их особую роль и важность в трансляции новых ценностей и реализации целей культурной политики в широкие народные массы.

Также был разработан и единый творческий метод – метод социалистического реализма, который стал, несомненно, важной составляющей становления советской эстетики. Мы полагаем необходимым остановиться на рассмотрении его сущности, поскольку он был провозглашен основополагающим для всех направлений литературы и искусства.

Необходимость введения общего метода была связана с признанием роли классических художественных традиций, а также понимания специфических черт реализма в новых политических условиях. Как творческий метод советского искусства, социалистический реализм означал исторически правдивое, конкретное изображение действительности, основанного на идеях марксизма-ленинизма, главной целью которого было идейно-эстетическое воспитание населения в духе социализма и коммунизма и развитие социалистического общества.

Идеологический фундамент соцреализма был заложен еще А.В. Луначарским, который в 1906 году ввел в оборот понятие «пролетарский реализм», а позднее переименовал его в «новый социальный реализм» [см: 202]. Зарождение этого метода было обусловлено марксистско-ленинской концепцией, появлением на мировой исторической арене рабочего класса, его борьбой за революционное преобразование общественной жизни и

построению нового общества, а также формированию нового человека. Основоположником собственно метода социалистического реализма и его теоретической разработки в литературе был А.М. Горький.

Эстетический и идейно-художественный принципы, ценностные критерии нового метода заключались в партийности, народности, правдивости, социалистическом гуманизме, интернационализме. В целом сущность данного метода заключалась в глубокой связи произведений с современной действительностью, в единстве реализма и советской романтики, в дополнении методологических традиций критического реализма XIX века социалистическим гуманизмом.

С этого момента сам принцип соцреализма стал в большей степени администрирующим, чем генерирующим фактором. Так, И. Гронский, председатель комитета Союза писателей, на съезде художников определил социалистический реализм, как Рембрандт и Репин, поставленные на службу рабочему классу. «Социалистический реализм, являясь основным методом советской художественной литературы и литературной критики, требует от художника правдивого, исторически конкретного изображения действительности в ее революционном развитии» [цит. по 124, с. 53]. Следует отметить, что в этом программном положении была отражена политика советского государства в отношении культуры и искусства, где главным критерием творчества становилась не столько абстрактная художественная ценность, сколько конкретная социальная направленность развития личности, обладающая определенным набором моральных качеств.

Позднее период 1930-1950-х годов историки литературы назовут эпохой «Большого стиля», нормативной эстетики, призванной идеализировать советский строй и его действительность. Социалистический реализм, будучи основным методом советской литературы, на государственном и партийном уровне был призван отражать революционные процессы переустройства мира в контексте социалистического идеала, запечатлеть этапы строительства социалистического общества в его

движении к строительству мирового коммунизма. Советская литература в этом плане исполняла роль активного пропагандиста.

В современных исследованиях, негативная оценка советской культуры связана с рефлексией соцреализма, характеризующегося с позиций классовости, партийности, конъюнктурности, навязанной государственной идеологией. Мы разделяем точку зрения российского философа, исследователя советской культуры Л.А. Булавки о том, что на основе соцреализма «возникло искусство, составляющее достояние мировой культуры» [64, с. 265]. Советское искусство и литература отражали устремления народа, показывали жизнь такой, какой она была со всеми ее противоречиями и проблемами. На наш взгляд, борьба демократической и бюрократической тенденций в развитии советской культуры обусловили трагичность советского писателя.

Сложившееся в обыденном сознании представление о том, что соцреализм – это художественное направление советской литературы и искусства, в корне неверно, поскольку мировая художественная культура насчитывает десятки имен зарубежных писателей, критиков, театральных режиссеров, творивших в рамках данного метода.

Таким образом, идейные принципы и установки соцреализма не были обусловлены лишь коммунистической идеологией. По мнению В.П. Конева, они «восходят к идейным основаниям авангардистских течений, что делает соцреализм и социалистическое искусство органической частью европейской и мировой культуры» [158, с. 17]. Это дает нам основание полагать, что природа соцреализма двояка и противоречива. С одной стороны, метод соцреализма стал инструментом для решения государственных задач, что «неизменно порождало имевшую место в советской культуре практику идеологической и культурной эксплуатации данного метода» [62, с. 37]. С другой стороны, произведения соцреализма романтизируют и идеализируют действительность, но при этом как произведения реалистического искусства художественно правдивы. Эта диалектика позволила создать выдающиеся

произведения советской культуры, в которых на первое место выходит человек как субъект истории и культуры.

Однако критика соцреализма имеет объективные причины. Идеологические установки, поставленные во главу угла, потребовали от творческой интеллигенции воплощения принципов революционности, партийности и народности, которые в свою очередь подвергали художественное творчество подчинению партийной конъюнктуры. Идеологическим требованием произведений соцреализма стал показ исключительно достоинств советского строя, всячески скрывая его недостатки. Именно это явилось причиной появления большого количества малохудожественных произведений, что, в конечном итоге, дискредитировало метод социалистического реализма.

С нашей точки зрения, вводя каноны социалистического реализма, теоретики советского искусства и литературы стремились найти и внедрить новые мировоззренческие ценности, социальные идеалы, морально-этические нормы. Советский пантеон героев, которые строили, а многие даже жертвовали собой ради светлого будущего, был сформирован в достаточно короткие сроки на основе собирательных образов и канонических персонажах.

Анализ общественной мысли, дискуссии в области возрождения и развития бурятской культуры, языковая политика и политика использования буддийского культурного наследия, особенности становления профессиональных видов искусства позволяют нам говорить о том, что первые десятилетия советской власти значительно изменили облик Бурятии. Однако говорить о том, что бурятская культура получила свое развитие только после Октябрьской революции, неправомерно. Мы согласны с мнением историка Б.В. Базарова, отмечающего, что именно непосредственные участники событий, описывая различные аспекты формирования и развития бурятской культуры, заложили мнение «о полном упадке или отсутствии культуры у бурят, появилось нигилистическое

отношение к духовному наследию прошлого, особенно религиозному, стали произвольно трактоваться вопросы так называемой дореволюционной истории» [35, с. 9].

Представленный материал является в достаточной степени известным, но он дал нам возможность обозначить факторы необходимые для понимания уникальности процесса становления национальной бурятской культуры в регионе, и осуществления дальнейшего анализа условий и факторов репрессий в отношении национальной интеллигенции и отдельных явлений национальной бурятской культуры. Культурная политика в формировании бурятской культуры, характеризовалась идеологической и культурно-исторической спецификой. Эта специфика требовала установления прочной связи между социалистической и национальной составляющими формирования советской культуры.

Подводя итог сказанному, отметим основные тенденции становления и развития национальной бурятской культуры в условиях советской культурной политики. Во-первых, в становлении и развитии национальной культуры на первоначальном этапе использовался богатейший пласт культурного наследия. Однако помимо собственных культурных традиций, художественная культура находилась в поиске новых средств динамизации художественных процессов. Такими средствами стали литературный язык, изобразительное, музыкальное, театральное искусство. Принципиальное новаторство послереволюционного этапа развития культуры проявилось на всех уровнях. Стали развиваться абсолютно новые для традиционной бурятской культуры формы и виды художественной культуры. Важным этапом стала подготовка национальных кадров творческой интеллигенции и создание целого ряда социокультурных институтов.

Во-вторых, реализация задач по созданию конкурентоспособной национальной художественной культуры осуществлялась в контексте необходимости ускоренными темпами «технически» пройти классиков разных эпох, с целью научиться различным художественным приемам эпох

расцвета. Для этого привлекались российские специалисты, профессиональные деятели искусства, зачастую представители дореволюционной российской интеллигенции, создавалась сеть художественных образовательных учреждений для подготовки национальных кадров и сеть социокультурных институтов.

В-третьих, национальная бурятская культура претерпевала радикальные изменения, в процессе которых, однако, уважительное и бережное отношение к творческому наследию, к исконным традиционным ремеслам, сохранялись. Национальный колорит своеобразно отразился в новых для художественной культуры Бурятии видах искусства: светской литературе, живописи, графике, скульптуре, театральной деятельности. Искоренение религиозной ограниченности, создание сети культурно-просветительских и образовательных учреждений позволили значительно повысить культурный уровень населения, приобщить его к мировой, западной и русской культуре.

2.3. Особенности развития бурятской литературы как части национальной культуры в 1920-1930-е годы

С момента создания в 1923 году Бурят-Монгольской АССР активно развивались все сферы художественной культуры, однако особенная роль была отведена формированию литературы нового типа и воспитанию советского писателя – строителя социалистического общества.

В национальных регионах литература развивалась более активно, чем иные виды художественной культуры, это связано, прежде всего, с особой способностью литературы мобильно реагировать на изменение окружающей действительности. В литературе, отражая жизнь, писатели, наряду с собственным мировоззрением фиксируют основные общественные тенденции: социальные, политические, экономические, культурные. Это характеризует особенность литературы, выполняющей ряд специфических социально значимых функций. Литература всегда выступала носителем определенных идеологий, эффективным средством идеологического

воздействия, полем идеологического противоборства.

Литература является отражением национальной культуры и особенностей мировоззрения конкретного народа. При этом, если говорить о становлении национальной бурятской литературы, то она не просто явилась художественным объектом, но обладала нравственной ценностью, став наглядным дидактическим материалом в воспитании и обучении бурятского народа разных возрастов. Появились произведения, написанных в абсолютно новых для бурятской литературы, стилевых направлениях и жанрах, но включавших в себя знания об истории, природе, образе жизни, ценностные ориентиры новых социокультурных условий и месте в них человека. Вплоть до XX века в основе бурятской литературы лежал фольклор. Таким образом, формировалась национально-культурная специфика, которая естественным образом сказалась и на становлении и развитии национальной литературы.

Бурятская литература, по мнению теоретиков советского литературоведения, относится к так называемым младописьменным литературам, проходившим ускоренное развитие. Общеизвестным является тот факт, что появление младописьменных литератур было следствием множества процессов, происходивших в новом государстве, которые изменили не только социально-экономическую жизнь народов Сибири и Севера, а также повлияли на коренные основы жизни всех народов нового государства. По мнению исследователей, это был ожидаемый результат культурного вектора политики новой власти, «они не могли не появиться, они возникли как часть новой, советской литературы – появились по прямому указанию партии, как заказные литературы с заказной идеологией, с заказной методологией, даже с определенной художественной направленностью, продиктованной социально-политическими соображениями» [157]. Полностью согласиться с данным положением мы не можем.

По мысли В.И. Ленина, необходимо было в новой стране создать единое культурное поле, создание которого требовало некоего единообразия

в культуре многочисленных народов России. В соответствии с этой программой, опираясь на признаки стадийных периодов исторического развития, народы, с их культурой и литературой были определены как «зрелые» и «незрелые». Однако, на наш взгляд, подобного ранжирования культур и народов в принципе не может быть, поскольку все культуры, соответствуя историко-генетическому типу, отражают духовные и этические особенности своего народа. Любые изменения происходят вследствие социально-политических, экономических и мировоззренческих изменений в обществе. Вне зависимости от социально-политического развития, любой этнос изначально обладает уникальной культурой, которая включает в себя не только фольклор и декоративно-прикладное искусство.

Г.Д. Гачев, Г.И. Ломидзе и другие, заложившие основы теоретического изучения младописьменных литератур, отмечают, что введение в научный оборот дефиниции «младописьменная» определяло «особенности перехода от патриархально-родового строя и фольклорно-религиозного мышления к социалистическому производству и общежитию и к современной образованности и культуре» [80, с. 7]. Объективно согласимся, что данная тенденция была характерна для большинства национальных литератур, в которых художественно-поэтическое осознание действительности имело древние традиции, вне зависимости от отсутствия письменных литературных традиций. Мы полагаем, что в анализе становления и развития «новой» национальной литературы целесообразнее сделать акцент на особенностях формирования индивидуального авторского сознания, которого ранее действительно не было.

В.Ц. Найдаков, бурятский литературовед, предложил типологию, в основу которой было положено наличие письменных традиций светской литературы: литературы с «прочными» реалистическими традициями, младописьменные литературы, новописьменные литературы [229, с. 49-50].

Предложенная типология является отражением основных методологических принципов советского периода, согласно которым, с

одной стороны, развитие национальной литературы становилось частью политической концепции: «национальная по форме, социалистическая по содержанию», с другой – наличие традиций реализма (сначала традиции критического реализма литературы XIX века, а потом социалистический реализм). Российские филологи отмечают: «младописьменные и немладописьменные, но не имевшие традиций критического реализма литературы, развивались в русле метода социалистического реализма, но до полного развития в них метода социалистического реализма они переживали своеобразный переходный этап – становления, который нельзя отнести ни к социалистическому, ни к критическому реализму» [337, с. 84]. Мы разделяем точку зрения исследователя, связывающего это с тем, что национальные литературы периода становления использовали изобразительные средства фольклора, а «образцы русской литературы во всех жанрах механически переносились на национальную почву» [337, с. 84].

В исследованиях национальных литератур в современное время литературоведы ведут споры о таких терминах как «младописьменная литература» и «ускоренное развитие литературы», в связи с тем, что уточняются вопросы генезиса и эволюции литератур народов СССР в XX веке. Так, И.С. Полторацкий пишет, что в отношении понимания искомых дефиниций «ведется довольно запутанная дискуссия, так до сих пор и не пришедшая к установлению четких терминологических границ» [254, с. 126].

На рубеже 80-90-х годов XX века часть представителей направления литературоведения «перестали признавать непоколебимость этих теорий и считать незыблемой истиной» [268, с. 154]. На современном этапе «официальная риторика о "расцвете" и "восхождении к зрелости" уступает место усложнившимся представлениям о базисных предпосылках и духовных основаниях каждой национальной литературы... В этом контексте понятие "младописьменная литература" приказало долго жить по причине его неадекватности историко-литературным реалиям» [300]. Не вдаваясь в действительно актуальные методологические и терминологические

проблемы, поскольку они не являются предметом нашего диссертационного исследования, согласимся с высказыванием Ч. Айтматова о понимании и конкретизации термина «младописьменная литература», отмечавшего, что «копья ломать не следует... главное, что она есть» [13, с. 4].

Рассматривая особенности формирования бурятской литературы в первые послереволюционные годы, мы согласимся с тем, что она действительно прошла путь ускоренного развития. До этого периода у бурят имелась специфическая литература, в большей степени представленная буддийскими текстами, но она не имела традиций светской прозы и драматургии, в ней не были развиты литературные эпические жанры, поэтическая система жанров также имела свою специфику. Другими словами, она не обладала разнообразной жанровой системой, присущей русской литературе. Можно сказать, что бурятская литература находилась на стадии средневековой синкретичности.

В развитии бурятской литературы основную роль сыграла развитая система словесного творчества, что характеризует сильные стороны преемственных процессов, закономерных для культурно-исторического развития. Исходя из вышесказанного, общие принципы, характерные для советской социалистической литературы, не противоречат и не позволяют, на наш взгляд, говорить о разнице в формировании советской бурятской литературы и литературы национальной. Исторический процесс эволюции бурятской литературы и художественной культуры не был нарушен.

Главными тенденциями в ускоренном развитии бурятской литературы стали национальная форма художественного творчества (использование традиций фольклора) и достижения русской классической литературы.

Первая тенденция находит свое отражение в том, что важнейшей особенностью бурятской литературы стало наличие традиций устного народного творчества, активное использование которого, в том числе, заключалось в желании сохранить национальное своеобразие. Обращение к устному народному творчеству позволяло наглядно и доступно отобразить

современную жизнь народа и актуальные проблемы. На этапе формирования национальной литературы ведущее место принадлежало фольклору, что было обусловлено доминирующим положением в духовной культуре бурятского народа. Кроме того, как было отмечено ранее, фольклорные, в частности, эпические традиции стали одной из действительно доступных художественных форм.

Особенно выделялся в фольклорной традиции изумительный по красоте и разнообразию героический эпос, отражающий эпохальные явления – борьбу с силами природы, борьбу добра со злом, жизнь и идеологию рода. Обращаясь к фольклорной поэтике сказителей-улигершинов, в своих произведениях молодые писатели стремились выразить национальное мировоззрение, где этнопоэтические традиции способствовали воспроизведению жизни героев во всей целостности, порой полной драматизма. Бурятский фольклор способствовал углублению национального характера, который нашел выражение в системе художественных символов и нравственных ценностей.

В эпических песнях часто встречается мотив об идеальной стране народного счастья, которой правит «хороший царь», справедливый правитель. Такая мечта вдохновляла большинство крестьянских движений. Это была хоть и несбыточная мечта, но она упорно держалась в крестьянской среде разных народов. Излюбленным образом бурятского фольклора, героем эпических сказаний был борец за народное счастье, освобождавший родину от гнета завоевателей, защитник всех обиженных и простого народа. Народная молва наделяла его лучшими качествами: добротой, острым умом, отвагой, великодушием, что было взято писателями для создания художественного образа нового положительного героя. Именно на эту тенденцию обращал внимание Т. Манн, отмечая, что «в типичном всегда есть очень много мифического, мифического в том смысле, что типичное... это изначальный образец, изначальная форма жизни, вневременная схема, издревле заданная формула, в которую укладывается осознающая себя

жизнь, смутно стремящаяся вновь обрести некогда предначертанные ей приметы» [207, с. 110].

Кроме того, широта тематики и жанровое многообразие первых литературных произведений были основаны на разнообразии тем, мотивов и образов фольклора, передающих менталитет народа и характеризующих те концепты, которые присущи национальной картине мира. Поэтому зрители и читатели наиболее близко и благодарно воспринимали те произведения, сюжеты и герои которых были знакомы им с детства, вписывались в традиционную картину мира, но получившие новую художественную и языковую обработку. Наиболее используемыми оказались малые жанры, песни, мифы и легенды, которые характеризуются функцией трансформации, что способствовало сближению их с реалистической эстетикой.

Однако взаимодействие литературы и фольклора в становлении бурятской литературы имело «довольно драматическую историю, где в разные периоды допускались и абсолютизация фольклорного прошлого и его недооценка» [37, с. 3]. Если начальный период формирования бурятской литературы характеризуется активным использованием выразительных средств и сюжетов фольклора, то уже во второй половине 1920-х годов возникают острые дискуссии по проблемам традиций и новаторства в становлении бурятской литературы, о чем нами было отмечено выше.

Вторая тенденция, сыгравшая значительную роль в ускоренном формировании бурятской литературы, отражала официальный курс государственной культурной политики по «выравниванию культурного развития» народов и «стяжении разностадиальных типов мышления» [80, с. 102], о которых мы отмечали выше. Необходимость освоения традиций русской классической литературы была очевидна: освоение литературной жанровой системы, методов изображения действительности, отбор тем и проблем, отражающих социальные, классовые события.

Традиции русского критического реализма с центральной темой социальной несправедливости, судьбы отдельного человека, отраженные в

произведениях А. Пушкина, Ф. Достоевского, Л. Толстого и других стали методологической основой новой литературы. На это обращает внимание Г.И. Ломидзе: «литературы учатся друг у друга не только для того, чтобы совершенствоваться или же развить то, что уже имелось у них. Они учатся и для приобретения, формирования новых качеств, не имевшихся в прошлом, но настоятельно необходимых в настоящем» [195, с. 171]. Так же верно, подчеркивают российские ученые, исследователи кавказской литературы, что «нет национальной специфики содержания и национальной формы в чистом, застывшем виде ... Учиться, чтобы расширить свои познания, чтобы перенять опыт, учиться, чтобы овладеть мастерством» [273]. Именно по этому пути развития, перенимая и творчески осваивая опыт великих русских классиков, пошли первые бурятские писатели, не только в создании литературы нового времени, но и в успешной реализации диалога культур.

Однако исследователи национальных литератур размышляли: «был ли критический или социалистический реализм в молодых литературах в пору их зарождения? Может, в них не было еще никакого метода?» [353, с. 116]. Мнение исследователя адыгских литератур К. Шаззо, что «мысль о формировании и утверждении художественного метода (соцреализма – *М.А.*) в адыгских литературах 20-х годов нам кажется несостоятельной» [353, с. 116] вполне можно применить и к бурятской литературе. Действительно, такой сложный художественный метод как реализм не мог возникнуть в только проходящей этап формирования литературе. Он возникает только тогда, когда зародившаяся литература достигает определенных высот в идейно-художественном освоении конфликтов нового времени. Таким этапом для бурятской литературы становится только вторая половина 1930-х годов.

На богатом фактологическом материале исследователями бурятской литературы показано, что художественное и жанровое развитие в бурятской литературе стало осуществляться после образования БМАССР в 1923 году. Тем самым, ее формирование исторически совпало с процессом становления

советской литературы и становлением метода социалистического реализма. С этого периода начинается процесс накопления иных, отличных от фольклорных принципов художественности, кроме того, осуществляется целенаправленный переход на новую письменность, складывается литературный язык. За очень короткий срок бурятская литература, не знавшая ранее разнообразия жанров, прошла путь, который, на наш взгляд, в других исторических условиях мог бы и не состояться.

Впоследствии с развитием бурятского литературоведения и бурятской критики, усилиями бурятских ученых был проработан фактический материал, созданы фундаментальные исследования. Так, исследователями Ц.-А. Дугар-Нимаевым, В.Ц. Найдаковым, А.И. Кимом, А.Б. Соктоевым, Г.О. Туденовым, А.И. Улановым и другими были написаны фундаментальные труды по проблемам становления и развития бурятской литературы, отдельных жанров и направлений. «Очерк истории бурятской советской литературы» (1959), «История бурятской советской литературы» (1967), «История бурятской советской литературы 1917-1955 годов» (1995). «Очерк истории бурятской советской литературы» стал одним из первых фундаментальных исследований вообще по национальным литературам. Однако он вызвал определенную критику со стороны литературоведов. Так, один из корифеев теоретического литературоведения Г.И. Ломидзе отмечал слабое раскрытие воспитательных функций литературы и закономерностей развития жанровой системы бурятской литературы [197]. Но в целом высказанные критические замечания не повлияли на общую положительную оценку и своевременность данного исследования.

Для нас данная и последующие работы являются важными, поскольку в них была применена совершенно новая периодизация бурятской литературы по родовому принципу. Она не совпадала с тенденциями исторического процесса, но отражала особенности литературно-художественного процесса. Для историка такая периодизация, возможно, недостаточно обоснована и оправдана, однако развитие культуры и литературы не может точно

соответствовать рамкам исторического процесса. Поэтому изучение становления и развития жанров является одним из главных аспектов анализа бурятской литературы.

Один из первых литературных критиков Бурятии Н.И. Занданов, современник зарождавшейся литературы, в докладе «О Бурят-Монгольской литературе» выделял следующие этапы в истории бурятской литературы. Первый этап знаменовал зарождение дореволюционной бурятской рукописной улусной драматургии в рамках просветительства после Революции 1905 года. Второй этап становления бурятской литературы Н.И. Занданов связывал с появлением литературных произведений, написанных на русском языке в период с 1917 по 1922 годы. Третий этап в становлении и развитии литературы, по его мнению, начался с образования Бурят-Монгольской АССР. При этом он отмечал, что первые два этапа не представляют особой ценности с точки зрения формирования национальной литературы. С этим положением, об отсутствии какой-либо ценности первых двух этапов можно согласиться лишь частично.

Революция 1905 года, по словам А.Б. Соктоева, стала основным фактором, не просто всколыхнувшим российские окраины, но и освободившим творческий и художественный потенциал угнетенных народов [290, с. 279]. Именно последствия, вызванные первой русской революцией, бурятский литературовед связывает с появлением новой национальной литературы, отражавшей принципиально иную социальную проблематику.

В 1908 году среди иркутских бурят Ц. Жамцарано был создан «Союз учащейся молодежи», членами которого были написаны пьесы «Смерть» (Д. Абашеев), «Вино виновато», «Жадный волк» (И. Барлуков), «Картежники» (Ч. Базарон), «Два мира» (М. Салтыков), «Цырен пастух» (С. Балдаев) и другие. Первой, поставленной в Иркутске на одном из этнографических вечеров бурятской пьесой, стала пьеса «Смерть» («Ухэл») Д. Абашеева.

В начале XX века в целом по всей империи строгой цензуре

подвергались культурно-просветительские мероприятия, рассчитанные на широкий круг социальных низов, проводившихся по общественной (т.е. негосударственной) инициативе. Особенно это касалось репертуаров народных театров для неграмотной аудитории. При этом прослеживалась тенденция: чем шире предполагался состав участников, как зрителей (слушателей), так и участников (актеров), тем строже были цензурные ограничения. Любая новая форма культурно-просветительской деятельности с трудом пробивалась через цензурные ограничения. Поэтому, кроме «Жадного волка» И. Барлукова, все остальные пьесы были запрещены цензурой [см.: 131]. Однако, созданным Ц. Жамцарано «Союзом учащейся молодежи», было написано достаточно пьес, чтобы говорить о появлении бурятской драматургии и в целом о зарождении светской национальной бурятской литературы.

После революции 1917 года происходят кардинальные изменения в жизни народа. Идеологические, политические, социально-экономические процессы модернизации коснулись и художественной культуры, основной задачей которой становилось формирование «нового» понимания действительности, анализ и отражение всего что происходит. Это осложнялось и тем, что множество людей, которые не понимали ни сути изменений в стране, ни своей роли в этом процессе, нужно было вовлечь в это движение. Не случайно, именно литература взяла на себя эту роль. У истоков зарождения бурятской литературы стояли Ч.-Л. Базарон, Б. Барадин, Ж. Батоцыренов, Д.-Р. Намжилон, Х. Намсараев и другие общественные деятели. Выше нами было отмечено, что представители дореволюционной национальной бурятской интеллигенции пытались уже в начале XXвека решить кардинальную возрожденческую проблему – места и роли личности, меры ее ответственности в историческом процессе. Это были передовые и высокообразованные люди, прекрасно знакомые с гуманистической, психолого-личностной, идеологической концепциями русской литературы. Однако, несмотря на это, именно национальный фактор обусловил основы

формирования самобытной и своеобразной национальной бурятской литературы, получившей признание как «литература бурятского просветительства».

Продолжительное время в национальной бурятской литературе центральное место занимала драматургия или как ее было принято называть «рукописная улусная драматургия», уходящая своими корнями вглубь устной народной культуры. Активное развитие именно этого жанра, с одной стороны, логически вытекало из особенностей театрального искусства – зрелищности, наглядности, костюмированности и доступности простому, в том числе и неподготовленному и необразованному зрителю. С другой – его популярность в Бурятии объясняется и тем, что для тиражирования драматических произведений не требовалось развитой типографической сферы. Кроме того, первым отрядом драматургов стали не профессиональные писатели, а просто энтузиасты, желавшие продемонстрировать кардинальные изменения, произошедшие в республике [226, с. 59-68; 290, с. 280-281].

В этих условиях драматическое искусство, вырабатывая новые эстетические принципы, отражало и закрепляло стремительную трансформацию устоев в умах простых людей. Сама общественно-политическая ситуация, связанная с общей неграмотностью населения и, главное, необходимостью вести идеологическую пропаганду классовой борьбы, способствовала расширению социальной функции драматургии и театра. Именно об этой функции писал А.Н. Островский: «драматическая поэзия ближе к народу, чем все другие отрасли литературы. Всякие другие произведения пишутся для образованных людей, а драмы и комедии – для всего народа» [240, с. 123]. В истории мировой литературы можно найти достаточно фактов, когда в определенный период времени на первый план выходят отдельные литературные жанры. Этот литературный процесс «находится в несомненной связи с потребностями и внутренними особенностями того или иного этапа общественной жизни» [222, с. 63].

До 20-х годов XX века в Бурятии грамотность населения была не более

10%, поэтому вполне очевидна популярность драматических произведений, как у зрителей, так и у писателей. Специфика драмы как рода литературы, связанной с массовостью и доступностью восприятию впервые пришедшего на сценическое представление человека, обусловила повсеместное развитие этого вида искусства, особенно в районах республики, где население продолжало вести традиционный кочевой образ жизни. Напомним, что доступность искусства трудящимся массам выдвигалась в качестве основной задачи культурного строительства. Важными критериями, способствовавшими развитию драматического жанра, также стали зрелищность, образность и наглядность постановок, фактологическое насыщение спектаклей, включение тем реально происходящих революционных и социально-политических преобразований. Здесь именно драматургия стояла у истоков национальной бурятской литературы, на базе которой немного позднее начинают развиваться другие литературные формы и жанры.

Первыми организаторами и вдохновителями театральных кружков и спектаклей были видные просветители того времени М.Н. Хангалов в Прибайкалье, Б. Барадин и Ц. Жамцарано в Забайкалье, в качестве драматургов выступали улусные учителя Д. Абашеев, Ч.-Л. Базарон, С. Балдаев, И. Барлуков, И. Салтыков. В Аге, Алари, Бохане появились самодеятельные театры и кружки. Большую роль в процессе отработки принципов организации конфликтных ситуаций, разрешение которых несло идеологическую нагрузку, совершенствования приемов построения диалогов и речевой характеристики персонажей сыграла Агинская самодеятельная театральная группа.

Тематически мы предлагаем драматические произведения первой половины 1920-х годов разделить на три группы. К первой группе относятся пьесы, в которых критикуется как сам «старый мир», так и его представители: «Темнота», «Оракул Дамби», «Революция» Х. Намсараева, «Обновление» Д.-Р. Намжилона, «Шойжинчи» Х. Намсараева и Г. Ямпилова,

«Вина шамана» А. Шадаева и К. Хадаханэ. Для них характерен этнографический натурализм изображения действительности, отсутствие социального анализа и обобщения происходивших значимых событий, что в целом было свойственно дореволюционным пьесам. Однако по идейной тематике – социальное неравенство, борьба старого и нового, этические аспекты производственных отношений, семейные взаимоотношения и т.д. – уже были более понятны и близки изменяющемуся сознанию простого человека.

Ко второй группе относятся пьесы, показывающие тяжелое положение аратки в традиционном бурятском обществе. Среди наиболее значительных произведений данной группы можем выделить «Несчастную девушку» А. Шадаева и «Женскую долю» А. Тургена. В целом довольно актуальная проблематика звучала лишь в контексте гендерного неравенства бурятской женщины. Данная проблематика не вышла за рамки семейно-бытовых взаимоотношений, в первую очередь «калыма» как формы продажи невесты, отсутствия возможности свободного выбора жениха, практически крепостного существования женщины в семье. Хотя вопрос о социальном равноправии женщин в советском обществе был решен уже в начале 1920-х годов, бурятские писатели не обращались к теме современниц, активно проявляющих себя в политической и общественной жизни. Достаточно непростая задача изображения характера новой для бурятского традиционного общества женщины нашел отражение лишь к концу 1930-х годов.

В последнюю, третью группу, входят пьесы, отражающие острую актуальную тому времени социально-политическую проблематику. Критике имперской политики в отношении инородцев посвящены пьесы «Гнет царя» А.И. Шадаева, «1905» С.П. Балдаева, этическому и моральному облику нойонов - «Ученье – свет, а неученье – тьма» И. Дадуева, «Жэгдэн» Б. Барадина и Д.-Р. Намжилона, «Шойжид» Б. Барадина, непростым геополитическим условиям 1918-1929-х годов - «Торжество правды» С.П.

Балдаева, особенностям взаимоотношений между русским и бурятским народами - «Хлеб» Ч. Базарона, «Великая сестрица - шаманка» Б. Барадина. По нашему мнению, именно эти произведения стали наиболее значимыми в бурятской драматургии как в идейном, так и художественном аспектах, которые определили лицо национальной литературы в целом.

Исходя из того, что подавляющая часть населения Бурятии была неграмотной, неудивительно, что именно через воздействие драматургии как проводника революционных идей, проходил идеологический перелом в народном сознании. Публицистичность и эмоциональная насыщенность позволили драматическим постановкам стать самым популярным и массовым жанром. При этом театральные постановки не требовали для своего жизненного воплощения особой материальной базы, которая была необходима для прозы и поэзии. Достаточно было иметь энтузиастов, изготовленный собственными руками немудреный реквизит. Но главное этот жанр не требовал не только взыскательной, но даже просто образованной публики.

История развития бурятской драматургии, особенно на начальном этапе становления, отражала актуальные социально-политические процессы того времени. К ним относятся показ необходимости ведения классовой борьбы, преимуществ социалистического строя и новых устоев, прорисовка характеров «новых» героев. В это время в бурятскую литературу приходит ряд драматургов, которые не имели ни специальной подготовки, ни даже образования, они были разного социального статуса и разного возраста. Отсутствие знаний, опыта жизни сказались на низком художественном уровне, не позволившем им подняться до серьезных проблемных тем, ограничившись бытописанием, этнографическим натурализмом, критикой общественных пороков. Пьесы были слабыми в художественном плане и «стояли где-то на полпути между жизнью и искусством, являя собой тот ранний этап развития искусства, когда оно только начинает отделяться от бытия и превращается в особую форму общественного сознания,

обладающую своими законами и специфическими чертами» [303, с. 27].

Многие из них бесследно исчезли.

Большинство ранних пьес строились на столкновении противоположных по характеру персонажей по принципу традиционной поэтики драмы, характерной для антагонистического конфликта. В произведениях положительный герой противопоставлен отрицательному, которому воздается по заслугам. Подобная схема развития действия являлась распространенной, на протяжении многих веков существования драмы, поэтому обращение к ней начинающих драматургов было естественным, тем более неопытным писателям казалось, что выраженная оппозиция героев, их борьба и есть олицетворение противоборства между новым и старым миром.

Также следует отметить, что большинство пьес были однотипны как по сюжетному материалу, так и по характеру его подачи. Основными темами были дореволюционное темное прошлое и послереволюционные изменения общественной жизни. В них реализовывался принцип: как было и как стало, другими словами, постановки демонстрировали простым арадам, о невозможности возврата к прошлому. Основным пафосом в пьесах было неприятие старого мира, с его пережитками, социальным неравенством в противовес которому утверждаются новые революционные идеи. К сожалению, за критикой социальной действительности, терялся сам человек, его духовный и нравственный мир, поэтому характеры героев были неубедительны и неглубоки.

Чаще всего оригинальные и переводные пьесы были одноактными. Это, возможно, говорит о природном чутье и интуиции начинающих писателей, поскольку «лаконичная форма одноактной драмы предполагает высокую степень концентрации заложенного в нее материала, подробности подаются в подчеркнуто рельефном изображении, приобретают особую самооценность, темы и проблемы разрабатываются в самых основных чертах, характерах персонажей» [222, с. 68]. В.Ц. Найдакова, исследователь театрального искусства Бурятии, полагает, что одноактные бурятские пьесы отличались

динамичностью действия, выразительностью мизансцен, яркостью и очерченностью образов. Поэтому среди зрителей они пользовались популярностью, им сопутствовал успех. «Одноактная бурятская комедия, переводной водевиль, лирико-драматические сцены в одном действии с небольшим количеством персонажей, с острым сюжетом были незаменимы в тех условиях, в которых приходилось трудиться молодежному коллективу. И надо воздать должное постановщикам и актерам – сценические миниатюры в их исполнении переливались всеми красками жизни, которую хорошо знали актеры, образы героев были понятны, ситуации знакомы» [231, с. 134]. Впоследствии на основе одноактной улусной пьесы в процессе развития и усложнения сюжетов, совершенствования приемов построения диалогов и речевой характеристики персонажей родилась профессиональная драма.

История развития бурятской драматургии, особенно на начальном этапе, отражала актуальные процессы, характеризующие острую классовую борьбу, строительство нового социалистического общества, новых устоев. Осмысление социальных отношений, построенных на иных принципах, реконструкция картины мира, опора на факты в описании общественных процессов и событий, особенности поведения человека – все это было представлено в первых драматических произведениях. Кроме того, в них вырабатывались и отрабатывались художественные принципы организации конфликтов. Требованием времени стало наполнение произведений идеологическим началом, отражение жизни ярко выраженными современными социальными тенденциями.

Таким образом, на примере формирования драматического жанра можно отметить, что литературный процесс развивался достаточно активно. Потому, полагаем, мнение Н.И. Занданова ошибочным, о том, что этапы начала XX века и период 1917-1922 годов, не имели значения в становлении бурятской литературы. Мы считаем, что многое, воспринимавшееся в свое время критически, на сегодняшний день понимается нами как достижение национальной литературы того времени и, наоборот.

Возникновение бурятской поэзии как рода литературы также относится к началу XX века. Ей естественным образом предшествовали многовековые фольклорные традиции: лирическая, характеризующая народные песни, и эпическая, представленная в многочисленных поэтических легендах, преданиях, героических сказаниях. Именно в этих традициях происходила разработка основных принципов национального стихосложения.

В бурятской поэзии на начальном этапе также получили отражение события, происходившие в стране. Первыми поэтическими произведениями вполне закономерно стали песни и частушки. Поэты обращались к традиционным жанрам фольклора и использовали, присущие им художественные средства. Песня является одним из наиболее распространенных жанров фольклора, способная бытовать в коллективном сознании народа, в повседневной жизни, поэтому обращение к песенному жанру было естественным и закономерным процессом. Современные песни исполнялись перед театральными постановками, имели форму ёhora, исполнялись стоявшими в кругу. Тем не менее, исследователями отмечается неконкретность содержания и несовершенство художественной формы песен, что, действительно, имело место, поскольку на начальном этапе только шел процесс приспособления старых художественных изобразительных средств и приемов к новым задачам [131, с. 33-35]. Новым для бурятской песенной традиции стал агитационный характер и современная тематика. В основном эти песни были посвящены важным социально-политическим событиям: революции, партизанскому движению, борьбе с классовыми врагами, раскрепощению женщины и т.п. Следует отметить, что зачастую это была калька русских песен, изменялись лишь имена, топонимы и т.д.

Общественные деятели Ч.-Л. Базарон, Б. Барадин, Д.-Р. Намжилон, Г.-Д. Нацов, активно включившиеся в процесс народного образования, публиковали свои стихи в книгах для чтения, особенно для детей. Уделяя немало сил составлению учебных материалов для национальной школы, эти

стихи были вполне доступны для детского восприятия, а кроме того, они приобщали к новой жизни, воспитывали ценности образования. Это стало одной из особенностей развития поэзии в 1920-е годы.

В творчестве одного из первых поэтов Бурятии С. Туя (псевдоним П.Н. Дамбинова) проявляются основные художественные поиски бурятской поэзии: жанровое многообразие, сюжеты и мотивы, языковые особенности. Написанный на русском языке сборник «Цветостепь» (1922), стал первым художественным изданием в истории бурятской поэзии. Поэтические произведения, вошедшие в этот сборник, характеризуются идейно-художественным разнообразием и неоднородностью, что исследователями творчества С. Туя объясняется противоречивостью мировоззрения самого поэта. Это и лирическое воспевание родной степи, печальная участь женщины, стихи, посвященные современной тематике Октябрьской революции и гражданской войне. В целом мы можем охарактеризовать лирику С. Туя как лирику с выраженным субъективным началом, где эмоции и авторские переживания выдвигаются на первый план.

Одним из лучших произведений этого сборника стала первая в бурятской литературе поэма «Ангара», основанная на народных легендах и преданиях. Поэма получила известность среди широкого круга читателей Сибири и Дальнего Востока. В поэме было все, что свойственно традиционному народному миропониманию. Поэт обратился к фольклорным образам и мотивам, воспел кочевую патриархальную степь. За это его подвергли жесточайшей критике, после чего он был вынужден переделать многие свои произведения. Изменениям подверглась и поэма «Ангара».

Ведущим поэтом 1920-1930-х годов стал Д. Дашинамаев, в творчестве которого нашло отражение изображение современной тематики. Это один из немногих бурятских писателей, творивших почти во всех жанрах и видах: стихи, песни, поэмы, очерки, рассказы, критические статьи по литературе, переводы, его перу принадлежит одна из первых бурятских повестей «Цырмаа» (1937), которая в силу трагических обстоятельств не была

закончена. В целом в истории бурятского стиховедения он является новатором, показавшим «возможности бурятского стиха и в области тематики, и в области образно-изобразительных средств» [227, с. 159].

Время требовало соблюдения рамок реалистических принципов, в изображении жизни, поэтому в поэзии Б. Абидуева, Б. Базарона, А. Балдаева, М. Гордеев, Д. Дашинимаева, Д.-Р. Намжилона, Х. Намсараева находим темы социального неравенства, мотивы изменения окружающей действительности. Произведения «Убэгэн гэлэнэй угэ» (Исповедь старого гэлэна, 1926) Х. Намсараева, «Агаарынонгосо» (Самолет, 1929) Б. Абидуева, «Буряад аршааншадай байдал» (Быт бурятских аршанщиков, 1922) Д.-Р. Намжилона отличались новаторством как по форме, так и по содержанию.

Одним из талантливых поэтов 1920-х годов, оставивших заметный след в бурятской литературе, стал Б.Ц. Найдаков, литературный псевдоним – Мунко Саридак. Он прожил небольшую, но очень яркую и насыщенную жизнь. М. Саридак умер, когда ему было всего 20 лет. Поэтическое наследие М. Саридака (на русском и бурятском языках) не так велико, но оно является очень ярким и разнообразным, отражающим современность («Комсомол», «Есениндэ») и национальное мировоззрение («Серебряная луна», «Красавице степей», «Саяны»). Отметим широту и глубину поднимаемых проблем в критических статьях, посвященных поиску путей развития изобразительного искусства и литературы. Осмысление им особенностей национально-культурного строительства Бурятии 1920-х годов, понимание требований эпохи не потеряли своей актуальности и сегодня.

Таким образом, с одной стороны, в основе бурятской поэзии находится фольклорная поэтика, с традиционным художественным приемом психологического параллелизма. Ментальные особенности бурятского народа, обусловлены особым восприятием природы, которое позволяет соотносить природные картины с картинами жизни человека. Используя этот прием в художественном произведении, поэты добиваются концентрации эмоционального смысла, вырастающего до символического. Обращение к

образам природы является закономерным в национальной бурятской культуре, что является соотношением с душой человека, с его эмоциональным состоянием. С глубокой древности природа была созвучна человеку. Тема природы в течение многих веков культивировалась, сформировав у бурят особый склад мировоззрения и поэтического восприятия.

С другой стороны, в типологическом отношении преобладали «публицистические стихи с ярко выраженным агитационным духом» [227, с. 152]. Подобный агитационно-публицистический характер поэзии первых лет, на наш взгляд, возник вследствие отсутствия реалистических традиций, которые были присущи русской поэзии. Кроме того, требованием времени стал показ отрицательных сторон прошлого быта, эксплуатации простого народа богачами, ламами, нойонами и преимущества нового строя.

В целом, мы должны отметить, что, несмотря на идеологический контекст, влиявший на становление всей литературы, в поэтических произведениях бурятских писателей находим обращение к образам природы, ритуально-обрядовой практике шаманизма, к религиозным и мировоззренческим ценностям буддизма, которые получали метафорическое и философское осмысление.

Таким образом, драматургия и поэзия к концу 1920-х годов достигли определенных успехов, поскольку, в первую очередь, форма наследуемых фольклорных художественных традиций и форма произведений русской литературы в целом давали возможность перенимать идейно-художественные и дидактико-воспитательные направления. Что касается прозы, то в ее основе также лежали богатейшие традиции фольклора. Однако традиции прозаических жанров исторических летописей и устного народного творчества не могли быть использованы напрямую без глубокого понимания и освоения реалистических традиций. Поэтому первые успехи в развитии прозаических жанров относятся ко второй половине 1920-х годов.

В целом литературоведами отмечается, что прозаические жанры всегда получают развитие позже, чем поэтические и драматические. Эту же

тенденцию отметили и бурятские литературоведы: «в дореволюционной бурятской литературе не было прочной национальной основы и традиций художественной прозы... писателям-прозаикам приходилось прокладывать новую дорогу, экспериментировать, искать национальную форму выражения новых идей» [131, с. 73]. И хотя до революции 1917 года рассказы учащихся бурят Иркутска были напечатаны в рукописных журналах «Утренние зорьки» («Углооний буруур»), «Искра» («Очин»), «Волна» («Дольен»), «Товарищ», однако не все номера этих журналов сохранились, поэтому у нас нет возможности говорить об их значимости и значении в становлении национальной бурятской прозы.

В развитии прозы важную роль сыграла журналистика. Работа в газетах и приобретенный опыт написания очерков и заметок, способствовали развитию навыков прозы у молодых писателей Б. Абидуева, Ж. Батоцыренова, Д. Дашинимаева, Ц. Дона, Д.-Р. Намжилона, Х. Намсараева. Так, например, по поводу творчества одного из ведущих прозаиков того времени Ц. Дона (псевдоним Ц. Дондубона) писал В.Ц. Найдаков: «именно практика газетного работника, тысячами нитей связанного с повседневной жизнью трудящихся, подсказала выдающемуся прозаику Ц. Дону (Ц. Дондубону) темы и образы его рассказов» [227, с. 6].

Бурятская советская проза, как и во многих национальных литературах Советского Союза, начинается с рассказа. В первых рассказах воссоздаются картины прошлого и настоящего. Популярность темы прошлого объясняется объективными причинами, поскольку были живы люди, являвшиеся свидетелями дореволюционной жизни, еще сильны были «старые» традиции и обычаи. Новое время было насыщено различными событиями: Первая мировая и гражданская войны, три революции, неоднократная смена государственного строя. Все это было не только сложно осознать, но и объективно оценить писателям, не обладающим профессиональным мастерством. Поэтому одной из главных возникающих трудностей становился показ отдельной человеческой личности как участника сложных

исторических событий.

В большей степени в первых прозаических произведениях наблюдается обращение к бытовому плану. Данная тенденция имела место и в драматургии, что было вызвано требованием времени для разоблачения «темного прошлого», пережитков патриархального уклада, который проявлялся в отношениях классового угнетения и семейного деспотизма. В этом аспекте бурятскими литературоведами проводилась параллель с творчеством А.Н. Островского и его героями. Именно к нему провозглашал вернуться А.В. Луначарский в 1923 году: «Назад к Островскому!», призывая отечественных драматургов к творческому освоению реалистических традиций в литературе прошлого. Конечно, культурно-историческая дистанция между эпохой А.Н. Островского и первым десятилетием советской власти огромна, однако семейно-бытовые проблемы, отраженные в произведениях русского драматурга XIX столетия, оставались проблемными и для бурятского народа, только что вышедшего из патриархально-феодального строя. Поэтому неудивительно, что бурятская литература в целом развивалась под сильным влиянием русской и особенно популярных в то время произведений Островского [131, с. 40; 268, с. 302]

Тематически прозаические произведения второй половины 1920 – начала 1930-х годов также можно разделить на три группы. К первой отнесем рассказы, в которых изобличаются пороки старого мира, сатирически изображаются ламы, нойоны. Однако в них, также как и драматических произведениях, не был представлен анализ окружающей действительности, не были показаны характеры современников.

Как и в драматургии, привлекает писателей тема бурятской женщины. Рассказы «Сон бурятки» неизвестного автора, «Шаруня умерла» С. Туя, «Старик Баха» М. Трубачевой, «Аюла» З. Манзановой, «Иржэн» Е. Трубачевой показывают тяжелое положение женщин. В виду довольно пессимистического идейного настроения это направление было названо декаденско-упадническим. Рассказы реалистичны, достаточно

эмоциональны, насыщены бытовыми подробностями, построены на движении событий, но без психологического анализа. В целом мы должны констатировать, что авторы не смогли показать разрешение сложных конфликтов, потому как не могли сами найти выход из драматической ситуации, в которой оказались героини. Некоторым образом разрешить подобные конфликты попытались в своих произведениях Б. Барадин и С. Туя, чьи рассказы «Отец Сэнгэ» и «Сэсэг» были напечатаны в сборнике «Уран угыншэмэг» («Художественный альманах», 1927).

Третью группу составляют произведения на актуальную в тот период антиклерикальную тему, к которой обращались многие писатели. В широкомасштабную кампанию по атеизации для проведения антирелигиозной пропаганды были включены изобразительное и театральное искусство, но особенная роль отводилась литературе и писателям. В первую очередь требовались такие произведения, в которых были бы ярко показаны отрицательные последствия деятельности лам и шаманов. В начале 1920-х годов на данную тему более всего писал Г.-Д. Нацов, который отказался от религиозного сана. Его перу принадлежит множество сатирических рассказов, в которых автор убедительно показал жизнь и нравы обитателей буддийских дацанов. К литературной обработке народных анекдотов о ламах, богачах, нойонах обратился Х. Намсараев. Рассказы «Норбо и Шагжи», «Шаловливый Балдан», «Ондорёон», «Старик Бодинсы», сборник «Так было», написанные в период 1928-1935 годов оставили заметный вклад в развитии нового направления прозаических жанров.

Х.Ц. Намсараев сыграл особое значение в формировании не только прозаических жанров, его по праву считают основоположником бурятской литературы. Свою литературную деятельность Х.Ц. Намсараев начал с написания драматических произведений в 1919 году. Тем не менее, в истории национальной литературы он получил заслуженное признание как выдающийся прозаик. Творческое наследие знаменитого бурятского писателя 20-30-х годов XX века включает в себя рассказы, повествующие о

дореволюционной жизни и трагической судьбе простых аратов, об актуальных и современных писателю проблемах коллективизации.

Как и большинство национальных писателей, он обращался к документальным событиям и фактам. Уже в конце 1920-х годов его рассказы «Смерть сирот» («Уншэдэй ухэл», 1927), «Хозяин и батрак» («Эзэн ба богоол», 1928), «Чернолицый» («Хара шарайта», 1928) характеризуются как произведения, «отмеченные печатью литературной зрелости» [131, с. 75].

Говоря о развитии прозаических жанров, мы не можем обойти вниманием выдающего бурятского публициста и писателя Ц. Дона, чье литературное творчество относится к 1930-м годам. Рассказы «Кровавая расправа» (1930) – первый и удачный опыт эпического изображения гражданской войны, «Дело сделано» (1931) посвящен сложнейшим вопросам коллективизации и острой классовой борьбе, развернувшейся в бурятском улусе, «Сон лодыря» («Лоодорийн зуудэн», 1937) стал началом сатирического направления в бурятской прозе.

В стремлении отобразить колоссальные перемены, происходящие на глазах начинающих писателей, расширяются повествовательные рамки рассказа, тем самым, в бурятской литературе рождается новый жанр – повесть. Одним из лучших произведений бурятской прозы является новаторская повесть Ц. Дона «Луна в затмении» (1932). Ее значение в истории бурятской литературы неопределимо: «это – и первая повесть вообще... и в тоже время – одна из наиболее удачных попыток литературы... в решении сложной темы современности» [220, с. 49]. Повесть является продолжением темы утверждения советской власти на местах, начатой еще в рассказе «Дело сделано». Она пользовалась большим успехом у читателей и критиков благодаря художественному осмыслению сложнейших и неоднозначных социальных процессов, сопровождавших коллективизацию. В образах главных героев как комсомольцев, так кулаков и середняков, в сюжетно-композиционных особенностях, национально-бытовых и этнографических зарисовках были показаны ведущие идеалы эпохи. В целом

это произведение можно рассматривать как художественный документ эпохи.

Только эти несколько произведений характеризуют Ц. Дона как писателя-реалиста эпического склада, который в своем творчестве утверждал величие идей социализма. Новаторство его творчества заключается в том, что он первым в бурятской литературе использовал батальные сцены и «кинематографические» приемы, показал художественную индивидуальность главных действующих лиц и психологическое раскрытие их чувств и характеров героев. Его литературные открытия «немедленно были взяты на вооружение и стали в дальнейшем своего рода традицией бурятской литературы» [227, с. 214]. В богатых традициях русской литературы имелась глубоко разработанная система художественно-изобразительных средств, но для бурятской литературы находки Ц. Дона стали подлинным открытием, поскольку ни в исторических хрониках, ни в прозаических жанрах фольклора, ни в эпических произведениях этого не было.

Повесть «Цыремпил» (1935) Х. Намсараева примечательна тем, что в ней сочетаются традиции дореволюционной литературы с эстетикой русского критического реализма. Сюжет рассказывает о юноше-батраке, который выступает против нойонов, в осознанной классовой борьбе. Именно эта повесть в бурятской литературе считается произведением, созданным по принципам социалистического реализма. Х. Намсараев после перерабатывает произведение до романа, что позволяет определить стратегию движения бурятской прозы к роману. Это пример, который доказывает процесс ускоренного развития бурятской литературы от середины 1920-х годов, когда начинают писать рассказы – к роману в 1950-х. Однако наиболее интенсивно этот процесс происходил во второй половине 1930-х годов.

Так, уже к концу 1930-х годов копилка бурятской литературы могла быть пополнена и романом. В 1935 году С. Туя начал работу над первым бурятским романом, в котором хотел показать сложные психологические

процессы изменения миропонимания представителей бурятской интеллигенции в годы предшествующие революции. Это должен был быть роман – анализ, но, к сожалению, С. Туя был арестован в 1937 году, а рукопись исчезла [57, с. 37]. Ц. Дон также работал над написанием романом, который тоже был утерян в 1937 году, после ареста писателя. Тем самым, к сожалению, мы вынуждены констатировать, что трагическим следствием репрессивной политики стало не только расстрельные приговоры над талантливыми людьми, но и был нанесен невосполнимый ущерб развитию бурятской литературы.

Исходя из вышесказанного, отметим, что национальная бурятская проза за очень короткий срок прошла уникальный путь формирования: от устных рассказов фольклорного типа до зрелой повести. Писатели-прозаики интуитивно обратились к многовековым разработанным эпическим традициям, а также к близкой и понятной национальной символике. Однако анализ прозаических произведений конца 1920 – начала 1930-х годов свидетельствует о формировании абсолютно нового для бурятской литературы в целом направления. Его новизна характеризовалась обращением «к детальному, тщательному изучению человека, взятому в том устойчивом, типичном для него состоянии, которое является для него доминирующим... к анализу человеческой личности, в ее движении, становлении качеств, в ее эволюции» [21, с. 74]. Впоследствии бурятскими литературоведами было отмечено как становление психологического направления в национальной бурятской литературе [см.: 131, 227] .

Пути развития национальной бурятской литературы, особенности становления ее жанров, широкий спектр тем и сюжетов, поиск новых героев и проблема изображения их характеров породили критическое самосознание самой литературы. Литературными критиками становились сами писатели Мунко Саридак, Б. Барадин, П. Дамбинов. На первоначальном этапе языком критики был русский язык, позднее появились критические статьи на бурятском языке, авторами которых стали Ц. Дон, Ц. Галсанов и другие

писатели. Б. Барадин и П. Дамбинов были высокообразованными людьми, хорошо знакомыми с западноевропейской и русской классической литературой, поэтому их критические статьи начала 1920-х годов в целом способствовало повышению культурного уровня и литературного мастерства первых писателей, не имеющих литературного опыта.

В развитии бурятской критики прослеживаются концептуальные положения эстетической и идеологической составляющих литературного процесса Бурятии. Кроме того, ей были свойственны научный подход в анализе произведений, оперативность, неразрывная связь с живым литературным процессом.

Еще одним значительным фактором, характеризующим становление бурятской литературы, является художественный метод. Исследователь бурятской литературы А.Б. Соктоев полагает, что основным методом был своеобразный просветительский реализм, особенность которого ученый объясняет так: «он возникает и развивается значительно позже того критического реализма русской литературы, от которого он отталкивается и чей опыт он стремится вобрать и использовать применительно к своим национальным потребностям и условиям» [290, с. 277-278].

Суть просветительского реализма у бурятских писателей, в отличие от европейского и русского реализма, заключалась не в выявлении, а в ликвидации причин социальных противоречий, путем объединения народных сил. По мнению советских теоретиков литературы, характерный для бурятских писателей показ «жизни в самих формах жизни», уже являлся своего рода реализмом.

В целом это было характерно для национальных литератур Советского Союза, на первоначальных этапах становления которых реализм как метод получил частичное художественное отражение, поскольку не было ни высокого уровня художественного анализа, ни обобщения показываемых социальных явлений и характеров, изображаемых героев, присущих данному литературному методу. В национальных литературах, на наш взгляд, он

представлял собой скорее этнографический реализм, получивший отражение в показе особенностей быта и мировоззрения. Полагаем, что включение детального предметного мира на этом этапе развития бурятской литературы можно рассматривать с точки зрения наличия реалистического характера. Однако характеризовать произведения с позиций принадлежности критическому или социалистическому реализму нет оснований, поскольку критический реализм как метод русской литературы включал критику социально-бытового материала в качестве эстетического объекта осмысления.

Собственно критики такого уровня не было. Конечно, писателями-прозаиками достаточно ярко и образно были показаны общественные пороки: «распространяющиеся факты пьянства, увлечения азартными играми, бескультурья, засилия в улусах различных шарлатанов – знахарей, шаманов, и ламских лекарей, прогрессирующего роста на этой почве различных эпидемических заболеваний» [290, с. 288]. Критика этих явлений социального порядка представляла собой лишь описания пороков видимых, лежащих на поверхности. Осмысления истоков подобных общественных процессов не было возможно в принципе, поскольку для этого требовалось их историческое осмысление. Мы согласны с мнением Г.И. Ломидзе, полагающего, что анализ формирования молодых национальных литератур «нельзя отрывать от уровня самой литературы и от уровня эстетического сознания и представлений народа» [195, с. 170-171].

Мы не ставили перед собой задачи детального литературоведческого анализа произведений первых десятилетий, подобный критический анализ был осуществлен теоретиками литературы советского периода. Интерес для нас они вызывают как доказательство закономерности в развитии литературы любого народа. Конечно, «качественных» произведений среди большого количества первых опытов было совсем немного. Но это представляет собой характерный общемировой процесс. Все поэтические, прозаические, драматические произведения со всеми своими недостатками явились основой

для появления значимых для национальной культуры произведений.

Рассмотрев, основные тенденции становления и развития бурятской литературы, приходим к следующим выводам. Во-первых, в начале XX века процесс зарождения светской литературы был стихийным, но уже к концу 1920-х годов сложилась жанровая система, анализ которой показывает, что четких форм превращения литературы в политический инструмент еще не было. Трудности, возникшие на ранних этапах развития, были обусловлены тем обстоятельством, что бурятская литература возникла почти исключительно на почве фольклора, минуя целые исторические стадии мирового художественного развития. Не имея письменных традиций прозы и драматургии, национальная бурятская литература прошла ускоренный путь развития от одноактных пьес и небольших рассказов до крупных жанров повести и, возможно, романа. Ускоренное развитие породило возникновение новаторских черт в национальной бурятской литературе.

Во-вторых, в становлении бурятской литературы существенное значение имел национальный фактор, развитые фольклорные традиции, традиции буддийской литературы, что обусловило формирование своеобразной и самобытной литературы с «уникальным историческим путем развития и наличием культурного многообразия» [274, с. 19]. Одной из отличительных особенностей от дореволюционной, в частности, буддийской литературы было то, что национальная литература советского периода создавалась усилиями индивидуальных авторов. Именно в этот период значительно изменился процесс развития национальной литературы, появилась, в том числе, и детская литература. И сегодня эти произведения не утратили своей исторической ценности, служа источником информации о сложной, неоднозначной, насыщенной культурными и политическими событиями жизни бурятского народа в новых социокультурных условиях.

В-третьих, на произведениях бурятских писателей первого послереволюционного десятилетия можно проследить процесс смены эпических народных традиций реалистическими светскими традициями. В

национальной литературе достаточно успешно осуществлялся поиск нового героя и пути обрисовки его характера, осмысление поступков, согласно принципам нового художественного метода. Темы и сюжеты литературных произведений являлись отражением происходящих перемен в социально-духовной сфере. Писатели доступными и знакомыми средствами стремились помочь читателю осознать и принять эти кардинальные перемены. Актуальные жизненные проблемы и интересы чаще всего показывались в противопоставлении с прошлой жизнью. Литераторы стремились донести мысль, что старые традиции уходят безвозвратно. Несомненным достоинством произведений является то, что писатели воспроизводили реальную жизнь, не имеющую аналогов. В их произведениях создавался не только новый мир, но и новые люди, строящие этот мир и живущие в нем. Появились новые для национальной литературы жанры и формы, отражающие все политические, экономические, социально-культурные процессы.

В-четвертых, ярко выраженная идейная и дидактическая направленность, в целом была присуща дореволюционной бурятской литературе. При этом важным являлось утверждавшееся представление о высокой общественной роли литературы, что было отражением влияния русской литературы, которая выполняла просветительскую миссию. Именно идейно-воспитательная функция литературы в первое послереволюционное десятилетие стала определяющей в формировании и развитии национальной бурятской художественной культуры.

Таким образом, национальная бурятская литература характеризуется как «движение от всеобщего увлечения автобиографизмом к более широкому кругу собственно эпических жанров; от исторической тематики – к отображению современности; от категорий историко-описательного характера – к освоению современных изобразительных средств» [303].

Проанализировав основные условия и факторы формирования национальной бурятской культуры в первой трети XX века, отметим

следующее. Культура и искусство стали объектом советской системы политического контроля практически с первых же дней существования советской власти, однако формирование их в политический институт произошло значительно позднее, чем остальных экономических, социальных и иных институтов. Важной составляющей этого процесса являлось то, что, по крайней мере, на первоначальном этапе развития советского общества не произошло полной стабилизации и консервации социалистического уклада, где значительную роль сыграли культурные процессы, отображавшие эстетическое и психологическое самовосприятие бурятского народа.

Специалисты по повседневной культуре отмечают, что даже в сталинскую эпоху продолжало бытовать множество культурных явлений, которые не соответствовали официальной идеологии, но циркулировали в пространстве отечественной культуры. В качестве примеров российский культуролог Е.В. Сальникова приводит записи эмигрировавших певцов и музыкантов, модели дореволюционной модной одежды, ресторанные кутежи, хранившиеся и передаваемые по наследству семейные архивы дореволюционных фотографий, открыток, литературных альбомов, а также предметов быта, мебели, столовой утвари и т.п. [272, с. 7]. То же было характерно и для Бурятии. Сохранялся традиционный уклад жизни, продолжали свою деятельность дацанские школы, основными признаками формирования национальной культуры были традиции культурного наследия, стихия народного самодеятельного творчества. У истоков создания бурятской культуры стояла дореволюционная национальная интеллигенция.

Отсутствие указанной «стабилизации и консервации социалистического уклада» может быть объяснено тем, что только начал осуществляться последовательный переход от одного типа культуры к другому. Будущее страны и культуры еще не было объективно определено, поэтому размышлять о строительстве нового общества и новой культуры можно было любому, причем с разных идеологических позиций, чему способствовала либерализация общественных отношений. «Одним виделось

строительство "города-сада", некоего земного рая, другие всерьез мечтали о том, что революция минует, и их жизнь станет прежней, вернется к дореволюционному укладу» [272, с. 7]. В культурном плане – это была особенная эпоха, главными чертами которой стали многообразие подходов по вопросам культурного строительства, новые тенденции в развитии культуры, сохранение прямых культурных традиций.

Культурная политика представляла собой неотъемлемую часть большевистской концепции исторического пути развития, поэтому культурные преобразования в советском государстве были напрямую связаны с целью формирования и укрепления новой социально-политической структуры. Во-первых, социокультурная практика характеризовалась проведением целого ряда социальных реформ, осуществленных впервые в мире. Политические, социально-экономические, духовно-нравственные задачи по преобразованию страны диктовали необходимость полного, коренного изменения общества, пронизывающего все стороны общественного бытия и сознания и унификации творческого процесса. Для ее реализации была выработана осознанная программа по привлечению представителей интеллигенции дореволюционной России, которые принимали политику власти в отношении повышения культурного уровня общества. Советская культура по своей сути стала особым культурным пространством, особым типом культуры. На первоначальном этапе реализовывалась цель полного дистанцирования от имперского прошлого, социально-политического изменения жизни общества, создания нового образа жизни, поднятия общего культурного уровня, формирования нового типа личности.

Во-вторых, сфера культуры и искусства постепенно подпадала под жесткий контроль партийного руководства. Перед советской художественной культурой была поставлена задача создания таких форм произведений, которые были бы основаны на идейно-эстетических принципах партийности и народности, художественном переконструировании жизни и сознания,

идеях превосходства социалистического искусства, приоритетности классового над общечеловеческим содержанием, показа превосходства пролетариата во всемирно-историческом процессе.

С этой целью был разработан единый художественно-творческий метод – социалистический реализм, провозглашенный единообразным методом для всех сфер культуры и искусства. Основными структурными критериями стали идейно-политический, тематический и национально-культурный. Политизация культуры началась с упразднения различных течений, направлений, группировок и создания творческих союзов, в которые вошли представители соответствующих видов искусства. Основной целью Союзов писателей, композиторов, художников и т.д., созданных по партийному образцу, было решение современных политических задач социалистического строительства. Тематическим критерием становится заимствование из русской классики темы социальной несправедливости, угнетения трудящихся масс, утопические реалии Н.И. Чернышевского и Н.А. Некрасова, сатирические модели А.С. Пушкина и М.Е. Салтыкова-Щедрина, критика индивидуальной социопсихологии Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. Национально-культурный компонент отражался в изменении духовного облика национальной советской культуры, в условиях строительства социализма провозглашалось создание культуры, форма которой была бы национальной, а содержание социалистическим.

В-третьих, становление и развитие советской культуры происходило в условиях противоречивых тенденций, заключавшихся в потенциале синтеза дореволюционных культурных традиций и требованиях новой эпохи. Это обусловило различие позиций и подходов в использовании и оценке культурного наследия. Так, например, Л. Авербах, А. Богданов, В. Ермилов, В. Плетнев, полагая, что создавать новую культуру могут только представители пролетариата, полностью отвергали достижения мировой и дореволюционной отечественной культуры. Противоположной позиции придерживались те, кто считали новую культуру прямой наследницей

прогрессивной культуры прошлого (М. Горький). Именно такое восприятие культурного наследия было близко и понятно большинству бурятских писателей, деятелей культуры и искусства в становлении социалистической культуры.

Но при этом необходимо согласиться и с тем, что в художественном плане многие художественные опыты как в литературном творчестве, так и изобразительном и музыкальном искусстве были безупречными, достаточно наивными, однако по справедливому замечанию В.П. Толстого «к искусству первых послеоктябрьских лет нельзя подходить с абстрактными эстетическими мерками. Здесь скорее подходят комплексные нравственно-эстетические и историко-художественные критерии, заставляющие оценивать явления искусства тех лет как неотъемлемую часть идеологии, мироощущения и общественной жизни того времени, видеть эти явления в их потенциях и в возможностях дальнейшего развития» [309, с. 199-200].

В-четвертых, общегосударственная программа строительства социалистической культуры требовала использования демократических традиций, выдвигала приоритет классовых ценностей, представители дореволюционной интеллигенции – национальных, что предопределило формирование непримиримости позиций о форме, содержании национальной культуры и возможности использования культурного наследия. Начиная с конца 1920-х, получает оформление и постепенно закрепляется система идеологического партийно-государственного контроля, компонентами которой стали: специальные органы управления сферой культуры, включение развития культуры в план «пятилеток», осуществление контроля с помощью цензуры, создание творческих союзов, разработка единого творческого метода. Данная тенденция обусловила формирование единой мировоззренческой системы и как следствие устранение т.н. «чуждых» элементов.

В целом, первые послереволюционные десятилетия стали действительно уникальным периодом, когда осуществлялась попытка

качественно изменить общественную жизнь. Несмотря на то, что власть добивалась абсолютного идеологического единства посредством жесткой цензуры, критики, морального давления, этот период не был однородным, поскольку отличался разнообразием художественных течений и направлений. Одним из важных элементов формирования советской литературы было введение идеологического аспекта, который заключался в резком разрыве с традиционным укладом. Главный вопрос заключался не столько в сохранении и трансляции традиционной культуры, сколько в кардинальном изменении и растворении в общенародной советской культуре, в конечном итоге в становлении суперэтноса – советского народа.

В советский период в своем развитии национальная культура обогатилась уникальными научными достижениями, высокими образцами литературы и искусства, поскольку, на наш взгляд, доминирующую роль, несмотря на жесткое партийное руководство играло огромное желание социального и культурного преобразования.

ГЛАВА III. НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРНАЯ ЭЛИТА В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В БУРЯТИИ В 1920-Е – 1930-Е ГОДЫ

3.1. Региональная специфика социокультурных условий и факторов репрессий в 1920-1930-е годы

Становление нового государства – Советского Союза и социалистического уклада обусловили необходимость реализации целого ряда модернизационных проектов в социально-политической, экономической и культурной жизни страны. С одной стороны, они характеризуются значительными достижениями во многих областях жизнедеятельности общества. Не вызывающими сомнений достижениями стали ликвидация неграмотности, охрана материнства и детства, создание общей и специальной системы образования, художественного образования, формирование профессиональных отраслей культуры и искусства и многое другое. С другой стороны, сегодня одними из самых острых и противоречивых продолжают оставаться вопросы целесообразности формирования репрессивного аппарата, причины и масштабы применения репрессий.

Историками собран и обобщен большой фактологический материал по репрессивной политике Советского государства, осуществлен анализ особенностей применения репрессий к отдельным категориям граждан, выявлена специфика региональных условий ее формирования. В результате исследователи в целом приходят к выводу, что репрессивная политика Советского государства начала складываться сразу после Октябрьской революции в условиях становления социалистической политической структуры и развернувшейся в стране политической борьбы за власть [см: 304; 316; 319]. Следует отметить, что уже в 1926 году в УК РСФСР была введена статья 58 в главе «Государственные преступления» и разделе «Контрреволюционные преступления», включающая в себя 14 подпунктов. Полагаем необходимым привести определение контрреволюционной деятельности, данное в ней: «Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти

рабоче-крестьянских советов и избранных ими, на основании Конституции Союза ССР и конституции союзных республик, рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных и автономных республик, или к подрыву и ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции» [3]. С одной стороны, в ней четко определено содержательное пространство понятия «контрреволюционная деятельность», но, с другой – под этот широкий контекст подпадает любая деятельность, которая могла и не нести прямой угрозы советской власти и политическому строю.

В проводимой государственной репрессивной политике не стала исключением и Бурят-Монгольская АССР. В последние десятилетия усилиями бурятских ученых и общественных деятелей проводится плодотворная работа в этом направлении, результатом которой стала «Книга памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия» в 7 томах. В целом исследователями отмечается, что в республике «было репрессировано около 20 тысяч человек разных групп и слоев. Особенно тяжелые потери в Бурятии понесла национальная интеллигенция» [345].

Общественный строй, власть и идеология всегда детерминируют духовную сферу общества, в которой одной из действенных сил является интеллигенция. Представители бурятской интеллигенции начала XX века были прогрессивными, высокообразованными людьми, получившие признание в России и за рубежом. Б.Б. Батуев отмечает, что они «прошли большую жизненную, политическую школу, приобрели определенный опыт, получили возможность в этих сложных условиях выработать свои политические взгляды, направление и характер практических действий» [231, с. 193]. Идеи «освобождения и равноправия колонизованных царизмом народов», которые провозглашала буржуазно-демократическая революция 1917 года, в целом были поддержаны представителями национальной интеллигенции. Но более притягательными для них были принципы политики В.И. Ленина в отношении национальностей и национальных

регионов.

Декларация прав народов России 1917 года отвергала угнетательскую политику царизма и провозглашала национально-демократические идеи равенства и суверенитета народов России, что отвечало интересам национальных окраин. Коммунисты и большинство представителей других политических партий Бурятии, в том числе и радикальная интеллигенция, приняли сторону советской власти. Однако одним из главных условий принятия советской власти национал-демократами было сохранение бурятских органов самоуправления без изменений. В апреле 1917 года было принято положение, определяющее правовые возможности местных национальных органов власти в Забайкалье и Прибайкалье, предполагавшее в том числе и организацию национально-государственного самоуправления. Таким образом, были созданы Центральный Национальный комитет и его структурные подразделения – аймачные национальные комитеты [232, с. 15-21].

Бурятские большевики, в отличие от национал-демократов, не были сторонниками национального самоопределения бурят, выступали за безоговорочное признание советской власти и за создание единых органов Советов и, следовательно, ликвидацию созданных бурятских национальных органов самоуправления. Тем самым, на этом этапе «становления административных структур, руководящих национальным движением, началась острая борьба между различными течениями» [33, с. 43].

Таким образом, бурятские национал-демократы революционные изменения воспринимали, главным образом, в контексте национального вопроса. Б. Барадин, А. Доржиев, Ц. Жамцарано, Г. Цыбиков и другие стояли на позиции создания единого национального фронта, объединения всех слоев населения, всех этнических групп. При этом, выступая за социалистический плюрализм, следовательно, они были против большевистской гегемонии в Советах, против стремления большевиков единовластием и их нетерпимости к позициям других политических групп. Позднее к концу 1920-х годов в

условиях становления однопартийной системы управления подобные действия и высказывания стали однозначно восприниматься как антибольшевистские. В политических дискуссиях середины 1930-х годов дореволюционная бурятская интеллигенция в лице Б. Барадина, А. Доржиева, Ц. Жамцарано, Э.-Д. Ринчино, С. Туя, Г. Цыбикова и многих других стала оцениваться властью как оппозиционная социальная группа. В отношении их роли в социально-политической истории БМАССР утвердилась негативная оценка.

В разгар репрессивной политики в конце 1930-х годов основаниями в обвинении контрреволюционной и шпионской деятельности стали идеи политического переустройства Бурятии, политического объединения бурят с монгольскими народами, включение элементов буддийской культуры и религии в формирование новой культуры, в политической связи с духовенством (ламством) и японскими милитаристами. Еще в 1930 году ОГПУ УНКВД БМАССР начало уделять пристальное внимание деятельности бурятских национал-демократов. Дело получило название «Реванш». Историк Э.В. Цыжипов приводит следующую архивную справку: «8 июня 1937 года УНКВД БМАССР была составлена итоговая сводка, где значилось 438 человек, в том числе 81 человек видных партийных и беспартийных работников республики» [346, с. 117].

Большей частью, обвиняемых в создании «панмонгольской, контрреволюционной, повстанческо-диверсионной, вредительской организации», были представители национального движения начала XX века – начала 1920-х годов. К «15 февраля 1938 года было арестовано 2026 человек, в том числе 1303 ламы» [130, с. 64]. Дела представителей национальной интеллигенции были выделены в отдельную группу, «чтобы показать особую изощренность панмонголистов в борьбе с Советской властью, идеологическую масштабность буржуазных националистов,... которая в дополнение ко всем своим грехам еще занималась и вредительством на фронте культурного строительства» [35, с. 79-80].

Рассмотренные выше идеи панмонголизма, реализовавшиеся национальной интеллигенцией, дают нам возможность констатировать, что они были направлены на модернизацию традиционной культуры и быта в условиях начавшихся мировых процессов борьбы с колониальной системой. Для развития бурятского общества культурные формы панмонголизма должны были сыграть значительную роль. Однако ни культурные, ни тем более политические формы, направленные на создание общемонгольского государства, не соответствовали советской государственной политике и пути развития Советского Союза как монообщества. Особенно жесткая позиция касалась приграничных регионов, которым была и БМАССР.

В соответствии со стратегической государственной целью идеологической унификации, в Верхнеудинске в 1926 году было проведено Республиканское культурно-национальное совещание. На этом совещании была дана принципиальная марксистско-ленинская оценка буржуазно-националистическому уклону, которая стала началом в определении деятельности национальной интеллигенции как контрреволюционной и концептуализировалась в таких идеологемах как «буржуазный национализм» и «панмонголизм».

С окончательным установлением советской власти в регионе большевистской партией проводилась планомерная политика по борьбе со «старым» и за утверждение «нового» мира. Важной составляющей борьбы пролетариата за освобождение и построение нового общества становилась культура. Общественные деятели, будучи активными участниками национально-культурного строительства, становились ответственными не только за практическое воплощение своих идей, но и за то, что «вложили в голову народа». Политические идеи и взгляды, общественно-политическая деятельность по созданию национальной автономии и общемонгольской государственности расходились с официальным курсом и позицией власти: «националисты... стремились свернуть классовую борьбу... отгородить Бурятию от общереволюционного, пролетарского движения в России» [338,

с. 190]. Подобное отношение было вызвано тем, что Ц.Ж. Жамцарано, М.Н. Богданов, Б.Б. Барадин, П.Н. Дамбинов, Э.-Д. Ринчино, С.Б. Цыбыктаров были членами политической партии эсеров [33, с. 50].

Еще одной специфической особенностью в формировании репрессивной политики, которую мы не можем обойти своим вниманием, является отношение вообще к дореволюционной интеллигенции. В отечественной историографии раскрыта проблема общего развития диктатуры пролетариата с частными послаблениями или, наоборот, в отношении культуры и дореволюционной буржуазной интеллигенции. Теоретической базой ее «ликвидации» был все тот же марксистско-ленинский классовый подход о непримиримой противоположности буржуазной и пролетарской культур.

Функционирование командно-административной системы обеспечивалось имманентными ей руководящими кадрами, слепо повиновавшимися решениям партии и постановлениям правительства. Определяющим фактором в подборе кадров и назначении руководителей играл не профессионализм, не наличие образования и квалификация, а классовая принадлежность. В условиях формирования советского государства повысилась активность всех социальных групп, в том числе и лояльных к новой власти представителей дореволюционной интеллигенции, которая всегда являлась проводником передовой части российского общества. Новым кадрам катастрофически не хватало ни образования и знаний, ни общей культуры, поэтому оставшиеся в России представители интеллигенции, хотели «способствовать демократизации большевиков, отходу от грубого провозглашения диктатуры, а главное – заразить культурностью» [328, с. 227-228].

Использование ее потенциала, как бы ни хотелось творцам революции, потребовали политические, социальные, экономические, культурные задачи, поставленные государством. Это было обусловлено широкомасштабной государственной акцией по созданию единого класса высокообразованных

трудящихся. Однако помочь осуществить данную долгосрочную перспективу могли лишь специалисты, носители знаний: ученые, учителя, инженеры, врачи, агрономы, а не политически подкованные революционеры. Необходимость экономического развития страны, улучшения жизни потребовали технически квалифицированных специалистов, которые активно включились в реализацию задач, поставленных государством. Российский культуролог В.П. Конев приводит данные по количественному составу интеллигенции среди работников властных структур. Так, например, в Центральном исполнительном комитете дореволюционная интеллигенция составляла 76,6 %, губернских исполкомах – 63,2 %, в системе просвещения – 93,3 %, финансов – 69,7 % [158, с. 76].

Мировоззренческие установки интеллигенции по отношению к революционным событиям и их последствиям не отличались единообразием: от радикального настроя до полной поддержки. В целом дореволюционная интеллигенция довольно скептически относилась к новой власти и ее представителям. Показательным примером может служить анонимный социологический опрос, проведенный в 1922 году. На вопрос анкеты «признают ли "спецы" власть рабочих и крестьян, – "да" ответили лишь 9% опрошиваемых среди тех, кто прежде, до революции, занимал какой-либо пост, и 13% среди тех, кто являлся рядовым служащим» [108].

Несмотря на то, что пролетарским кадрам не хватало соответствующих знаний и умений, отношения со «спецами» (так называли представителей интеллигенции), зачастую были непростыми, выливаясь в открытое противостояние и конфликты. «Встречались и "комчванство" и недоверие к специалистам со стороны выдвиженцев. Часто они своим некомпетентным вмешательством и подозрительностью затрудняли работу специалистов» [108].

Поэтому их судьба в новых социокультурных условиях была predetermined. Официальная установка гласила о нелепости «идти навстречу» интеллигенции; о том, что в качестве мелкобуржуазной

прослойки, интеллигенция исторически обречена и подлежит ликвидации. В работе Н.И. Бухарина «Экономика переходного периода» представлен перечень «классовых врагов» пролетариата, в который были включены все слои общества: помещики, капиталисты, буржуа-предприниматели, административная аристократия, квалифицированная бюрократия, техническая, научная, творческая интеллигенция, офицерство, духовенство, зажиточное крестьянство, городская буржуазия [см.: 68].

По отношению к дореволюционной интеллигенции у власти не имелось последовательной концепции, она менялась в зависимости от конъюнктуры или субъективных интересов. Достаточно упомянуть об эмиграции таких больших талантов, как И.А. Бунин, А.Н. Толстой, А.И. Куприн, М.И. Цветаева, Ф.И. Шаляпин, С.В. Рахманинов и других; о «философском пароходе», на котором было выслано сто шестьдесят известнейших профессоров, философов, поэтов, писателей – гордость отечественной культуры: Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, А.А. Кизеветтер, Н.О. Лосский, князь С.Е. Трубецкой, С.П. Франк и многие другие; расстреле обвиненного в подготовке антисоветского заговора Н. Гумилева; кампании против С. Есенина, травле М. Булгакова и многое другое.

Однако многие представители интеллигенции не только остались в России, но и получили поддержку со стороны власти: ученые И.М. Губкин, Н.И. Жуковский, И.В. Мичурин, И.П. Павлов, К.А. Тимирязев, К.З. Циолковский; поэты и писатели Д. Бедный, А.А. Блок, В.Я. Брюсов, В.В. Маяковский, А.С. Серафимович. Многие из эмигрировавших впоследствии вернулись на родину: одним из первых вернулся А. Толстой, затем М. Горький, а И. Куприн и С. Прокофьев вернулись в самый разгар репрессий в конце 1930-х годов. Кроме того, страну посещали зарубежные писатели Л. Арагон, А. Барбюс, Р. Роллан, Г. Уэллс, Л. Фейхтвангер и другие, искренне восторгавшиеся происходящим в Советском Союзе и написавшие положительные отзывы о своем пребывании в стране. Биографы и исследователи литературного наследия этих писателей отмечают, что они

написали совсем не то, что думали. Однако ориентированность советской власти на социальную классовую справедливость, масштабы происходивших социокультурных перемен, отстаивание свободы в Испании, борьба с фашизмом были определяющими в их положительной оценке советской политической системы, преимуществ социалистического строя, а также деятельности и личности И.В. Сталина.

Отношение власти к представителям дореволюционной бурятской интеллигенции определялось их деятельностью в контексте доктрины панмонголизма. В виду того, что это осознавалось серьезной социально-политической проблемой, властные структуры инициировали борьбу с проявлениями буржуазного национализма. В первую очередь это коснулось особенностей формирования социалистической культуры и возможностей использования в процессе ее формирования культурного наследия. Концептуальным становится положение В.И. Ленина, провозглашавшего «непримиримость демократической и буржуазной культур» [185, с. 142]. Тем самым, культурное наследие бурятского народа стало полем ожесточенной идеологической борьбы.

Однако достаточно сложно было определить и разграничить демократические и буржуазные элементы. Бурятские национал-демократы продолжали придерживаться позиции Ц. Жамцарано, высказанной еще в 1907 году, что каждая народность «имеет право и должна проявить свой национальный дух, свою индивидуальность, свое культурное творчество; иметь право и должна свободно распоряжаться своими внутренними делами и устраивать свою духовную и материальную жизнь» [114, с. 16]. Таким образом, те, кто стоял у истоков формирования бурятской социалистической культуры: Б. Барадин, П. Дамбинов, Ц. Жамцарано и другие считали бурятскую культуру общенациональной, не видели в ней классового характера, то есть не выделяли в ней какие-либо демократические или буржуазные элементы. Это объясняет, что вокруг возможности и принципов использования культурного наследия велись многочисленные ожесточенные

дискуссии.

Вопрос реформирования письменности стал существенным фактором формирования новой социалистической бурятской культуры, обусловившим создание литературный язык и национальной литературы. Но он также стал отражением политической борьбы как в отношении трансляции элементов культурного наследия и в целом будущего бурятской культуры, так и в отношении идеологии панмонголизма. Несмотря на то, что выше нами этот вопрос рассматривался в контексте проблем особенностей национального самосознания бурят и языковой политики, полагаем необходимым еще раз обратиться к ней, но уже в контексте предопределенности применения репрессий.

Итак, по этой проблеме имелось три различных методологических подхода. Путь к социалистической культуре должен идти через русский язык и культуру (А. Бадмаев). Латинизация старомонгольской письменности (Б. Барадин) была поддержана новым политическим руководством «как низовая инициатива, выдвигаемая национальными лидерами... как правило, обладавшими большим авторитетом» [36, с. 106]. Частичное изменение и усовершенствование орфографии старомонгольской письменности (Ц. Жамцарано, Э.-Д. Ринчино, Г. Цыбиков).

Последняя позиция вызвала наибольшее неприятие со стороны власти, поэтому остановимся на нем подробнее. Разъяснения относительно своего подхода Г. Цыбиков давал такие: «Сохранившаяся до сих пор монгольская письменность, каковой бы она ни была (все же наследие культуры данной национальности), имеет за собой ту заслугу, что разрозненные историческими судьбами монгольские племена имеют все же единую литературу, и для дальнейшей работы с монгольской литературой, не разрывая связи с ней и не отставая от требований новой культурной жизни, идущей из Европы через СССР, необходимо сделать некоторые реформы письма, а затем вообще усовершенствовать и развить шрифт, чтобы он являлся во всем разнообразии образцов» [343, с. 17]. Э.-Д. Ринчино и Н.

Амагаев, работая над реформированием алфавита А. Доржиева, исходили из мысли, что «бурятский язык, имеющий корневые связи с монгольским, должен базироваться конкретно на старомонгольской графической основе, что способствовало бы... обогащению знаний, укрепило бы территорию данного языкового пространства» [34, с. 55]. Желание сохранить в той или иной форме основу национальной общемонгольской письменности, на наш взгляд, свидетельствует о чаяниях ученого-востоковеда и патриота оставить потомкам важную часть национальной культуры и мирознания.

С одной стороны, кардинальная смена графической системы – старомонгольской письменности – означает разрыв с культурной традицией. С другой стороны, современными лингвистами целесообразность какого-либо ее изменения признается как ошибочная позиция, поскольку она уже в течение длительного времени не могла удовлетворить запросы живых наречий и диалектов. Требовалось провести кардинальную реформу, что и было успешно осуществлено.

Желание сохранить общемонгольскую письменность однозначно рассматривалось властью как поддержание идеологии панмонголизма, в качестве проявлений «националистического и панмонголистского характера» [131, с. 15], поскольку единая письменность и единый литературный язык могли стать базисом объединения монгольских народов в единое государство. В 1926 году в резолюции совещания работников культурного строительства отмечалось, что использование старомонгольского алфавита является признаком политической отсталости. Чуть позже, в 1929 году Г. Цыбиков пишет: «Я слишком переоценивал литературный монгольский язык и его письменность, как единственное орудие усвоения массой культуры в данный переходный момент. Революционные сдвиги на Востоке заставили меня отказаться от этого взгляда, что я сделал уже в печати» [344, с. 54].

Социокультурными условиями применения репрессий стала антирелигиозная кампания. Борьба с религией также явилась отражением идеологических конъюнктур и классового подхода в отношении

национальной интеллигенции.

Идеологи панмонголизма существенное внимание в процессе формирования социалистической бурятской культуры уделяли религиозным компонентам шаманизма и буддизма. В частности, Б. Барадин писал, что «шаманская поэтика бурят-монголов должна сыграть исключительную роль в области выработки художественно-языкового, литературного стиля и в области сценического искусства, музыки и пения» [41, с. 3]. П. Дамбинов также отмечал, что «заклинания шамана представляются каким-то бессмысленным исступлением. Между тем, сколько здесь поэзии, сколько чувств и переживания, как мастерски, порою тонко музыкально – в начале и в конце строки – срифмованы стихи!» [312, с. 247]. В целом они апеллировали к художественной ценности бурят-монгольского шаманизма, шаманской поэтики, впитанного с молоком матери народно-мифологического слоя традиционной культуры. Кроме того, дореволюционной национальной бурятской интеллигенцией, очень много было сделано в научном исследовании шаманизма, их работы и сегодня в XXI веке остаются актуальными и востребованными.

Здесь ими учитывались многовековое традиционное мировосприятие простых аратов и роль традиции, заключающейся в обеспечении устойчивости и стабильности развития этноса, нарушение которой вызывает эмоциональную реакцию всего этнического организма. Другими словами, обращение к знакомым и понятным всем поэтическим формулировкам, сюжетам, героям выступало фактором сохранения целостности национальной картины мира, гармоничного восприятия и осмысления совершенно новых социокультурных условий, приобщения к советской и мировой культуре, ориентирование на трансляцию традиционных ценностей, этических стереотипов, бессознательных установок и религиозных верований. Также, будучи высокообразованными людьми, они понимали важность стереотипов поведения или фиксированных установок, как их определяет современная психология, глубоко укоренных в сознании простого

бурята. Для традиционного бурятского общества такими фиксированными установками были обряды, которые четко регулировали жизнь общества и систему отношений внутри различных ее групп. Именно через обряд также происходил процесс информационного взаимодействия, с помощью которого не только передавались знания, но и в сознательное противопоставление «своих» и «чужих».

Необходимо отметить, что при этом Б. Барадин, П. Дамдинов и другие негативно оценивали то влияние, которое шаманизм и шаманы оказывали на быт и мировоззрение бурятского населения. Этой теме были посвящены многочисленные рукописные дореволюционные пьесы, которые сегодня можно рассматривать как попытку просвещения простых неграмотных аратов. Так, Ц. Жамцарано неоднократно, в том числе и в печати характеризовал шаманизм как религию без идеалов, морали и философии. «Одна только пословица – "худший из людей делается шаманом" – показывает, что народ уже перерос свою религию и произнес над ней свой безвозвратный приговор» [115, с. 20].

Властью желание сохранить в новой культуре религиозные традиции шаманизма оценивалось как отсутствие четкой мировоззренческой позиции и противоречие идейно-эстетическим установкам. Такая публичная оценка обусловила политическую критику за включение в свои литературные произведения языковые особенности поэтической речи шаманов, за выбор фигуры шамана в качестве главного положительного героя. Использование шаманской мистической поэзии в современной бурятской культуре, научная рефлексия шаманизма как традиционной религиозной практики считалось «явным вредительством» в формировании образа советского ученого и писателя.

Особенно острые дискуссии развернулись вокруг буддийского наследия. Многие представители дореволюционной бурятской интеллигенции придерживались позиции, высказанной П. Дамбиновым о целесообразности изучения дацанского искусства и внедрения

художественных традиций буддийской живописи, скульптуры и архитектуры в национальную бурятскую культуру [131, с. 20].

Однако подобная позиция не всеми воспринималась однозначно. Относительно буддийского вопроса, участвовавшая в строительстве национальной культуры интеллигенция была поделена на группы по степени их угрозы новой советской культуре, в той мере как это понималось советской властью. К одной группе относились более терпимо, поскольку они считали возможным перенять «технические достижения» буддийской культуры. В частности, Б. Бадрино, Ж. Батоцыренова, П. Дамбинова, Р. Ершина, Д. Иванова и других упрекали за политическое непонимание и «извращение» ленинской концепции о классовой сущности литературы и искусства и подмену понятия «национальной формы» техническими достижениями. В статье в «Бурят-монгольской правде», освещавшей первое областное партсовещание по культурному строительству (15.11.1930) отмечено: «группа Бадрино и Иванова хочет во что бы то ни стало современную Бурятию отождествить с феодально-теократическим Тибетом и дореволюционной Монголией. Это есть проявление националистической панмонгольской идеологии. У Иванова имеется только буржуазная культура Запада и нигилистическая идеалистическая культура Востока, на которые он и ориентируется, а не на пролетарскую культуру» [277]. Таким образом, полагалось, что в своей работе они «стремились направить процесс художественного творчества по антинародному, клерикально-буддийскому руслу... они по существу стали защитниками реакционной контрреволюционной идеологии ламаизма» [131, с. 20]. Другими словами, в соответствии с теми идеологическими концептами и категориями деятели культуры Бурятии не использовали в полной мере демократические традиции национальной культуры и передовые достижения социалистической культуры.

К другой, более реакционной группе, были отнесены Б. Барадин, А. Доржиев, Ц. Жамцарано, продвигавшие идею широкого использования

буддийского наследия и включения его в «новую» художественную культуру. Ц. Жамцарано неоднократно подвергался достаточно жесткой партийной критике за проведение аналогии между доктриной буддизма и идеологии коммунизма. В частности, в предисловии к работе «Основы буддизма» (1927) отмечается, что «Великий Готама дал миру законченное учение коммунизма... Современное понимание общины дает прекрасный мост от Будды Готама до Ленина... Знаем как Ленин ценил истинный буддизм. Построим основы буддизма в его явленных заветах. Учение простое, равное по красоте Космосу, удалит всякий намек на идола, недостойный великого Учителя народов» [341, с. 188; 47, с. 305].

Однако историк К.М. Герасимова отмечает, что авторство этого предисловия спорно: «По материалам Буробкома КПСС предисловие написал Ц. Жамцарано, по иным сведениям авторство принадлежит другому лицу. Но так или иначе эта брошюра распространялась обновленцами и содержание ее совпадает с идеями статей и докладов Б. Барадина, Ц. Жамцарано и Агвана Доржиева» [81].

«Обновленцы» проводили параллели в учениях марксизма-ленинизма и философии буддизма. В частности, А. Доржиев полагал, что «буддийское вероучение "не противоречит принципам коммунизма"... а Будда лишь "предвосхитил учение Маркса и Ленина"» [276, с. 107]. Б. Барадин также полагал в определенной степени тождественными отдельные положения марксизма и буддизма, вызванные, по его словам, «желанием популяризировать Ленина среди трудящихся бурят-монголов, находящихся в то время под огромным влиянием буддийской церкви» [341, с. 222].

Таким образом, вопрос буддийского наследия стал политическим маркером, послужившим впоследствии репрессивным инструментом: «точку зрения некоторой части бурятской национальной интеллигенции, по которой дацаны признаются единственными культурными центрами Бурятии, долженствующими пользоваться со стороны правительства Буреспублики всемерной поддержкой, партия должна решительно отвергнуть» [275, с. 52].

Нигилистические тенденции в отношении культурного наследия продолжали превалировать и в дальнейшем на пленумах обкома партии, на национально-культурном совещании (1926 г.), областном партийном совещании (1930 г.), а также в многочисленных критических статьях.

Критике подвергается традиционная жизнь бурят, и вместе с ней нойоны и ламы, как эксплуататоры, а также дореволюционная интеллигенция, как «пособник» сохранения прошлой жизни через трансляцию культурного наследия. Мы должны констатировать, что, несмотря на это, большевистская власть никогда не позиционировала тотального противостояния этнонациональным особенностям традиционной культуры, которые наоборот всячески поддерживались. Относительно использования культурного наследия народов СССР в строительстве советской культуры предлагалось заимствовать и калькировать «подлинные» народные демократические элементы, например, жанры и формы фольклора. Однако четкого понимания, что считать «подлинно народно-демократическими» элементами и формами не было. До сих пор остаются актуальными вопросы, почему уникальный памятник «Гэсэр», восходящий к добуддийской традиции, «был ошельмован как феодально-ханское, клерикальное произведение, имеющее антирусскую направленность» [35, с. 175].

Таким образом, позиция правящей элиты была однозначной: все, что не подпадало с ее точки зрения под демократические тенденции, признавалось реакционным и, соответственно, невозможно было использовать в строительстве социалистической культуры Бурятии. К сожалению, вредными и ненужными были признаны многовековые элементы традиционной культуры, буддийской культуры, старомонгольской письменности и многое другое. Идеи представителей национальной интеллигенции по отдельным проблемам национально-культурного строительства в социально-политических условиях борьбы с доктриной национализма подверглись публичной критике уже в конце 1920-х годов. В основу критических

высказываний было положено отрицание присущих дореволюционной буржуазной культуре, по мнению идеологов большевизма, классового характера и антинародной сущности. Идеологическая установка гласила, что «развитие новой культуры бурятского народа они хотели направить по пути феодально-теократической культуры Востока» [241, с. 232]. Главным результатом национального строительства должна была стать именно социалистическая бурятская культура: «стремление к созданию отдельных и самостоятельных "наций", однако основное ее содержание заключалось в том, чтобы наполнить эти нации "социалистическим содержанием" даже в ущерб "национальной специфике"» [65].

По мере укрепления советской власти национальная и культурная политика государства начинает приобретать все более репрессивные черты. В апреле 1929 года И.В. Сталиным было объявлено «начало строительства социализма в отдельно взятой стране в атмосфере "растущей" классовой непримиримости» [265, с. 1]. И.В. Сталин, определяя насущные задачи РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей), обозначил концептуальные положения этой кампании, ведущая роль в которой отводилась сфере профессионального искусства. Ю.Л. Юрганов, анализируя идейно-политические установки начала 1930-х годов, отмечает, что основными формами борьбы с «искривлениями» в области художественной культуры явились следующие. Первое, неукоснительное исполнение директив партии по ведению данной борьбы, которая понималась как данность. Второе, целесообразность применения такого метода как самокритика, когда «нужно было заставить их (писателей – М.А.) критиковать самих себя, добровольно обнажать вину перед партией, клясться, что такое больше не повторится, указывать на тех, кто не раскаялся, но скрывает правду от партии» [371, с. 202-203]. Третье, обязательное проведение творческих дискуссий, в ходе которых «писатели, могли сами себя критиковать, обнажая свои неверные мысли, заблуждения, ложные идеи и т.д.» [372, с. 203].

Мысли И.В. Сталина получали разъяснения в публикациях советских идеологов. Так, относительно письма Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция», в которой освещались вопросы истории большевизма А. Безыменский указывал, что «разработку этих вопросов необходимо проводить на основе непримиримой борьбы против оппортунистического "сплошного" классово-недифференцированного подхода к наследству, против тенденции отрицания и смазывания классовой специфики пролетарской, социалистической культуры, национальной по форме, – против ревизии ленинской теории критической переработки наследства, – против великодержавного ассимиляторства и национал-демократической трактовки проблем национальной культуры» [цит. по 371, с. 208].

Предписывающий характер стали носить публикации в газетах и, в первую очередь, в главном печатном органе государства - «Правде». Сказанное в статьях на всех уровнях воспринималось как непосредственное руководство к действию без каких-либо сомнений и размышлений. Культуролог В.П. Конев отмечал, что «"Обсуждения" в творческих союзах, как и статьи, появляющиеся вслед за тем в прессе, должны были лишь применить эти указания по аналогии к другим, не названным "Правдой", мастерам, произведениям искусства, распространять их вширь, на всю сферу художественной культуры, подчиняя им развитие искусства в стране» [158, с. 49].

Военный и политический деятель Л.З. Мехлис в статье «За перестройку работы РАПП» (24 ноября 1931 года) критикует пролетарских писателей за недостаточную, по его мнению, работу на «идеологическом фронте». Изменить положение, устранить недочеты, улучшить качество литературной продукции возможно посредством признания своих идеологических ошибок. Главное было «перестать своевольничать», а обратить внимание на целесообразность проведения «творческой дискуссии в пределах единой партийной линии... Какие недостатки должны быть изжиты немедленно?

Чтобы воспитать новые кадры писателей-ударников, призванных в литературу, чтобы поднять кадры пролетарских писателей на уровень ленинской непримиримости к оппортунистическим извращениям, надо подвергнуть развернутой критике, в первую очередь на страницах рапповской печати, ошибки, допущенные отдельными членами РАПП, в частности рядом руководящих товарищей» [217]. В опубликованной газете «На литературном посту» речи Сталина пояснялось, что пролетарский писатель – это «такой художник, который умеет видеть действительность диалектически, в движении, в росте, который вооружен марксистско-ленинским мировоззрением» [265, с. 4].

В связи с изменением политики партии в отношении культуры и искусства формулировка «пролетарский писатель» становится нормативной в отношении всех творческих деятелей различных сфер. До этого момента «пролетарский писатель» определялся эстетикой конкретной литературной группы. Новое прочтение понятия сняло все предыдущие признаки: социальное происхождение, тематика произведений и т.п. Оно стало основным идеологизированным определением человека, занимающегося писательством. Пояснение И.В. Сталина относительно пролетарского писателя становилось руководством к действию внутри всей сферы социалистической культуры, когда началась кампания «за искусство, понятное для миллионов тружеников».

Выше нами уже отмечалось, что для создания монообщества, формирования требуемого массового сознания во все времена действенными становились методы пропаганды. Поэтому и эта кампания активно использовала пропаганду как инструмент управления обществом. Обструкции в периодической печати, на партийных собраниях подвергаются как рядовые представители той или иной сферы, так и выдающиеся, имевшие отечественное и мировое признание, деятели. В статьях «Сумбур вместо музыки», «Внешний блеск и фальшивое содержание» жесткой критической оценке подвергаются Шостакович и Булгаков. В острой борьбе за

идеологическую чистоту взглядов в стране подобные публикации представляли собой уже не просто информационные сообщения, сколько служили пропагандистским целям. Современными исследователями репрессивной политики, исходя из анализа этой кампании, делается вывод, что «никто не мог уйти от критики себя и других: так подготавливалась почва для обвинений и преследований» [371, с. 207].

Так, одним из многочисленных примеров может служить публикация 28 января 1936 года статьи в «Правде» об опере Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда». Известный историк и публицист Э. Радзинский, проанализировав большой пласт мемуарных и архивных материалов, отмечает, что «имя Шостаковича становится необычайно популярным в народе – в очередях, в метро обсуждают зловредного композитора. На многочисленных собраниях трудящиеся после осуждения "врагов народа" единодушно осуждают неведомую им оперу» [258, с. 445].

Таким образом, жесткий политический контроль осуществлялся на всех уровнях жизнедеятельности советского социума. Не только сугубо государственные сферы, но даже частная жизнь, семейные и брачные отношения становились объектом общественного обсуждения и осуждения. Все, связанное с категориями «личное», «собственное», упразднялось из сознания гражданина и социокультурного пространства. Концептуальным становятся понятия «коллектив», «коллективное сознание». С помощью пропагандистских методов внедрялось осознание, что ни одна личность, ни даже какая-либо группа лиц не может иметь свои собственных интересов, интересы могут быть только общественные, подчиненные единой цели. В идеале массовизированный индивид «в системе информации довольствовался адаптированным усредненным знанием, в системе социальной – демонстрировал тотальный конформизм, воспринимая как данность тот набор смыслов, значений и ценностей, который содержится в транслируемой средствами коммуникации картине мира» [161, с. 37]. Можем констатировать, что в социокультурном пространстве советский человек

собственные желания и интересы соотносил с общественными идеалами и устремлениями. Однако в современных мировых условиях актуализируется вопрос, является ли данная социальная концепция негативной, ущемляющей права и свободы человека и гражданина, что является приоритетом – личные интересы или коллективная общественная безопасность и правопорядок в стране.

Аналогичный процесс широкой кампании самокритики происходил и в Бурятии. 1930-е годы в этом контексте определяются как годы целенаправленной, методичной деятельности по повышению идейного содержания произведений литературы и искусства. Поэтому главной целью Управления по делам искусств при Совнаркоме Бурят-Монгольской АССР стала ликвидация последствий вредительства буржуазных националистов и борьба за «качество» продукции художественной культуры. Разоблачение так называемого «гнилого либерализма», нежелание следовать генеральной линии партии, национализм становятся смысловыми критериями этой борьбы.

Начиная с конца 1920-х годов, на страницах периодической печати, на различных собраниях разворачивается критика идей, взглядов и деятельности представителей дореволюционной интеллигенции Б. Барадина, О. Дашидонбэ, Э.-Д. Ринчино, Г. Цыбикова и многих других в контексте панмонгольской доктрины. Первый секретарь Бурят-Монгольского Обкома ВКП(б) М.Н. Ербанов в этой ситуации вынужден реагировать и признать национальную интеллигенцию носителями национализма и «гнилого» либерализма. А.А. Маркизов – секретарь Бурят-Монгольского Обкома ВКП(б) выражает солидарность с М. Ербановым, отмечая, что «бурятские национал-демократы, выражая интересы бурятского кулачества, ноенатства и ламства, в первый период Советской власти в 1917-1918 г., в период семеновской и колчаковской реакции играли контрреволюционную роль и активно боролись совместно с реакцией против Советской власти» [209, с. 10].

Однако уже с начала 1930-х годов отмечается возрастание публикаций с критическим анализом проводимого представителями дореволюционной интеллигенцией процесса национально-культурного и общественно-политического строительства на территории Бурятии. Эти статьи свидетельствуют о сущности государственной политики в отношении идеологов панмонголизма. В качестве наглядных примеров приведем лишь некоторые из подобных критических публикаций.

В «Бурят-Монгольской правде» выходит публикация (без указания авторства) «Сделать культработу классово четкой и выдержанной, подчинить ее задачам социалистического строительства» от 15 ноября 1930 года. В ней в риторике того времени деятельность представителей «Обновленчества» характеризуется как имеющая «националистический уклон». Огромная и плодотворная работа, когда практически с нуля была построена вся система культуры, осуществленная П. Дамбиновым, Ц. Жамцарано получила марксистско-ленинскую оценку как «недиалектическая, неокантианская установка... отрицающая реализм... выражающая консервативно-реакционную, кулацкого толка, идеологию, призывающую отдалиться от пролетарской культуры... явно правооппортунистического уклона» [277]. В статье появились и «новые» имена. Сложившиеся уже в советское время Брауэр, Иванов упоминаются как «иже с ними». В целом отметим, что тон статьи достаточно мягким.

Тональность публикации от 8 января 1936 года «О фактах проявления национализма в парторганизации института культуры» резко меняется. В ней озвучена директива Городского комитета ВКП(б) «развернуть решительную большевистскую борьбу с националистическими уклонами и проявлениями великодержавного шовинизма, за создание и выращивание кадров из коренного населения, за воспитание рабочих, колхозников и всех трудящихся в духе пролетарского интернационализма» [238], адресованную всем учреждениям и организациям.

В «Бурят-Монгольской Правде» от 15 сентября 1937 года отмечается,

что «одним из наиболее ярких фактов, иллюстрирующих указания обзора ЦО "Правда" о том, что в практике работы Бурят-Монгольского обкома и его органа "Бурят-Монгольской Правды" настоящая борьба с буржуазно-националистическими элементами подменена частыми покаяниями» [251]. Апофеозом становится серия статей В. Овчарова в «Правде» в сентябре 1937 года «Покаянные речи и антисоветские дела» (7.09.1937), «Коммунисты Бурят-Монголии срывают маски с буржуазных националистов» (22.09.1937), «Кто покровительствует преступникам из Агинского аймака» (29.09.1937), в которых в очень жестком дискурсе, свойственном тому времени, уличается Бурятский обком партии и его руководители.

Кроме того, в дискуссиях, начиная с середины 1930-х годов по спорным вопросам политической истории Бурят-Монголии, инициированных властью, была дана официальная оценка «"определив" роль бурятских демократов первой трети XX века, как "буржуазных националистов", тем самым легитимизировав готовящуюся в Кремле расправу с ними как с "врагами народа"» [335, с. 15].

Логичной и понятной становится реакция тех, чья социально-политическая деятельность подверглась общественной критике. Также на страницах периодической печати происходит обратный процесс «самокритики» и «покаяния». Отметим, что основные обвинения разворачивались вокруг таких «традиционных» тем, как антисоветская деятельность, национализм в контексте доктрины панмонголизма, приверженность религии, в нашем случае – буддизму.

Одним из первых партийный идеолог Ш. Ибрагимов высказал мнение, что Г. Цыбиков рассматривает советское государство как транслирующее идеи и ценности буржуазно-националистической культуры в страны Востока. Известный ученый-востоковед, буддолог, профессор Восточного института во Владивостоке, Иркутского университета, ученик А.М. Позднеева, выпускник Петербургского университета с Дипломом I степени, награжденный Орденами Святой Анны III степени, Святого Станислава II и

III степени, премией Русского географического общества, неоднократно встречавшийся с Далай-ламой, так объяснял характер и смысл своей деятельности: «Я... не подразумевал под культурой только буржуазную культуру капиталистической Европы, а понимал русскую пролетарскую культуру... Основоположники научного социализма Маркс и Энгельс были "европейцы" по рождению и воспитанию. Учение их, идущее из Европы, понятно, можно назвать только "европейским"... Монголы получают содержание европейской культуры от СССР, а не от Англии, Германии и т.д.» [цит. по 341, с. 167-168]. Мы согласны с бурятским историком Б.Д. Цибиковым, полагающим, что в методологическом плане Г. Цибиков как ученый-исследователь был в большей степени прав, в отличие от тех партийных деятелей, которые «сами допускают ошибку, противопоставляя СССР странам европейкой культуры, и тем самым оказываются в плену ходячей буржуазной теории, по которой Советская Россия является страной "отсталой азиатской культуры"» [341, с. 168].

Нарком просвещения Бурят-Монгольской АССР О. Дашидонбэ, освещая вклад в развитие республики Б. Барадина, охарактеризовал его 30-летнюю деятельность как выдающуюся и значимую. Это выступление получило резкую критику со стороны партийного руководства, в частности Д.М. Иванова. Мнение О. Дашидонбэ было определено «вредительским», а сам Б. Барадин – классовым врагом. В статье «Дашидонбэ в роли реставратора национал-демократизма» автор писал следующее: «Политически бесхребетный Дашидонбэ заговорил методологически языком барадинщины. В результате такого заимствования он скатился к грубому эмпиризму, механической эклектике, метафизическому схематизму и буддийской софистике». Д.Б. Цибиков отмечает, что «все последующие критики Б. Барадина, вплоть до наших дней, в той или иной мере повторяли обвинения Иванова, а иногда выступали простыми эпигонами, даже повторяя ошибки Иванова в цитациях» [341, с. 219].

В 1932 году Б. Барадин выступил с открытым признанием своих

политических ошибок [35, с. 35]. В рамках развернувшейся кампании самокритики «осознал», что высказанные им ранее в условиях политической нестабильности после распада Российской империи идеи относительно территориального объединения бурят-монголов были глубоко ошибочны. Также признал он несостоятельность своей идеологической позиции по вопросам национально-культурного строительства, сохранении и трансляции культурного наследия бурят. Так, тезисы Б. Барадина, посвященные осмыслению сущности национальной культуры в целом («Что такое национальная культура», 1926), вызвали негативную оценку. И это было очевидно, поскольку там было отмечено следующее: «теоретики национальной политики Советской власти не способны охватить и понять суть национальной культуры» [44, с. 17]. Б.Д. Цибилов поясняет верность данного тезиса, заключавшегося в том, что большевистские идеологи в большинстве своем были «представителями великодержавной нации и, соответственно, не испытывали всей остроты национального угнетения» [341, с. 224]. Хотя, на наш взгляд, данное высказывание представляется достаточно спорным.

Несмотря на то, что барадинские тезисы не были опубликованы и, следовательно, широкая аудитория была с ними незнакома, признать неправильность занятой позиции Б. Барадина вынудила общественно-политическая атмосфера. В частности, им было составлено письмо, адресованное редакции «Культуры Бурятии», в котором признает свою деятельность как панмонгольскую: «те огромные достижения в области культурно-национального строительства бурят-монголов, какие мы имеем сейчас к настоящему моменту, являются неоспоримым фактом того, что для этих достижений совершенно не понадобилась какая-либо перестройка карты Бурятии и что только под знаменем ленинской национальной политики трудящиеся бурят-монголы могли добиться в течение столь короткого времени тех огромных достижений, отрицать которые никто не может» [44, с. 18].

Тем не менее, работа партийных лидеров в Бурят-Монгольской АССР высшим советским руководством была признана удовлетворительной. Об этом может свидетельствовать тот факт, что делегация от республики была принята И.В. Сталиным, М.И. Калининым, В.И. Молотовым в Кремле в 1936 году. Кардинальные изменения произошли годом позже после того как в Ленинграде подверглись аресту общественные, религиозные деятели и преподаватели из БМАССР. Б.В. Базаров в своей работе приводит справку, составленную 3-им отделом УНКВД Ленинградской области. В ней указаны лидеры (А. Доржиев и Ц. Жамцарано, а Б. Барадин, Э.-Д. Ринчино, Д. Сампилон) и перечислены участники «контрреволюционной шпионско-повстанческой организации», которая осуществляла «работу по подготовке восстания в Бурятии с целью свержения Советской власти и объединения МНР и Бурятии в единое государство» [34, с. 73].

В ходе проведения следственных действий было выяснено, что создание панмонгольской организации, осуществлявшей подрывную политическую деятельность на территории Прибайкалья и Забайкалья, относится к 1919 году. Доказательной базой становился ряд выступлений, писем и т.п., датированных 1917-1922 годами. Если не учитывать особенности геополитической обстановки тех лет, то антибольшевистским может расцениваться, например, речь Б. Барадина озвученную во время заседания Агинского аймачного земства в октябре 1918 года: «То кошмарное время, какое пришлось пережить народу во время захвата власти большевиками пережито; население аймака сохранило национальное управление» [341, с. 219]. Письмо Э.-Д. Ринчино, адресованное Д. Сампилону в конце 1918 года, также звучат антибольшевистские высказывания: «Мы буряты и только мы сумели по всей России сохранить органы, избранные всеобщим голосованием. Мы и только мы не допустили в своей среде анархии и большевистской свистопляски... наше соглашение с Японией и Семеновым – это и будет нашим "Брестом"» [232, с. 168-169].

Отметим, что многие, в том числе и простые араты, придерживались

подобных взглядов. В частности, пояснительная записка о жизни бурятского населения в Селенгинском аймаке от 1 октября 1918 года содержит следующие данные: «Опыт показал, что в силу традиции и особого быта среди бурят – большевизму нет места. Только одни буряты во всей области, несмотря на жестокие гонения и насилия со стороны большевиков, сумели сохранить в целости земское самоуправление, которое за короткий промежуток времени, при общем усилии бурят, несмотря на терроры большевизма, уже дало положительные результаты в деле поднятия культурно-просветительского уровня и лучшего устройства быта бурят» [232, с. 148].

Кроме того, антибольшевистской была признана деятельность Э.-Д. Ринчино по созданию в 1918 году боевых конных отрядов «Улаан сагда». Основной целью их создания была защита органов бурятского самоуправления, борьба с отрядами атамана Семенова. В научной литературе советского периода «неоднократно указывалось, что они были созданы для борьбы с советской властью» [341, с. 55]. Данная позиция советских историков обоснована объективными фактами «панмонгольской» деятельности Э.-Д. Ринчино, его контактами с японцами и Семеновым во время работы по созданию общемонгольского государства.

Относительно своего участия в общемонгольской конференции, на которой обсуждалась возможность и целесообразность создания Великого Монгольского государства в 1919 году, Э.-Д. Ринчино дал пояснения в письме ЦКК ВКП(б) 17 мая 1933 года: «Я до сих пор не понимаю, что имеют в виду ультралевые и правые, когда они кричат о моем панмонголизме. Под панмонголизмом я понимаю национальное "самоопределение" или объединение Монголии на основе феодализма или буржуазного развития с ориентацией на мировой империализм. Иного панмонголизма я не знал и не слышал. Между тем, согласно указаниям 6 конгресса Коминтерна национальное объединение разделенных империализмом национальных областей является одной из задач национально-освободительных

революционных движений колоний и угнетенных национальных областей, направленных против империализма... ничего иного в виду не имел, ничего иного нельзя найти у меня» [244, с. 35].

Так или иначе, поддержку самой идеи создания общемонгольского государства, а также практических действий, направленных на объединение монгольских племен, высказывали М.Н. Ербанов и Б.Б. Барадин на Первом Великом хуралдане, проходившем в Монголии в ноябре 1924 года [44, с. 14-15].

Анализируя ситуацию по прошествии времени отметим следующее. С одной стороны, их деятельность явилась отражением сложной геополитической ситуации 1917-1923 годов, когда национальная интеллигенция искала пути создания и сохранения национально-государственного устройства, что находило проявление и в их практической деятельности. С другой стороны, в геополитических условиях конца 1930-х годов с точки зрения государственной безопасности они представлялись неблагонадежными. Даже спустя десятилетия власть не могла быть уверенной, что их сепаратистские политические взгляды кардинально изменились. При столкновении с внешней угрозой они могли предать советскую власть в новых условиях политических конъюнктур.

В соответствии с материалами следствия, в период с 1920-1928 годов, расширяя деятельность панмонгольской организации Э.-Д. Ринчино вовлек в нее М.Н. Ербанова – первого секретаря Бурят-Монгольского обкома ВКП(б), А.А. Маркизова – второго секретаря Бурят-Монгольского обкома ВКП(б), Д.Д. Доржиева – председателя СНК БМАССР, которые «установили связь с руководителями право-троцкистского центра Бухариным, Рыковым, Гамарником, Сулимовым и руководителем антисоветской организации, действовавшей на территории Восточной Сибири, Разумовым, вовлекли в контрреволюционную организацию большое количество партийных советских работников Бурят-Монгольской Республики, через которых проводили вредительскую работу во всех отраслях народного хозяйства

БМАССР» [345, с. 118].

Поиск «вредителей» в БМАССР велся во всех сферах общества: управленческой, военной, промышленной, медицинской, строительстве, сельском хозяйстве, культуры и образования. Последнюю, в частности, «осуществляли Ардин, Барадин, Дабаин, Дамбинов, Дампилон, Дашидондобэ, Дашинимаев, Донгидон, Дондубон, Мункин, Ламожапов, Раднабазарон и многие другие» [345, с. 127]. В результате следственных действий было выявлено и доказано, что «вредительская, контрреволюционная, террористическая, антисоветская и антибольшевистская» деятельность проводилась национальными кадрами в том числе в реализации государственной языковой политики (относительно сохранения старомонгольской письменности, переводной деятельности), «извращении» марксизма-ленинизма, использовании буржуазных и религиозных элементов в формировании советской бурятской культуры, в первую очередь в литературе.

Из 19 литераторов, состоявших в Союзе писателей и кандидатов в члены, 12 были арестованы, из которых только С.П. Балдаев был освобожден через два года [35, с. 82]. Вклад национальной интеллигенции в социокультурное развитие Бурятии в дальнейшие годы не учитывался. Вплоть до начала 1990-х годов имена Б. Барадина, Ж. Батоцыренова, Д. Дашинимаева, Ц. Дона, А. Доржиева, Ц. Жамцарано, С. Туя, Г. Цыбикова оставаться под негласным запретом и упоминались большей частью в негативном плане. Имена и творчество Д.-Р. Намжилона, Н. Занданова, С. Ширабона и других оставались неизвестными широкой общественности. Даже в научно-исследовательских работах сохранялась риторика конца 1930-х годов: «буржуазные националисты», «трубадуры буржуазии», «панмонголисты».

Для бурятских национал-демократов была притягательна национальная политика большевиков, о чем нами отмечалось выше. Главной целью их деятельности было создание национальной автономии, которая была

признана Забайкальским областным советом 3 июля 1918 года [232, с. 136-137]. Для новой власти они, не смотря на лояльность советскому государству, оставались идейно чуждым элементом.

Таким образом, рассмотрение региональной специфики социокультурных условий и факторов репрессий в Бурятии 1920-1930-е годы дают основание прийти к следующим выводам.

Во-первых, к культуре и искусству, их проблемам и «продукции» советская власть относилась достаточно серьезно, поскольку понимались В.И. Лениным, как «часть общепартийного дела», все планы культурных преобразований основывались на просветительской и воспитательной задаче, которая изначально полагалась как первостепенная и реализовывалась через СМИ, систему рабочих клубов, изб-читален, учреждений образования, художественную культуру, прежде всего литературу и театр. Множество стилей и направлений не способствовало достижению главной задачи власти. Стремление к организационному оформлению сферой культуры прослеживается уже с начала 1920-х годов, когда государство не только взяло на себя финансирование всех отраслей культуры и искусства, создание материально-технической базы, но и установило жесткую цензуру. Отличительной чертой деятельности партии становится постоянный поиск врагов не только в сфере промышленности, сельского хозяйства, образовании, религии, но и в сфере художественной культуры.

Во-вторых, период первых послереволюционных десятилетий был далеко не простым и не однозначным. Специфика этих лет заключалась, с одной стороны, в достаточно плодотворном и ускоренном развитии национальной бурятской культуры в русле советской культуры, но с учетом маркеров национальной идентичности. С другой стороны, культурная жизнь Бурятии была обусловлена идеологической борьбой и политическим государственным контролем. Происходившие споры и диспуты о месте бурятского народа в историческом процессе человечества, его культурном наследии и вероятность использования в современной художественной

культуре, о роли интеллигенции в политической и культурной жизни общества государства все больше подчинялись идеологической централизации. В общественной и политической жизни конца 1920-х – начала 1930-х годов доминировал, так называемый вульгарно-классовый подход в оценке общественно-политической и культурной деятельности бурятской интеллигенции в контексте реализации идей панмонголизма по созданию общемонгольского государства при поддержке атамана Г.М. Семенова и милитаристских кругов Японии.

В-третьих, классовый антагонизм, борьба с проявлениями буржуазного национализма и религией нанесли невосполнимый ущерб национальной культуре. Общественно-политическая деятельность представителей дореволюционной национальной интеллигенции вступила в противоречие с генеральной партийной линией строительства советского государства и новой культуры. Это и обусловило репрессивную политику в их отношении. Их идейно-политические и художественно-эстетические воззрения подвергались общественной жесткой критике и все труднее пробивались к своему зрителю, читателю или слушателю. Идеологические и политические конъюнктуры коснулись и возможности использования культурного наследия. Альтернативные возможности развития национальной культуры в условиях жесткой критики и карательного подхода к панмонголизму и буржуазному национализму были исключены.

3.2. Национальная бурятская литература как объект репрессий на примере творчества бурятских писателей

Революционные события 1905 и 1917 годов полностью изменили все стороны жизни в России. Изменения в стране повлекли за собой масштабные изменения в идеологии государства. Мощный процесс формирования новой культуры повлек за собой изменения и в литературе. Все изменения, преобразования, нашли свое отражение и осмысление в художественном творчестве.

Политическая борьба послереволюционных лет помешала новой власти

определился с четкой идеологической программой развития культуры и искусства, в том числе и литературы. Поэтому в русской литературе мы видим сохранение многих тенденций начала века. В том числе, и широко представленное в литературе движение приверженцев так называемого «чистого искусства». Для них важна свобода творчества – как свобода художника, как свобода личности – все это сводится к моральной и духовной свободе от власти.

Бурятские писатели начала XX века также понимали назначение литературы. Для них революция и последующие завоевания советской власти были гарантом решения «национального вопроса», который мог реализоваться посредством литературы.

Уже к 1925 году власть провозглашает литературу частью партийной программы. В Постановлении Политбюро ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 года «О политике партии в области художественной литературы» отмечалось: «как не прекращается у нас классовая борьба вообще, так точно она не прекращается и на литературном фронте. В классовом обществе нет и не может быть нейтрального искусства, хотя формы классовой значимости вообще, и литературы в частности, бесконечно более разнообразны, чем, например, формы классовой значимости политики... Распознавая безошибочно общественно-классовое содержание литературных течений, партия в целом отнюдь не может связать себя приверженностью к какому-либо направлению в области литературной формы. Руководя литературой в целом, партия также мало может поддерживать какую-либо одну фракцию литературы» [49].

Этим постановлением партия закрыла вопрос о каких-либо различных течениях и направлениях в искусстве и литературе, а также и возможности реализовать свой творческий потенциал многим писателям дореволюционной России. Классовый принцип становится основным в оценке личности – непролетарское происхождение априори вызывает настороженность и непримиримость к человеку.

Бурятские писатели, чьими усилиями в короткий срок была создана основа новой письменной литературы, разработаны жанровые принципы были обвинены в контрреволюционной деятельности и репрессированы: Ч.-Л. Базарон, Б. Барадин, П. Дамбинов, Д. Дашинамаев, Ц. Дондубон, Д.-Р. Намжилон. Они создали уникальные художественные произведения, отразив смелые идеи национального просветительства, «составившие наиболее представительную библиотеку бурятского просветительства» [227, с. 12].

Творчество писателя всегда многогранно, по нему мы можем судить об историческом времени, на которое приходится его жизнь, его мировосприятие, взгляды и оценки. Поэтому считаем необходимым остановиться на кратком описании вклада бурятских писателей в становление и развитие национальной литературы.

Ч.-Л. Базарон (1876-1937) – один из первых бурятских драматургов, которому принадлежат пьесы «Картежники» («Хаарташан», 1912), «Хлеб» («Тарьян», 1921), «За правду» («Унэнэй тулоо», 1933). Две первые пьесы были опубликованы отдельной книгой еще в 1926 году. Пьесой «Картежники», поставленной летом 1917 года агинскими учителями, закончились первые педагогические курсы, но «ежевечерние репетиции, работа, связанная с подготовкой этих театральных вечеров, приобщили к любительскому театру молодых педагогов... в Агинском самодеятельный театр вскоре становится центром культурной жизни большого селения и прилегающих к нему улусов. Основу любительской труппы составили слушатели педагогических курсов» [231, с. 32]. С этого момента начинается история Агинского театра.

В большей степени драматические произведения Базарона служат показу злободневных и актуальных проблем общественной жизни бурят. Так, картежничество в предреволюционный период приобрело поистине угрожающие размеры. Об этом свидетельствует появившийся целый цикл народных песен «Хаартын дуун» («Картежные песни»), которые отражали все стадии и виды картежных игр [131, с. 58]. Главная идея пьесы

«Картежники» для начального периода только зарождавшейся литературы была решена удачно, однако помимо центральной темы писателем были затронуты и параллельные линии. Первая – критика гендерного неравенства, тяжелого положения женщины в патриархальном обществе, вторая – в протесте той социальной системы, в рамках которой происходит угнетение человека человеком. Именно эти две линии, представленные Базароном, впоследствии стали основными в разработке сюжетов и тем всей бурятской литературы.

Пьеса «Хлеб» стала одним из первых художественных произведений показывающих дружбу русского и бурятского народов Забайкалья. Эта пьеса стала первой и в освещении современной тематики, показа общности борьбы русских и бурят с классовыми врагами. Конечно, его произведения не лишены серьезных недостатков, которые не раз отмечались бурятскими литературоведами, их главной заслугой является то, что они наметили путь развития национальной литературы с точки зрения формы и содержания.

Ж.Б. Батоцыренов (1881-1937) – член Союза советских писателей. В произведении «Пурга» впервые показаны два антагонистических улусных мира, конфликт которых достигает своего исторического пика. Герои повести характеризуются выраженными социальными психологическими чертами: богачи отрицательными, а бедняки положительными. Главные герои – бедняк Цырен и Тамжад – дочь богача. Автор через историю любви Тамжад и Рабдана пытается показать путь примирения между враждующими сторонами, который может разрешить сложный идеологический конфликт. Повесть вызвала много критических оценок, идея разрешения классового конфликта через союз и согласие сторон была неприемлемой в рамках нового художественного метода.

При этом сильной стороной писателя является изображение «маленького человека», который не в состоянии противостоять миру богатых, а потому всемогущих людей. Но бедные люди богаты внутренне, они более цельны и духовны.

В начале развития национальной художественной литературы подобные образы «были необходимой ступенью в развитии реалистического изображения жизни, результатом поисков первыми национальными писателями положительного героя в самой действительности» [227, с. 201].

Д.Д. Дашинимаев (1904-1938) – член Союза писателей СССР с 1935 года. В историю бурятской литературы вошел как новатор, раздвинувший возможности бурятского языка и в области тематики, и в области образно-изобразительных средств. Именно он внедрил в бурятское стихосложение основные принципы силлабо-метрической системы с применением точных и неравносложных рифм.

Литературная деятельность талантливого поэта начинается со стихотворения «Ленин нугшэбэ» («Ленин умер»), опубликованного в 1926 году под псевдонимом «Буйрагтаан». Однако расцвет творчества приходится на 1930-е годы. Это было связано в первую очередь с переходом на иную графическую систему. Дело в том, что, как было отмечено нами выше, старомонгольская письменность была не в состоянии зафиксировать и передать ритм живой речи, особенно это касалось передачи поэтической рифмы. Исследователями бурятской литературы отмечается, что одним из традиционных выразительных средств бурятского стихосложения была аллитерация, переход на новую графическую систему позволил выработать новые формы, в частности, силлаботоническое стихосложение [см.: 227, с. 159].

Литературное наследие Д. Дашинимаева включает в себя десятки стихотворений, в том числе «Тойон» и «Совет», получившие высокую оценку отечественных критиков, песен, поэма «Улаан тугта дивизион» («Краснознаменный дивизион», 1933), переводы русской классической и советской литературы, художественная обработка сказок. Так, «Туламтай шоно» («Волк в мешке», 1937) издавалась в 1937 году в латинской транскрипции, в 1964 году – на бурятском языке, в 1966 – на русском.

Повесть «Цырмаа» могла бы занять в истории бурятской литературы

достойное место. Сегодня мы не имеем полного текста повести, очевидно, он утерян, но опубликованные в литературно-художественном журнале «Батазам» 1936 и 1937 годах первые главы, позволяют говорить об идейно-художественной глубине, новаторстве в изображении характеров героев, их моральных качеств. К сожалению, архив поэта не найден [57, с. 40].

Ц.Д. Дондубон (1905-1938) литературный псевдоним Ц. Дон – член Союза писателей СССР. В литературу Ц. Дон пришел из журналистики. Работал корреспондентом в газете «Залуу малшан» («Молодые животноводы»), что предопределило его дальнейшую деятельность на литературной ниве. Писатель не прогадал, поскольку его творческое наследие актуально и сегодня, в том числе и в контексте театральных постановок. Беседы с разными людьми, истории их жизни были воплощены в произведениях. Он стал первым из писателей, обратившихся к периоду гражданской войны, с позиций объективной оценки («Кровавая расправа», 1930). Первая национальная повесть «Хиртэһэн һара» («Затмение луны», 1932) положила начало художественному изображению событий коллективизации. В ней Ц.Дон попытался реализовать эстетические принципы социалистического реализма: положительный герой – выходец из народа, принципы историзма и народности. Произведение по праву сравнивается с «Поднятой целиной» М. Шолохова.

Будучи коммунистом Ц. Дон, в произведении четко проводит идею победы в классовой борьбе сторонников нового мира. Но мир повести не делится только на черное и белое. Драматичен образ главного героя середняка Радны Цыбикова. Это психологически сложный персонаж - настоящий труженик, всю жизнь работавший на себя, но при этом привычно «уважительно» относящийся к богатым улусникам, видя в них хозяев жизни.

Когда меняется власть в улусе и начинается прием в коммуны он туда вступает, причем, не только из чувства солидарности, а вполне осознанно, потому что он не соотносит себя с богачами. Со многим происходящим в жизни он не согласен, ссорится с дочерью-комсомолкой, выкидывающей из

дома алтарь. Кульминацией повести становится собрание коммуны, где героя признают классовым врагом, что подвигает его на сговор с представителями кулачества.

Мастерство Ц. Дона позволило ему показать с психологической точностью образ человека, находящегося в состоянии сложного социального выбора, связанного не только с собственной позицией, но и усугубленного политическими противоречиями времени. Автор объективно показал характер крестьянина-середняка, что подчеркнуто литературоведами, «в образе Радны получили верное отражение типические черты середняка вообще, взятого как социальный тип безотносительно к национальной принадлежности» [227, с. 225].

В повести «Брынзын санха» («Отрава от брынзы», 1935) писатель вновь обращается к теме нового человека. Это одно из сложных по сюжету и композиции произведений рассматриваемого периода. Повествование разворачивается в многолинейном пространстве. Отражая современную действительность автор обращается к изменению социального статуса бурятской женщины. Образ Дольжон становится центром повествования, в ней воплощены типические черты женщины – колхозницы, преодолевающей трудности и в итоге доказавшей свое право на равноправие в новом обществе.

Ц. Дон пишет роман «Туужа соо» («В сосновом бору»), следы которого затерялись в 1937 году [57, с. 51].

П.Н. Дамбинов (Солбонэ Туя) (1892-1938) – крупный политический деятель, один из основоположников бурятской литературы и бурятской критики, член Союза писателей СССР. Он автор первого сборника стихов в бурятской литературе – «Цветостепь» (1922 г.). Поэма «Ангара» была тепло принята читателями. Образ Степи как мир гармоничный и естественный для степняка, наполненный фольклорными образами и мотивами, такой близкий и понятный народу, был раскритикован как патриархальный и идеологически неверный. Вследствие чего, поэту пришлось переработать все

свои стихи.

Писал он и прозаические произведения, достигнув на этом поприще значительных результатов. В частности, интересным в плане применения художественных приемов, языковых средств полагается рассказ «Сэсэг» (1927). О другом прозаическом произведении «Цырен» (1935), в частности о его жанровой принадлежности литературоведы до сих пор спорят: отнести его к рассказу или повести. Роман о судьбах бурятской интеллигенции, основанный на автобиографических материалах, который он начал писать к 20-летию Октябрьской революции, текст которого был утрачен во время ареста, как и весь архив [57, с. 37]. В связи с этим мы не можем дать роману оценку ни с позиций научной рефлексии, ни художественного значения.

Трагична судьба пьесы Солбоне Туя «Оюн Билик», в которой рассказывается о сложном процессе утверждения власти большевиков и событиях гражданской борьбы. Впервые в бурятской драматургии главной героиней становится женщина-революционерка. По мнению бурятских литературоведов, прообразом главной героини Оюун Билик стала известная в истории Бурятии Мария Сахьянова [227, с. 114]. Отношение к данной пьесе со стороны власти, ее идеологическая оценка были неоднозначны. Так, пьеса была поставлена на сцене Государственного бурятского драматического театра в сезоне 1935/1936, но в дальнейшем ее сняли с репертуара и напечатать не дали. Текст пьесы явился одним из пунктов обвинения автора, когда его судили как контрреволюционера.

Значимым аспектом его деятельности, а также важным в становлении и развитии национальной бурятской литературы, является то, что он одним из первых начал писать для детей. Обладая широким кругозором и чутьем С. Туя, понимал аксиологическую сущность литературы в воспитании нового поколения. Ребенок активно осваивает окружающий мир различными способами, среди которых действенным считается приобщение к чтению. В своих произведениях для детей он внедрял такие культурные компоненты, как: национальная картина мира, то есть окружающий мир, каким его видели

дети, описание нового быта и уклада жизни. При этом он активно использовал историко-культурный фонд и фоновые знания.

Подробнее мы остановимся на анализе литературного творчества произведений и соответствия критических оценок действительности Б. Барадина, поскольку он сам в истории Бурятии является фигурой неоднозначной.

Б.Б. Барадин (1878-1937) – ученый, писатель, общественный деятель. Творчество Барадина сегодня является предметом пристального внимания как со стороны исследователей литературы, театроведов, так и общественных деятелей. Одним из первых писатель обратился к исторической реальности, воссоздавая картины жизни бурят в контексте истории России. Новаторскими были приемы автора – сочетание реалистических картин с условными приемами, когда образы вырастают до символов. Барадин талантливый драматург-новатор, он создал эпический театр, с приемами тонкого психологизма.

Литературное наследие Б. Барадина хоть и не велико, но разнообразно. Наиболее известными являются поэма «Буряад монголоу уг гарбалай домог» («Легенда о происхождении бурят», 1922), стихотворение «Ехэ саг» («Великое время», 1927), рассказ «Сэнгээ баабай» («Отец Сэнгэ», 1927), пьесы «Жэгдэн» (1919), «Чойжит хатаан» (1920), «Ехэ удаган абжаа» («Великая сестрица - шаманка», 1921).

Драматургические опыты Б. Барадина, на наш взгляд, представляют большой культурологический интерес по сравнению с его прозаическим и поэтическим наследием, поскольку, во-первых, своим художественно-историческим материалом он поднял на новый уровень национальную литературу, углубив и расширив жанровое разнообразие драматургии: им были написаны комедия, историческая драма и поэтическая стихотворная драма. Во-вторых, в условиях становления нового типа культуры самым действенным элементом воспитания становилось театральное искусство. Б. Барадин будучи образованным и талантливым человеком задал высокий

художественный уровень всей бурятской литературе. Его драматургические опыты отличались национальным своеобразием и в художественном языке и в содержании. В стремлении показать разные сферы новой жизни, он акцентирует роль современника в нем. На первый план его пьес выходит этический аспект, связанный с социальной нравственностью, политической моралью, этикой производственных и личных отношений.

В советское время зарождение и становление бурятской драматургии в ее признанных образцах (пьесы Х. Намсараев, Н. Балдано, Д. Батожабая) связывалось с реалистической социально-бытовой драмой, более ранний опыт пьес Б. Барадина «Великая сестрица шаманка», «Шойжид» практически не учитывался. Художественное своеобразие пьес Барадина отлично от драматических произведений 1920-х годов бурятскими писателями, их отличает социальный анализ, историзм, свойственные критическому реализму, а также прекрасный стиль и несомненный талант автора. Писатель в своих пьесах обратился к сюжетам частной жизни, связанным с реальными историческими событиями и личностями, но предметом анализа выбрал внутренний мир своих героев и окружающий быт. Судьба творческого наследия Барадина, трагична, на долгие годы оно было предано забвению.

В 1920-х годах пьесы Б. Барадина пользовались любовью у зрителей, они неоднократно ставились на сцене. Так, Агинским народным театром «Старинные бурятские нойоны», «Жэгдэн» были поставлены в 1919 году, «Шойжид» в 1920 и 1921 годах, «Великая сестрица шаманка» - в 1921; любительскими бурятскими коллективами Верхнеудинска «Жэгдэн» - в июле 1926 года, «Великая сестрица шаманка» - 19 марта 1925 года; Государственным бурятским драматическим театром «Жэгдэн» ставился 17 января 1933 и 24 февраля 1934 годов [231, с. 260-263].

Первым драматургическим произведением стала комедия, не только полюбившаяся простым аратам, но и получившая высокую оценку критиков - «Старинные бурятские нойоны» («Урданай буряад ноед», 1919). В 1921 Д.-Р. Намжилоном была написана комедия в одном действии «Жэгдэн Зориктуев».

Обе пьесы рассказывают об курьезных случаях, случившихся в жизни заседателя Агинской степной думы Жэгдэна Зориктуева. «Несколько лет обе пьесы жили самостоятельно, занимая свое место в репертуаре театра (Агинский народный театр – А.М.), менялся только состав актеров» [231, с. 34]. В 1926 году авторы создали одну пьесу, которая была поставлена на сцене Агинского народного театра [230, с. 85]. В дальнейшем пьеса не раз подвергалась изменениям, последняя редакция относится к 1933 году, в которой из пяти явлений перу Намжилона принадлежало только третье явление [131, с. 161].

В целом следует отметить, что комедийные произведения, в специфической форме отражавшие художественное мышление сложной и противоречивой эпохи изменения основ старого мира, приход нового времени, пользовались необычайной популярностью среди драматургов и зрителей. Развитию комедийного жанра более всего способствовала такая его важная особенность как тяготение к быту, к точной конкретно-бытовой детализации. По мнению С.С. Имихеловой, «в отличие от трагедии, возвышающей действительность до напряженного столкновения борющихся сил, а потому безразличной к деталям быта, комедии нужна эта детализация, в ней сильнее бытовой колорит, больше жанровых и национальных черт» [126, с. 118].

Главным героем обеих комедий стал старый заседатель, о котором в народе ходило множество анекдотов, рассказывающих о его причудливых выходках. Этнографические подробности, знание фольклора агинских бурят дали возможность авторам подробно воспроизвести не только быт и характеры нойонства, но и показать бедственное положение простых аратов, тяжелое положение женщин.

С саркастической иронией в пьесе показываются чиновники всех рангов, забывшие о своих обязанностях и желающие только одного – получить взятку. Корни этого явления коренятся, прежде всего, в отсутствии ответственности и долга перед обществом. Очень ярко показан исправник,

приехавший инспектировать построенный мост, но который оказался разрушенным: «Что ты за тварь! Тебя под суд отдать надо!... Вот, что тебе надо! (тычет пальцем, грозит кулаком, топает ногами)» (перевод наш). Однако, получив взятку, быстро успокаивается. Вторую причину Б. Барадин видит в поведении самих бурятских нойнов, которым вместо работы над улучшением социально-экономического положения аймака, проще и спокойнее давать взятки и ублажать чиновников: «Русские чиновники похожи на шаманских идолов, любят, чтобы им рот смазывали маслом. Если успеешь смазать, то любое дело выполнить сможешь».

Смех зрителя вызывает в Жэгдэне все: внешность – лицо, фигура; внутренний мир – интеллект, мотивы действий; ценностные ориентации – отсутствие нравственности, жадность, мелочность, пьянство и похотливость.

Одной из ведущих, на наш взгляд, тем, которая определяет цель всей пьесы, жизнь простого арата. Б. Барадин показал, вводя лирическую линию чистой любви Долгор – жены Жэгдэна и Тэхэ. Оба этих героя из бедных семей, действия нойнов принесли им много горя. Их слова наполнены тоской и печалью, в целом отражающие жизнь простого народа. Но это не озлобило их, поэтому в конце пьесы они воссоединяются, счастливы. В целом – это символизирует счастье и благоденствие всего бурятского народа.

Эта комедия носит тенденциозный морализаторский характер, что объясняется иной ролью жизненного материала, чем, например, в трагедии. Сама по себе комедийная ситуация не должна быть просто достоверной, в ней активно присутствует субъективная авторская наблюдательность и насмешка. Достоинством пьесы является воссоздание бытовых деталей, богатый народный язык, которые помогли создать точные психологические портреты действующих лиц в живой реальности. Разрозненные сами по себе случаи из жизни Жэгдэна воспринимаются как логически осмысленная цепь действий всех действующих лиц, находящихся в зависимости его от поступков и желаний. Пьеса стала сочетанием достоинств веселого спектакля в стиле dell-arte и литературных традиций русского реализма.

А.Б. Соктоев считает, что Б. Барадин как писатель буржуазно-националистического течения в этом произведении «проповедовал тесный "дружественный" союз между эксплуататорами и эксплуатируемыми» [290, с. 300], отмечая, что Б. Барадин сознательно не критикует современное нойонство. Наша позиция заключается в том, что сегодняшнее понимание произведения направлено не только на сатирический показ царского чиновничества и местной власти, но и на отрицание старого эксплуататорского мира, где писатель стоит, в первую очередь на просветительских позициях. Реальная действительность и значимость социального материала комедии позволили автору развернуть конфликты от частного бытового до общественно-исторических столкновений власти и неимущих слоев простых аратов. В рассматриваемом нами произведении четко проявляется личная и общественная позиция драматурга – он выступает за изменение общественного порядка, против существующего миропорядка.

Оригинальность и значимость в современном прочтении пьесы в том, что автор по-новому подошел к изображению жизни бурят. Б. Барадин, основываясь на этнографических подробностях, сумел выйти на уровень художественных подтекстов. Все детали раскрывают образы героев, дополняют действия и обстоятельства. Эти находки свидетельствуют о несомненном писательском таланте, которые и дали возможность Барадину создать социально-культурную картину жизни бурят рубежа веков. Б. Барадин создал бурятскую комедию, национальную по сути, отражающую особенности ментальности и мировосприятия народа, но при этом выражающую общечеловеческий гуманистический пафос.

Воспроизведя комическое, авторы в конечном варианте пьесы сумели в ее структуре отразить, объединить и заострить комизм художественного изображения с объективно присущим комизмом противоречий жизненных явлений эпохи. Согласимся с А.Б. Соктоевым в том, что это произведение не показывает грандиозный эпический конфликт, но она вскрыла острейшее

общественно-философское противостояние. В отличие от других произведений она показала реальные противоречия действительности и мастерство в изображении отрицательных героев.

Спектр нравственно-этических и ценностных аспектов национальной литературы в контексте жанровых и художественных изысканий представлен очень широко. Кроме актуальных проблем современности писателям предстояло решить проблему отношения к событиям прошлого и стать источником исторических знаний. Так, А.В. Луначарский полагал, что знание народом истории своей страны – важный элемент в процессе культурного просвещения, а практическую помощь в данном процессе может оказать драматургия и театр [203, с. 15]. Жанр исторической драмы был призван осмыслить прошлое, соотнести исторические факты с современностью и показать настоящее как продолжение прошлого. В этой связи основным инструментом исторической драмы становилась документальность.

Однако, по мысли В. Айзенштадта, драму 1920-х годов менее всего интересовала реставрация прошлого в полном соответствии с архивными данными, они были необходимы, чтобы «привести невыдуманного декабриста или народовольца вместо отвлеченного вечного революционера» [12, с. 78]. Историческая драма, хотя и в достаточно скромных масштабах, выполняла художественную задачу показа «"невыдуманных" героев, была средством установления критериев достоверности» [373, с. 94]. На наш взгляд, использование исторических событий стало формой концентрированного выражения философских и нравственных ориентиров в литературе 1920-х годов, поскольку образы прошлого давали возможность писателям показать свое видение и отношение к происходящим процессам современной им действительности.

Историческая драма всегда решает задачу показа широкой картины жизни народа через исторических деятелей, множества действующих лиц, многоконфликтность и другое.

В 1920 году Б.Барадин пишет драму «Шойжид» («Шойжид хатан»), о

событиях 1802-1807 годов. В бурятской литературе это было новаторским явлением. Пьеса состояла из частей: «Жизнь лам», «Жизнь нойонов», «Жизнь народа» [231, с. 42-43]. Во второй редакции 1934 года уже две части: «Жизнь лам и нойонов», «Жизнь народа».

Прообразами многих действующих лиц являются реальные лица, поскольку в основу драмы были положены события 1802-1807 годов, когда по указу Александра I переселенцев из западных губерний империи заселяли на землях, испокон принадлежащих забайкальским бурятам. Реальны образы Дамба Рэнсын (тайша 1786-1804) и Годохин Шойжид, его жена.

Пьеса правдиво обрисовала повседневную жизнь и морально-нравственные устои нойонов и лам, общность их интересов, раскрыта закулисная сторона сделки между бурятской верхушкой и высокопоставленным царским чиновником, приехавшим из Санкт-Петербурга. Интерес в драме вызывает жизнь и внутренняя трагедия Шойжид – умной и властолюбивой женщины, которая заранее сумела разыграть политически верно свой план, который должен позволить ей впоследствии занять место мужа. Помимо основного сюжетного действия, в пьесе «много "проходных" жанровых сценок, в которых проявились наблюдательность автора, умение наделить персонажи живыми черточками, подметить и оттенить индивидуальные особенности того или иного персонажа» [226, с. 91].

В драме, в общем ключе с современными по времени пьесами советских драматургов, важна мысль о том, что герои действуют в прямой зависимости от окружающих обстоятельств. Для нас важна идея автора, который говорит о сущности власти, которая действует во имя интересов горстки богачей и готова пожертвовать родовыми землями своего народа.

В целом идея драмы заключалась в эгоистичности бурятской светской и религиозной верхушки, которые распорядились судьбой простого народа и без того угнетенного ими. Конечно, если мы будем подходить к пьесе с позиций теории европейской драматургии, мы найдем множество слабых

мест, к примеру, невыраженный конфликт, медленное действие, растянутость, но это не должно ввести нас в заблуждение. Все это подчинено художественным авторским задачам. В.Ц. Найдаков полагает, что Б. Барадин, будучи человеком «высокой европейской и восточной образованности, сознательно или интуитивно создал пьесу в духе эстетики народной эпической драмы» [226, с. 92], восходящей к эпической драме Б. Брехта.

В начале пьесы, как и в «Жэгдэн», и в «Великой сестрице шаманке», Б. Барадин дает не только сжатую, выразительную характеристику действующих лиц, но и описание их внешности и одежды. Однако в драме «Шойжид» эти характеристики более полные. Первая часть «Жизнь лам и нойонов» производит впечатление некоторой незавершенности: непонятно, что произошло с героями, и какова была их дальнейшая судьба. Именно поэтому, на наш взгляд, авторские ремарки представляют собой не только подробную характеристику людей описываемой исторической эпохи, но и рассказывают об их жизни до начала действия пьесы и об их дальнейшей судьбе.

На первый взгляд может показаться, что драма состоит из двух несвязанных между собою частей. На самом деле обе части «Жизнь лам и нойонов» и «Жизнь народа» представляют собой двойной «заговор» главных героев Шойжид и Олзобоя. Завязка пьесы, дающая импульс сложно сплетенной коллизии - двухступенчатая. Первую создает Шойжид, устраивая заговор против Галсана - своего соперника на место тайши: «... мне нельзя сидеть сложа руки... мне обязательно нужно найти способ стать тайшой... Мне нельзя жить спокойно, пока не стану всемогущим тайшой и не справлюсь со своими врагами, вроде Галсана» (здесь и далее перевод наш). Вторую создает Олзобой после посещения дома русского инженера: «... сильно обозлился я на того русского землемера... Когда буду уезжать отсюда, так просто его не оставлю. Любой поступок требует расплаты. Даром они нашей земли не получают... Самое малое, познакомится он с крепкими

кулаками бурятского парня... Ты меня не сдерживай».

Обе эти сцены звучат как призыв к действию, к борьбе. Образ своевольной и властной Шойжид понятен и действенен. Передавая личную жизненную драму Шойжид, он определяет действие первой части, наполняя ее энергией действия. Противостояние героини с Галсаном в целом отражает социально-политический и идейный конфликт частной ситуации: в нем выражена неразрешимость противоречий, которые приведут ее к гибели. Она уверена в своем праве отстоять Тугнуй – ее родовые земли, чтобы не отдать русским переселенцам.

Интересен образ Олзобоя, простого арата который совершает ряд смелых и неординарных поступков. Он выступает против своеволия царской власти - избивает русского инженера, за что его с Сэсэг жестоко наказали. Этот поступок характеризует героя как личность зрелую, свободолюбивую и отвечает эстетике литературы начала XX века.

Образы Шойжид и Олзобоя зеркальны, они схожи характерами, у них похожи поступки, но идейная мотивация разнится. Конечно, это люди разного социального статуса, но именно этот факт и усложняет философский подтекст пьесы.

Герои второй части пьесы – простые люди, жертвы властных устремлений Шойжид. Именно это обстоятельство определяет композиционное построение всей пьесы. Первая часть осталась незаконченной: зрители не узнали, добилась ли Шойжид того, к чему так упорно стремилась. Известие о ее дальнейшей судьбе вложено в уста старика Холхоя, ее жертвы: «... тайшой хотела стать Шойжид, но Галсан обманул ее и сам стал тайшой». Идея драмы заключается в том, что Шойжид преследует исключительно свои интересы, а Олзобой бьется за народные. Логичен финал второй части – народ ликует, справедливость торжествует – наказываются чиновники. Вторая часть более выразительна, в ней «воссозданы картины народной жизни, печальная участь тех, кому приходилось уходить с дедовских земель, возмущение бедноты и пока еще не

осознанное, стихийное выступление ее против союза бурятских богачей и русских чиновников» [231, с. 43].

Читая пьесу, на первый взгляд может показаться, что герои драмы конфликтуют друг с другом: Шойжид с Галсаном, Олзобой с русским инженером. Но реально они сталкиваются с тенденциями эпохи, с колониальной политикой царской России. Поэтому наиболее ярко и выпукло характеры героев обнаруживают себя в определенной своеволии, которое присуще не только родовитым нойонам, ламам и представителям царской власти, но и простым аратам – Бадме и Олзобой. В своевольных поступках простых героев Б. Барадин, на наш взгляд, хотел показать стремление человека к свободе.

Особенная симпатия автора принадлежит главной героине Шойжид. В образах, характерах и поступках Шойжид и Долгор – главной героини пьесы «Жэгдэн» находим много общих черт, обе были насильно выданы замуж за богатых стариков, которых они ненавидят. По мнению самого Б. Барадина, любовь стариков к молодым женщинам отвратительна (в описаниях, данным Дамбе и Жэгдэну – за 60, а Шойжид и Долгор – около 20). Может быть поэтому он вводит любовную линию героинь к молодым, но слабым мужчинам. Однако автор не винит их за отступничество и измену, этими сценами он обличал саму жизнь и то общество, в котором женщине требуется быть героиней, чтобы остаться честной.

Сюжетное движение приводится в действие непримиримым конфликтом нойонов и простых аратов. Этому подчинены и композиция, и идейно-философская концепция пьесы. Резюмируя, можем сказать о том, что драма вобрала в себя романтический пафос, возвышающий отверженного свободолюбивого героя. С другой стороны, Б. Барадин создает мощное реалистическое полотно, основанное на традициях критического реализма, с его социальным анализом действительности.

Таким образом, мы приходим к выводу, что «Шойжид» представляет собой драму социального масштаба, критикующую жизнь нойонов и

бесправие простого народа. Пьеса, поставленная на сцене Агинского театра в 1920 году, имела «шумный, надолго запомнившийся успех... все это было внове и привлекало внимание, западало в душу бурятского зрителя той поры» [226, с. 93].

Еще одним новаторским произведением бурятского литературного наследия стала стихотворная пьеса Б. Барадина «Великая сестрица шаманка» («Ехэ удаган абжаа», 1921). Следует отметить, что реальность театрального процесса в стране в целом была такова, что сцена и режиссура были активнее драматургии, поэтому «лейтмотивом становится мысль о том, что драматурги должны создать для современного театра новые законы» [257, с. 13]. Таким новым толчком и выходом из печальной ситуации известный критик 1920-х годов П. Марков видел создание поэтической драмы. По его мнению, «возведение "материала" до высокой и обобщенной словесной формы, переход к самому существенному в понимании исторической эпохи» [цит. по 257, с. 13-14]. Однако о лирике в драме в те годы наиболее распространенным было следующее мнение: «Зачем она нам в советском строительстве, когда у нас идет такое чертовое строительство, а тут любовная лирика будет проходить по всей пьесе» [173, с. 83].

Многовековые поэтические национальные традиции достаточно активно проявились в творчестве бурятских писателей первого послереволюционного десятилетия. В ярком даровании Б. Барадина лирический элемент, на наш взгляд, был наиболее силен. Единство поэзии и мирочувствования, ставшее отличительной чертой его пьесы «Великая сестрица шаманка», не противоречило стремлению к объективности в изображении социальных типов, драматизма личных судеб, способствовала выражению глубоко волновавших писателя гуманистических проблем.

Жанр, в котором была написана «Великая сестрица шаманка» бурятские литературоведы определяли как историческую трагедию [131, с. 70], поскольку в основу драмы легла знаменательная поездка хоринских бурят в 1701 году в Москву. Укрепившись в Забайкалье, «служилые и всяких

чинов люди» при колонизации края стали притеснять местное население. Эти притеснения начали принимать настолько широкие размеры, что хоринские буряты, отчаявшись найти защиту у местных властей, вынуждены были отправить делегацию, возглавляемую зайсаном галзутского рода Баданом Туракиным, с челобитной к Петру I. В ней они указывали: «были нам от них разорения, обиды и налоги большие, брали с нас, холопей твоих головщины непомерные насильством» [168, с. 84-85].

В пьесе автор достоверно передал социально-политическую атмосферу XVIII века. Это знаменательное историческое событие неординарным общественным деятелем Б. Барадиным было соотнесено с современными ему историческими процессами 1920-х годов и со всей исторической протяженностью в целом.

А.Б. Соктоев полагает, что время написания пьес «Шойжид» и «Великая сестрица шаманка» было периодом «отчаянной борьбы бурятского буржуазного национализма за претворение своих сепаратистских устремлений, период его агонии в связи с нежелательным для него историческим развитием событий (крах атамана Семенова, японской интервенции, колчаковщины, крушение иллюзий даурского периода борьбы за создание "Великого монгольского государства"). Одним словом, это был период не только наивысшего подъема надежд и упований бурятского буржуазного национализма, но и начала их спада. Национализм, возникший на бурятской почве, впервые почувствовал, что почва под его ногами заколебалась» [290, с. 355]. Однако анализ исторических фактов, документов, писем, протоколов различных заседаний и съездов свидетельствует, что для общественных деятелей Бурятии, в частности Ц. Жамцарано и Э.-Д. Ринчино, на чью антисоветскую и панмонгольскую деятельность ссылается автор, ничего в этом времени не было драматического и трагического. Тяжелый и сложный в политическом плане 1919 год сменился годами плодотворного революционно-политического и научного творчества.

Что касается литературного творчества Б. Барадина, то А. Б. Соктоев

полагает, что «в своей предсмертной агонии литература бурятского буржуазного национализма, впервые за свою небольшую историю развития... при котором ее трагическое ощущение современности... в отчаянии исторгает из своих глубин последнюю "героическую" ноту, стремящуюся во что бы то ни стало спасти раскалываемую на части "национальную целостность", но эта ее "героическая" нота захлебывается в подспудном сознании неизбежной своей обреченности и поражения» [290, с. 388].

Соотнесение пьесы с современными времени написания историческими фактами показывает, что ее действие апеллирует к реальному настоящему – гражданской войне, интервенции, семеновщине и ближайшему будущему, которое в монологах героев мыслится светлым и радостным, в противоположность мрачному, лишенному какой-либо ценности настоящему. Тем самым, на наш взгляд, Б. Барадин отразил главную художественную драматургическую задачу: расширить сознание зрителя, показать ему события, происходившие в далеком прошлом и научить его в открывшейся перспективе увидеть и оценить не только прошлое своего народа, но и его настоящее время.

На такое счастливое будущее настраивают предсказания шаманов и пророчества Нагарая и Эрезхэн, которых в тексте достаточное количество.

Нагарай: Станете народом,
 Не угнетающим никого,
 Не угнетаемым никем,
 Под счастливой звездой,
 С несокрушимой мощью,
 С прекрасной славой,
 Творящим вечные дела,
 Пользующимся достойным счастьем.

Критики творчества Б. Барадина считали, что, изображая прошлую историю бурят, в обличениях царской политики, он выступает против

большевиков, вызывает антирусские настроения [290, с. 389; 342, с. 231]. Для подтверждения данного тезиса приводятся монологи Эреэхан (предсмертный) и Бадана Туракина. В контексте вульгарно-социологического подхода они осмысливались как «лебединая песня умирающего бурятского буржуазного просветительства» и как стремление «объединить интересы богатых и бедных бурят общей ненавистью к великому русскому народу» [290, с. 393].

Эреэхан: Когда-то радость закончится,
Снова придет время несчастий.
Когда-то потом
Вновь подвергнетесь нашествию врагов,
Снова будете невероятно страдать.
Но, познав все мученья,
Достигнете намеченного,
Тела ваши окрепнут,
Мысли прояснятся,
Разум ваш просветлеет,
Улучшатся ваши нравы,
Освойте науку –
Станете сильными,
Не будете поклоняться родовитости,
Людей оценивать станете по уму,
Нойонов выбирать не по знатности,
Не будет различий между мужчиной и женщиной.

Бадан Туракин: Не попадать под пяту
Многочисленных русских
Не попираť людей
И самому не быть попраным.

Однако современное прочтение пьесы показывает, что указанного подтекста антирусской направленности и призывов к борьбе с большевиками

здесь нет. Даже слова из монологов Эреэхэн и Бадана: «Вновь подвергнетесь нашествию врагов, снова будете невероятно страдать», «Не попадать под пяту многочисленных русских» в целом не говорят об этом. Кроме того, монолог Б. Туракина, как и реплики героев пьесы «Шойжид» показывают, что Б. Барадин отнюдь не игнорировал классово-дифференцированный подход, примерами которого могут служить слова Олзобоя: «Не русские переселенцы виноваты. Виноваты русские чиновники и наши нойоны... Русские цари и чиновники обирают нас аратов» и Старика: «Наши мысли, что русские цари и чиновники беспокоятся о нас, оказывают нам разные милости – неправда. Наоборот, подарив награды и дэгэлы нашим нойонам, нас, простых аратов, обирают» автор противопоставляет простой народ – русских переселенцев и аратов эксплуататорским классам, правящей верхушке. То есть, своими пьесами Барадин давал возможность зрителям воочию увидеть эксплуатацию правящего класса и народного стремления освободиться от социального и национального гнета политики царского правительства. Кроме того, слова «антирусской» направленности автор вкладывает в уста отрицательного героя пьесы – Бадана Туракина, показывая тем самым свою собственную позицию.

Что касается панмонгольских тенденций в деятельности буржуазной интеллигенции и Б. Барадина, в частности, по объединению монгольских племен в единое общемонгольское государство, то их при желании, конечно, можно усмотреть в высказываниях, вложенных в уста героев. Б. Барадин много писал по поводу культурного единства бурят и монголов, создания литературного языка на основе халхасского диалекта, использования достижений буддийского культурного наследия. В репликах и монологах его героев заключена мечта автора по возрождению бурятского народа, об обществе социального и гендерного равенства, где все будут счастливы и образованы.

Помимо указанных «идеологических недостатков», объектом критики драматических произведений Барадина в бурятском литературоведении стало

увлечение автором шаманскими призываниями и гимнами, которые он считал вершиной поэтического творчества бурят, в натуралистичности и этнографичности некоторых сцен, в частности шаманских камланий, сцен самопожертвований и т.д. [131, с. 70-71; 290, с. 210]. Выводя в качестве главных героев пьесы «Великая сестрица шаманка» шаманов Нагарая и Эреэхэн, Б. Барадин в художественной форме стремился выразить свои эстетические взгляды. Выше нами отмечалось, что именно шаманская поэзия, по мнению Барадина, должна была сыграть исключительную роль в области выработки «художественно-языкового литературного стиля и в области сценического искусства, музыки и пения» [44, с. 80]. Поэтому особенное внимание Барадин уделяет роли сценической условности, активно используя сцены-видения, монологи-предсказания, мистические представления.

В этом контексте драма Б. Барадина перекликается с драматической поэмой «Красный шаман» (1918) корифея якутской драматургии П. Ойунского, которая также проникнута мистериальным и метафизическим планом. Произведениями классическими их, на наш взгляд, делает то, что они устремляются за пределы реальной общественной и частной жизни, от плана эмпирически-бытового движутся к плану мистериальному. Сцены шаманского камлания, мистического разговора с духами приближают эти пьесы к лирической драме, ведущей «родословную от драматической поэмы Ф. Шиллера "Дон Карлос", которая представляет собой "лирический монолог автора, как бы разделенный между персонажами"» [17, с. 322].

С позиций современности, в условиях возвращения к национальным корням, традиционным верованиям, мы понимаем, что данный недостаток произведений Б. Барадина был определен искусственно. Кроме того, не выдерживает критики и тот аспект, что главной героиней стала шаманка, поскольку в начале XVIII века – господства патриархальных нравов не могло быть и речи о поездке простой бурятки в составе подобной делегации.

Творчески переработав богатое фольклорное наследие, органично

вводя в канву пьесы молитвы и песни шаманов, яркие краски в описании природы, богатство мыслей и образов, Б. Барадин создал произведение, равного которому, на наш взгляд, в те годы не было. Это первое крупное стихотворное полотно, написанное с использованием разнообразных возможностей бурятского языка, намного раздвинуло границы национального художественного творчества в дальнейшем развитии драматургии и в формировании поэтических жанров бурятской литературы. Фольклорные мотивы, народнопоэтическая образность, которые были положены в основу пьесы, отвечали интересам зрителей, были близки и понятны им, поскольку сами зрители воспитывались в традициях народнопоэтического творчества.

В этом произведении автор органично соединил эпико-историческое и лирическое начала с драматическим действием. Лирическое начало было обусловлено использованием песен и шаманских призываний, введением в монологи героев метафоричности: сравнений, образных выражений, ярких эпитетов; малыми жанрами обрядовой поэзии: благопожеланиями, заговорами, проклятиями и заклинаниями. Эпическое начало характеризуется отражением народной жизни, народной идеологии, расширением пространства и времени, вневременной заинтересованностью в победе добра над злом. Используемые исторические факты у Барадина становятся объектом мифологизирования, поэтому главной темой становится судьба бурятского народа, его национальное самоопределение, на что в целом была направлена вся общественно-политическая деятельность Базара Барадина.

Таким образом, обобщая творческий путь известного бурятского писателя Б. Барадина, мы полагаем, что идейно-политическая позиция и эстетические взгляды Б. Барадина расходились как с партийными установками, так и общественной практикой, поэтому в середине 1920-х годов пьесы Барадина «Шойжид» и «Великая сестрица шаманка» оказались в эпицентре ожесточенной идеологической борьбы. Одни давали им

преувеличенно восторженную оценку, другие – уничижительную. Недопонимание многих сторон пьес послужили основой для резкой критики за антирусскую направленность, призыв к национально-государственному объединению бурят и монголов, за насыщение пьес шаманскими обрядами и мистическими представлениями. После объявления Б. Барадина «врагом народа» в качестве господствующей утвердилась отрицательная оценка его творчества, сопровождавшаяся эпитетом «буржуазно-националистическая», который имел значение «политически отрицательного ярлыка» [227, с. 87].

«Доказательная база» была выстроена на отдельных взглядах и высказываниях как самого Б. Барадина, так и героев его произведений, зачастую вырванных из контекста и получавших истолкование только в определенном смысле. При этом детального идейно-художественного разбора произведениям не давалось.

Мы стоим на позиции, что для творчества Базара Барадина было характерно отражение национального мировоззрения через морально-нравственные ценности и традиции бурятского народа. В своих пьесах он обращал внимание на эмоциональную сторону духовности бурятского народа, акцентировал морально-нравственную сущность человека, тем самым подчеркивая, что в философском и социальном проявлении конфликтов содержится личностное начало. Б. Барадин не славословил новый строй, не вел идейную борьбу, как того требовали цели и задачи нового времени, но выполнял иную философско-культурную задачу. С помощью знакомых, а соответственно понятных бурятскому народу известных исторических фактов и художественных средств, он пытался описать новый образ жизни, который должен был отразить перемены в самосознании народа, произошедшие после революции, и определить свою роль в мировом контексте. Кроме того, ему удалось определить и выделить систему нравственных координат, которые способствовали бы духовному росту и самосознанию нации. Неудивительно, что его пьесы пользовались любовью народа.

Суммируя вышесказанное, отметим следующее. Во-первых, поставленные перед литературой задачи показа народной жизни, революционной активности, нравственного смысла социокультурных преобразований были реализованы национальными бурятскими писателями. В своих произведениях они пытались запечатлеть актуальные процессы классовой борьбы, показать положительные моменты становления нового строя и критику старого быта. Проанализированное литературное творчество конкретных писателей отражало их видение насущных социально-политических и культурных проблем, касающихся как их самих, так и всего общества. Именно это является характерной чертой литературы любого народа, в том числе и бурятского. Здесь уместно привести мнение литературоведа Х. Грасхофа о том, что литература представляется «целеустремленным процессом, направленным определенному адресату, определенной публике, которую автор желает сделать соучастницей или сообщницей своего литературного творчества. Ни одно литературное произведение не возникало никогда само по себе, а всегда как послание определенному кругу людей, которые должны были стать его слушателями или читателями, независимо от того, обращался ли автор к одной социальной группе, к целому классу, ко всей нации или к еще несуществующей публике будущего» [цит. по 89, с. 55].

Во-вторых, в условиях окончательного утверждения позиции о наличии панмонгольских настроений среди бурятской национальной интеллигенции, утверждалась мысль о создании ими массовой законспирированной организации. Так была создана целостная концепция, основанная на критике идеологии панмонголизма, которая не позволила дать объективный анализ литературному творчеству выдающихся общественных деятелей. В 1930-е годы главную опасность критики видели в отходе от «народных задач, в индивидуализме героев, в их способности к осознанию и осмыслению своего места в судьбе народной, к сотворению себя и жизненных обстоятельств» [35, с. 235]. В целом литературные произведения

Б. Барадина, Ч.-Л. Базарона, Ж. Батоцыренова, П. Дамбинова, Д. Дашинимаева, Ц. Дондубона оценивались бурятским литературоведением как попытка приспособиться к новым условиям, отмечалось, что они поэтизировали старые «общенациональные» идеи «классового мира» в бурятском обществе и другие буржуазно-демократические идеалы [см.: 131, 285].

В-третьих, уже в начале 1930-х годов практически окончательно сформировался автократический тип культуры, характеризующийся рядом специфических особенностей: иерархия создателей культурного продукта, высокая степень упорядоченности всех элементов культуры, канонизация культурных образцов и норм поведения, исключение идеологически чуждых культурных элементов, стремление к целостности, романтизация целей и героев советского общества.

3.3. Реабилитация бурятской культурной элиты и ее творческого наследия во второй половине XX – начале XXI веков

С середины 1950-х годов в истории отечественной культуры наступает новый период. Произошедшие важные для всей страны политические события после смерти И.В. Сталина в марте 1953 года изменили, в том числе и отношение репрессированных деятелей культуры, национальной интеллигенции. В социокультурной жизни XX Съезд ЦК КПСС 1956 года, провозгласивший развенчание «культы личности», на первый взгляд, означал снятие идеологических ограничений. Происходившие в стране процессы получили отражение в художественных и публицистических произведениях отечественных писателей, среди которых можно отметить «Времена года. Из летописей города Энска» В. Пановой, «Волга-матушка река» Ф. Панферова, «Об искренности в литературе» В. Померанцева, «Оттепель» И. Эренбурга и другие. Последнее произведение вызывало особенно неоднозначную реакцию и многочисленные дискуссии. Несмотря на то, что сегодня повесть практически забыта, ее название стало символом целого периода в жизни страны. В этом произведении «отчетливо прозвучала мысль о том, что

атмосфера, сложившаяся в обществе, губительна для интеллигенции» [35, с. 143], а имя И. Эренбурга стало ассоциироваться с антисталинскими настроениями.

Выше нами отмечалось, что в ходе исторического процесса в силу различных идеологических, религиозных, классовых и других условий в государстве происходит переориентация системы ценностей и культурных практик. Зачастую этот процесс сопровождается подавлением политических противников, запретом научной и творческой деятельности. Однако в ходе общественного развития имеет место и обратный процесс, который обозначается общим понятием – реабилитация.

Современные словари дают следующее определение. «Реабилитация (от лат. *rehabilitate*, от *re* – вновь, опять, снова + *habilitate* – пригодность, способность) – восстановление гражданина в судебном или административном порядке в социально-политических и гражданских правах, устранение иных последствий противоправного применения к нему мер принуждения или иного ограничения его прав и свобод со стороны государства» [367]. В целом в широком общественном процессе реабилитации обвиненных и осужденных по 58 статье УК РСФСР мы можем выделить несколько этапов.

XX Съезд КПСС 1956 года стал знаменательным событием в социокультурной жизни страны. Доклад Н.С. Хрущева, развенчавший культ И.В. Сталина, обусловил политическую и общественную переоценку деятельности и наследия репрессированных в 1930-х годах. Этот Съезд положил начало первому этапу в процессе по дополнительному расследованию уголовных дел, следствием которого стала публичная реабилитация осужденных по ст. 58 УК РСФСР. Исследователями процессов реабилитации отмечается, что в период первого этапа «удалось посмертно и очно реабилитировать около 750 тыс. из более чем 3,5 млн. ... осужденных по политическим мотивам» [304, с. 67].

Бурятский литературовед Е.К. Шаракшинова характеризует этот

период как «настоящий переворот в умах... нет полемики, нет споров на идеологической почве... все работают на правду истории бурятской литературы» [268, с. 294]. В целом в Бурятии процесс реабилитации осуществлялся в этот период в двух направлениях: признание неправомерности уголовного осуждения и общественное признание научных и творческих заслуг.

Уголовная реабилитация культурной элиты, научной и творческой интеллигенции происходила следующим образом. Чойжил-Лхама Базарон расстрелян 2 декабря 1937 года, посмертно реабилитирован 19 июля 1957 года Военной прокуратурой ЗабВО [144]; Базар Барадиевич Барадин – 24 августа 1937 года, посмертно реабилитирован 27 марта 1958 года Решением Верховного Суда СССР [57, с. 22]; Жигжитаб Батоцыренович Батоцыренов – 4 декабря 1937 года, посмертно реабилитирован 31 марта 1956 года «Постановлением комиссии Иркутской области по пересмотру уголовных дел на осужденных за контрреволюционные преступления» [152]; Петр Никифорович Дамбинов – 14 февраля 1938 года, посмертно реабилитирован 1 августа 1957 года Военной коллегией Верховного суда СССР [57, с. 51]; Дамба Дашинамаевич Дашинамаев – 14 июня 1938, посмертно реабилитирован в 1957 году [296]; Цыденжап Дондупович Дондубон – 14 июня 1938 года, посмертно реабилитирован 20 апреля 1957 [57, с. 51]; Агван Доржиев был арестован 13 ноября 1937 года, «приговорен к высшей мере наказания, 29 января 1938 года скончался в тюремной больнице, посмертно реабилитирован 20 июля 1960 года Читинским облсудом» [144]; Цыбен Жамсаранович Жамцарано приговорен к 5 годам исправительно-трудовых лагерей, 14 мая 1942 года скончался в Соль-Елецкой тюрьме, посмертно реабилитирован Верховным судом СССР в 1956 [144]; Никита Иванович Занданов расстрелян 23 июня 1938 года, в 1937 году была арестована его жена Елизавета Викентьевна Занданова, приговорена к 10 годам ИТЛ, и еще восемь родственников, которые были расстреляны, «посмертно реабилитирован 14 мая 1957 года военной коллегией Верховного суда СССР»

[218]; Сорон Спиридонович Михаханов – 7 декабря 1937, посмертно реабилитирован 29 октября 1957 года военным трибуналом ЗаБВО [152]; Дондок-Ринчин Намжилон – 21 июня 1938 года, посмертно реабилитирован 2 сентября 1957 года Читинским облсудом [144]; Элбек-Доржи Ринчино – 23 июня 1938 года, посмертно реабилитирован решением Военной коллегии Верховного суда СССР 8 августа 1957 года [112; 341]; Санжижаб Ширапович Ширабон – 10 июня 1938 года, посмертно реабилитирован в 1958 году [144].

Процесс общественной реабилитации был связан с введением в поле научных и публицистических изысканий имен репрессированных общественных и религиозных деятелей. Достаточно уникальным фактом можно считать упоминание о писателях-ламах, таких как Э.Х. Гальшиев, Г. Дылгыров, Р. Номтоев [см.: 268]. В периодической печати появляются публикации, в которых дается объективная оценка творчества и общественного вклада в развитие национальной бурятской культуры репрессированной интеллигенции. Однако таких статей было совсем немного, массового характера они не имели. Тем не менее, Е.М. Залкинд – известный отечественный историк и этнограф – доказывал верность художественно-творческих позиций П. Дамбинова в статье «В защиту поэта: Критическая заметка о творчестве Солбонэ Туя» [см.: 121]. Анализ и оценку литературного творчества до 1925 года П. Дамбинова в соответствии с его мировоззренческой позицией осуществил Г.О. Туденов – ученый-литературовед – в статье «Творчество Солбонэ Туя» [см.: 311]. Ц.-А. Дугарнимаев – только начинающий в тот период литературовед и критик – положительно оценил вклад Ц. Дона в становлении и развитии бурятской литературы [см.: 101]. А.А. Бальбуров – бурятский писатель – доказывал, что критика публициста В. Бушина художественного наследия Ц. Дона не имеет под собой объективных оснований, поскольку литературный критик осуществляет очень поверхностный анализ произведений указанного писателя [см.: 40]. В целом повторимся, что подобных публикаций было не очень много.

Однако говорить о каком-либо переломе общественного сознания в отношении репрессивной политики конца 1930-х годов и общественных деятелей, объявленных «врагами народа» нет оснований. Этот этап реабилитации носил двойственный характер, что было обусловлено наличием противоречащих тенденций в оценке общественно-политической и научно-творческой деятельности репрессированных. Об этом свидетельствует резолюция XX Областной партийной конференции (январь 1958), в которой, несмотря на проводимые меры по реабилитации, «прозвучала резкая критика в адрес писателей и ученых, занявшихся изучением и популяризацией произведений, авторы которых в недавнем прошлом "допускали националистические ошибки и извращения"» [57, с. 41].

Особенно эти тенденции нашли отражение в научных исследованиях. Так, в 1950-1960-е годы вышел целый ряд работ, в которых национальное движение в Бурятии в начале XX века получило широкое освещение с позиций социально-экономического и политического положения дореволюционной Бурятии. В них также представлен анализ деятельности представителей разных политических партий меньшевиков, эсеров, большевиков. Но не получила должного и всестороннего осмысления концепция панмонголизма, политические и культурные формы ее реализации, что, на наш взгляд, должно было стать основополагающим фактором в понимании деятельности национальной интеллигенции, причин репрессий в их отношении в геополитических условиях 1930-х годов и возможности реабилитации. В реалиях «подлинная история и мотивы осуждения лиц, уже реабилитированных, не оглашались, а попросту замалчивались» [129, с. 249].

Вне объективного анализа также оставались достижения бурятских национал-демократов по сохранению и трансляции богатейшего культурного наследия: старомонгольской письменности, шаманской поэтики, буддийской религии, традиций дацанского искусства. Но оставалась жесткая оценка их научной и творческой деятельности, в основе которой лежали, в том числе

идеологические аспекты в отношении использования культурного наследия. Так, А.Б. Соктоев подверг достаточно острой критике научно-исследовательскую работу В.Ц. Найдакова, посвященную проблемам генезиса и развития бурятской драматургии, за положительный анализ влияния традиций буддийской культуры на становление и развитие современной бурятской драматургии [см.: 289]. Данная работа молодого бурятского исследователя-литературоведа В.Ц. Найдакова получила достаточно жесткую оценку И.Л. Дульбинова за положительную характеристику драматургии Б. Барадина, Д.-Р. Намжилона и лирики П. Дамбинова, М. Саридака. Указанные писатели в 1920-1930-е годы активнее других предлагали не только активно использовать, но и сохранять традиции культурного наследия, в первую очередь буддийского и шаманского, при создании национальной бурятской культуры, в частности, литературы и искусства [см.: 104].

Наибольшее количество научных изысканий было осуществлено в области литературоведения, но и здесь сложный вопрос реабилитации творческого наследия репрессированных писателей рассматривался односторонне, в большей степени лишь в отношении личности писателя, но не его мировоззрения и анализа особенностей отражения в литературных произведениях.

Наиболее значимым среди научных исследований является «История бурятской советской литературы» (1967). Этот фундаментальный труд не потерял своей научной значимости и сегодня, спустя пять десятилетий. В нем впервые был осуществлен, на наш взгляд, достаточно объективный анализ произведений Ч.-Л. Базарона, Б. Барадина, П. Дамбинова, Ц. Дона и Д.-Р. Намжилона. Также они получают признание как основоположники национальной бурятской литературы, как новаторы, раздвинувшие ее границы. Исследователями дается довольно высокая оценка драматическим произведениям Б. Барадина, поэтическим – С. Туя (П. Дамбинова), прозаическим – Ц. Дона [см.: 131].

Таким образом, можем констатировать, что первый этап, проходивших на территории всего государства реабилитационных мероприятий, в большей степени характеризовался непоследовательностью, ограниченностью всего процесса. В целом он не получил логического завершения, поскольку была осуществлена уголовная, но не политическая реабилитация [см.: 183; 35]. Системного правового обеспечения восстановления репрессированных в социально-политических и гражданских правах не состоялось. В Бурятии, несмотря на реабилитацию по уголовной статье, осуществленную различными государственными органами в конце 1950-х – начале 1960-х годов, восстановление в членах Союза писателей СССР, этот процесс носил консервативный характер. В общественном сознании сохранилось негативное отношение к репрессированным общественным, религиозным и творческим деятелям и их наследию.

В анализе социокультурной деятельности репрессированных конца 1960-х и 1970-х годов вновь доминирует идеологическая составляющая. В 1967 году была опубликована статья бурятского историка Б.Д. Цибилова «Ильич у колыбели бурятской государственности». Публикация стала не только одной из первых попыток, но и практически единственным примером на этом этапе анализа национального движения Бурятии в дореволюционный период. В ней была осуществлена попытка объективного показа роли и места национальной интеллигенции [см.: 342]. Однако поиск «буржуазно-националистических проявлений» оставались основной общественно-политической тенденцией. Потому неудивительно, что данная попытка вызвала очень резкую и жесткую критику на бюро Бурятского Обкома КПСС. Позднее, в 2004 году Б.Д. Цибилов – бурятский историк – в предисловии к своей книге «Бурятские ученые национал-демократы», концепция которой была сформулирована еще в 1960-х годах, отмечает, что в конце 1960-х годов на архивных материалах по данной проблематике стояла резолюция Секретаря обкома Бурятской АССР А.У. Модогоева: «Не показывать исследователям» [341, с. 4]. Согласимся с мнением бурятского

историка В.А. Хамутаева, что именно бурятскому исследователю Б.Д. Цибикову принадлежит «главная роль в начале реабилитации... основателей бурятской государственности» [335, с. 21].

В целом в научно-исследовательской и культурно-творческой жизни Бурятской АССР «стали нормой разносные рецензии, несправедливая, грубая критика, отрыв от научной основы литературоведения» [35, с. 175]. Считаем необходимым привести мнение исследователя бурятской литературы А.Б. Соктоева в середине 1970-х годов, следующим образом характеризующего деятельность национальной интеллигенции в 1920-1930-е годы. «Национальная буржуазия и ее трубадуры, буржуазные националисты в этот период демонстрируют не просто национально ограниченный буржуазный характер своих интересов и устремлений, но, главным образом, свою воинственную контрреволюционную, антисоветскую и антибольшевистскую направленность, окончательно сбросив с себя маску невинных защитников "бурятской национальной демократии", ибо в своей деятельности они ополчились против насущных социальных и политических интересов собственного народа... тем самым проявив свою антинародную сущность» [290, с. 319].

Бурятский историк Б.В. Базаров полагает, что в монографии литературоведа А.Б. Соктоева с новой силой доказывалось не только наличие буржуазного национализма, но и обосновывалась правомерность проведения жесткой репрессивной политики в отношении лидеров национального движения первой трети XX века. Данная работа вновь вводила политические ярлыки [35, с. 13]. Можем констатировать, что труд А.Б. Соктоева является свидетельством того, что, несмотря на осуществленную реабилитацию конца 1950-х, общая установка негативного отношения к личностям и деятельности бурятских национал-демократов оставалась. Подлинная картина жизни национальной бурятской интеллигенции, их мировоззрения и взглядов, осмысление идей и творчества в контексте реализации культурных и политических форм концепции панмонголизма в сложных общественно-

политических условиях в начале XX века – начале 1920-х годов была не нужна. Нам видится, что исследователи полагали идеологически неверным признавать «буржуазных националистов», в высказываниях которых имели место антибольшевистские настроения, сторонниками и прямыми участниками социально-политических изменений в регионе. Тем более, что рядом историков советского периода, отмечалось, что отнюдь не большевики сыграли руководящую роль в Советах Бурятии и установления советской власти [см.: 44]. Данная позиция также не поддерживалась научным и политическим сообществом.

Следующий, второй этап реабилитации напрямую был связан с тенденциями либерализации социокультурной жизни в период перестройки. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в 30-40-х и начале 50-х годов» и Федеральный Закон РФ от 18 октября 1991 года № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» вызвали иной в качественном отношении процесс реабилитации. В плане признания значимости и необходимости осуществления реабилитационных мероприятий на новом уровне актуальность данных нормативно-правовых актов неоспорима. В преамбуле закона отмечается следующее: «За годы Советской власти миллионы людей стали жертвами произвола тоталитарного государства, подверглись репрессиям за политические и религиозные убеждения, по социальным, национальным и иным признакам.

Осуждая многолетний террор и массовые преследования своего народа как несовместимые с идеей права и справедливости, Федеральное Собрание Российской Федерации выражает глубокое сочувствие жертвам необоснованных репрессий, их родным и близким, заявляет о неуклонном стремлении добиваться реальных гарантий обеспечения законности и прав человека.

Целью настоящего Закона является реабилитация всех жертв

политических репрессий, подвергнутых таковым на территории Российской Федерации с 25 октября (7 ноября) 1917 года, восстановление их в гражданских правах, устранение иных последствий произвола и обеспечение посильной в настоящее время компенсации материального ущерба» [2].

Этот период характеризуется доминированием либеральных демократических ценностей, вследствие чего в официальной науке доминировала антисталинская позиция. Исследования подчеркивали антигуманный характер государственной политики, а репрессированные деятели и их произведения становились объектом идеализации.

Кардинальные изменения в социально-политической сфере, идеологический плюрализм обусловили появление оппозиции к либерально-демократическим взглядам. С начала XXI века сосуществует разнообразие противоречащих друг другу ценностно-мировоззренческих положений. Научно-исследовательский и общественный интерес к репрессивной политике 1930-х годов разделил российский социум на поддерживающих ее и выступающих с критикой данной политики. Это предопределило насущную необходимость и актуальность вычленения объективных оснований для характеристики и оценки как исторических событий первой трети XX века, так и людей, осуществлявших общественно-политическую и художественно-творческую деятельность.

Этот третий этап в процессе реабилитации можно охарактеризовать как качественно новый этап, заключающийся в формировании другого взгляда на исторические события первой трети XX века, который отличается как от апологетического, так и от негативистского подходов. Научное объективное изучение различных аспектов формирования и развития национальной бурятской культуры и литературы, общественно-научного и творческого наследия и судеб репрессированных деятелей можно определить как самостоятельное исследовательское направление, базой которого становятся иные теоретико-методологические подходы и принципы.

Репрессивная государственная политика 1930-х годов является

наиболее болезненной темой, не только вызывающей самые острые дискуссии, но и формирующей идеологических противников, поддерживающих или критикующих эту политику. Обе стороны активно апеллируют к историческим фактам, архивным данным, другим документам, но с различными оценочными выводами. Общеизвестными становятся примеры намеренного искажения фактологического материала, ярко выраженный субъективизм в подаче материала, что обусловлено не в последнюю очередь конъюнктурными соображениями. Мы не занимаем крайности позиций ни одной из этих сторон. Основную исследовательскую задачу видим в необходимости непредвзятого анализа противоположных суждений, выработке общей методологической базы и научного инструментария в понимании государственных задач осуществления репрессивной политики.

Во-первых, отправной точкой в анализе репрессивной политики должно стать понимание объективных причин осуществления подобной государственной политики и ее целесообразности, условием которой являлось сохранение целостности и безопасности государства. С образованием СССР был осуществлен идеологический и социально-политический раскол мира, где наша страна была единственным государством, строившим социализм. В этой связи в геополитическом плане до конца 1930-х годов Советский Союз находился во враждебном окружении, что особенно обострилось победой фашизма в Италии и Германии. Поэтому большевистское руководство главную задачу видело в выживании государства и сохранении политического строя.

Исходя из этого, главным критерием оценки общественной и творческой деятельности и последующих обвинений стал политический подтекст. С позиций большевистской идеологии бурятские общественные деятели выступали как представители идейного течения, ставящие своей целью актуализацию национальных ценностей в формировании социалистической культуры. Официальная доктрина провозглашала

интернационализм, где этничность не должна быть преобладающей. Идеи национальной идентичности, целостности национального самосознания, реализовавшиеся еще в дореволюционный период, переноса элементов буддийской и традиционной культуры бурят в формирование бурятской социалистической культуры было чуждо идеологии большевизма именно в силу политических конъюнктур, определяющихся политикой формирования единого советского народа. Это, с одной стороны, означало необходимость изъятия этих элементов из культурного строительства и их замену, с другой – избавления от «ненадежных» личностей, которые на первое место ставили этничность, кроме того, имевших антибольшевистские высказывания.

Во-вторых, обращение к описанию и характеристике творческого наследия репрессированных общественных и литературных деятелей показывает, что в ходе политических репрессий национальной культуре Бурятии был нанесен ущерб. Физическое устранение писательских кадров, многие из которых находились в расцвете творческих сил, негативно отразилось на развитии национальной культуры и литературы в целом. Это обусловило необходимость возвращения в современное социокультурное пространство актуального научного и творческого наследия репрессированных общественных деятелей. Полагаем, что это, в первую очередь, необходимо для сохранения культурной памяти.

Вопросы трансляции национального культурного наследия, представляющего собой совокупность достижений этноса в прошлом и настоящем, и сохранения культурной памяти особенно актуализируются сегодня, являясь одними из главных проблем культуры XXI века. Существование и поступательное развитие общества напрямую связано с процессами усвоения, сохранения и трансляции культурно-исторического опыта. Именно преемственность является механизмом обеспечения целостного и ценностного бытия человека и общества. Ю.М. Лотман, осмысливая культуру с позиций ее социальной сущности, акцентировал внимание на том, что этот опыт должен сохраняться, поскольку в конкретных

социально-исторических условиях он может актуализироваться [см.: 199]. Так происходит и сегодня относительно многих аспектов деятельности бурятской интеллигенции первой трети XX века.

Соглашаясь с этим положением Ю.М. Лотмана, отметим, что именно память понимается как фундамент формирования культурной идентичности, служит фактором укрепления ощущения единства, несмотря на имеющиеся различия сословного, религиозного и иного характера внутри отдельного этноса и в целом государства. Имплицированные в культурной памяти ценностные идеи и «знание о прошлом» непосредственно связаны и с исследованием и возвращением в социокультурное пространство научного и художественного творчества репрессированных деятелей.

Здесь особое место занимает проблема сохранения и трансляции мемориального наследия: произведений художественной культуры, социокультурная деятельность репрессированных представителей национальной интеллигенции. Осознаваемое как неотъемлемая часть культурного наследия, все это является значимыми и существенными компонентами трансляции исторического и социокультурного опыта. Именно в этом контексте оно представляет собой богатейший и неиссякаемый источник всесторонней информации об этносе, регионе и всего государства. Что касается научной рефлексии, то комплексное исследование культурного наследия становится сегодня приоритетным направлением государственной культурной политики. Это обусловлено, в первую очередь, антропоцентричностью современной науки, пониманием роли личности, аксиологического анализа ее деятельности. При этом ценностный аспект культурного наследия личности напрямую связан с этнокультурной средой, социокультурными условиями и факторами исторической эпохи.

Реабилитация репрессированных представителей национальной бурятской интеллигенции и их наследия становится сегодня требованием времени. В общественной жизни процессу реабилитации способствуют разного рода социокультурные практики, основной целью которых является

сохранение исторической и культурной памяти. С другой стороны, объективная оценка репрессивной политики, анализ культурных и политических форм реализации концепции панмонголизма позволяют избежать различных спекуляций на тему национальных, религиозных, политических и мировоззренческих вопросов. Этот аспект, на наш взгляд, сегодня в условиях плюрализма имеет главенствующее значение.

В процессе реабилитации важное место занимает анализ социокультурного портрета личности. Знакомство с биографическими данными, жизненными позициями, особенностями мировоззрения, окружением, подвигшими на те или иные поступки, дают возможность и понимания их деятельности. В этом плане большую помощь могут оказать письма, дневники, воспоминания современников, учеников, рукописи произведений, личные научные записи, в первую очередь позволяют дать целостную картину как деятельности личности, так и личностных качеств. Однако в нашем случае трудность заключается в том, что такого фактологического материала очень мало, в нашем случае они большей частью были изъяты при аресте. Именно этим, в том числе, можно объяснить сложившуюся ситуацию, что и сегодня широкой общественности неизвестны даже имена кандидатов и членов Союза писателей Ч.-Л. Базарона, Н. Занданова, С. Михаханова, Д.-Р. Намжилона, С. Ширабона.

Говоря об исторических судьбах репрессированных деятелей Бурятии, полагаем необходимым остановиться подробнее на социокультурном портрете, предоставляющем возможность знакомства с важными фактами биографии, вкладом в национально-культурную и литературную жизнь Бурятии.

Чойжил-Лхама Базарон (1876-1937) являлся членом Союза писателей РСФСР. Основные вехи его жизненного пути представлены следующими видами общественной деятельности: «учитель Агинской приходской школы (1897-1906), Агинского педагогического училища (1930-1933), Зугалайской неполной средней школы (1935-1937); входил в состав экспедиции Г.Н.

Потанина в Монголию и Китай по сбору фольклорного материала; занимал должности ученого секретаря Бурятского ученого комитета, редактора Бурят-монгольского государственного издательства, заведующего отделом народного образования Агинского аймака, Председателя общества просвещения бурят» [57, с. 6]. Автор более тридцати учебно-методических работ: книг для чтения, сельскохозяйственного букваря для взрослых, грамматики бурятского языка, сборника арифметических задач и упражнений. Составленный им «Бурят-монгольский букварь», изданный в 1917 году, стал первым, изданным советской властью для обучения детей и взрослых. «200 загадок агинских бурят», «Пословицы агинских бурят» являются значительным вкладом в этнографические, лингвистические и фольклорные исследования.

Базар Барадиевич Барадин (1878-1937) полагается как один из основоположников бурятской литературы, членом Союза писателей не был. Начальное образование получал в Агинской приходской школе, Читинской Городской трехклассной школе, в частной бурятской гимназии известного тибетского врача П.А. Бадмаева в Санкт-Петербурге. Но отказ от перехода в православие, не позволили продолжить обучение в престижной школе.

Тем не менее, уровень образованности Б. Барадина был достаточно высок, что дало ему возможность в начале XX века побывать в европейских странах, в частности, в Италии, Германии и Швейцарии в качестве переводчика. Эта поездка заметно повлияла на его образование, кругозор, на совершенствование иностранных языков, на знакомство с литературой и культурой западных стран. В 1902 году поступил в Санкт-Петербургский университет на восточный факультет. Его преподавателями стали выдающиеся ученые С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатский и другие. Б. Барадин был прекрасно подготовлен к самостоятельной научно-исследовательской работе. Ярким примером служит серия опубликованных и получивших мировое признание работ после посещения Тибета по заданию Русского комитета при Академии наук по изучению Средней и Восточной

Азии. С этого момента Б. Барадин занял почетное место среди ведущих ученых-востоковедов Российской империи, была присуждена премия им. Пржевальского, также Б. Барадин был принят в члены Российского географического общества.

До Февральской революции 1917 года Б. Барадин работал лектором на восточном факультете Санкт-Петербургского университета. После революции он продолжал активную общественную, научно-преподавательскую и литературную работу уже на родине, стоял у истоков создания первого народного театра в Агинске. Литературные произведения он подписывал Самандабандра. С образованием Дальневосточной республики он стал одним из организаторов и идеологов Бурнацкульта. С 1923 по 1926 годы Б. Барадин был назначен первым Наркомом просвещения, был Председателем Бурятского ученого комитета вплоть до 1929 года. Научные труды и художественные произведения Базара Барадина являются актуальными и востребованными и сегодня.

Жигжитаб Батоцыренович Батоцыренов (1881-1937) являлся членом Союза писателей СССР. В истории Бурятии он занимает достойное место как основоположник бурятской поэзии, как переводчик Литературного фонда, один из первых корреспондентов бурятских газет. Помимо литературной деятельности, после Октябрьской революции занимался активной политической деятельностью. В частности, член Агинского народно-революционного комитета и председателем Адагалигского хошунного управления (1921), член Бурят-Монгольского Центрального исполнительного комитета (1923), член коллегии наркомата земледелия Бурят-Монгольской АССР (1924), центрального крестьянского комитета и городского совета г. Верхнеудинска (1926), являлся ответственным секретарем оргбюро по разработке бурятского алфавита на латинице.

Петр Никифорович Дамбинов (1892-1938) являлся членом Союза писателей СССР. В историю Бурятии вошел как деятель просвещения, один из основоположников бурятской литературы и бурятской критики. До

революции учительствовал в Онхотойском училище, а после революции и до образования ДВР – в Иркутском отделе Бурятского национального комитета, возглавлял Бурятский учительский союз, Бурят-Монгольский народный революционный комитет. При непосредственном участии П. Дамбинова был создан национальный бурятский театр, осуществлялась профессиональная подготовка кадров сферы художественной культуры. За принадлежность к политической партии эсеров в 1922 году он подвергся аресту. Но после публичного выхода из партии, получившем освещение в центральном печатном органе «Правде», был отпущен на свободу.

Очень большую и важную работу проделал П. Дамбинов в области художественной культуры и профессионального искусства Бурятии. Будучи руководителем Художественной секции Буручкама (Бурятский ученый комитет), отправлял полевые экспедиции за уникальным фольклорным и этнографическим материалом, осуществлял их систематизацию, записывал первые рукописные пьесы. Огромной его заслугой является сбор материалов «Об искусстве бурятских дацанов». Сегодня эта рукопись, хранящаяся в Архиве редких рукописей и ксилографов Бурятского научного центра СО РАН, представляет собой несомненную культурно-историческую ценность. Также числу его заслуг принадлежит создание первого литературного журнала «Украшение искусных слов» («Уран угэсун чимэг») в 1927 году. Отметим, что существенную помощь и редакцию осуществлял Б. Барадин. Публикация альманаха стало важной вехой в истории литературы Бурятии.

П. Дамбинов принимал деятельное участие в проведении I съезда писателей Бурятии, который успешно прошел 24 марта 1924 года. Также в 1935 году он стал приглашенным участником съезда писателей Восточной Сибири, а в 1936 году – Всесоюзного съезда по переводу. В том же году в ходе командировки, знакомил народы Советского Союза с литературной жизнью нашей республики. «Путевые заметки, опубликованные под псевдонимом Солбонэ Туя, в ходе этой командировки характеризуются как яркие страницы развития бурятской журналистики» [227, с. 204].

Дамба Дашинимаевич Дашинимаев (1904-1938) – член Союза писателей СССР, один из активных участников Оргкомитета по созданию Союза писателей БМАССР. В историю культуры Бурятии он вошел как литератор, как один из первых поэтов, писавших на бурятском языке, а также как любимый народом поэт-песенник. Особое место в творчестве Д. Дашинимаева занимала переводческая деятельность. С русского на бурятский язык им переведен целый ряд произведений классиков русской литературы И.А. Крылова, А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого и современников – В.В. Маяковского и других.

Выше нами было отмечено, что достижением бурятской профессиональной культуры стало участие в Декаде бурятского искусства в Москве, на которой были представлены первая бурятская опера «Энхэ-Булат батор», музыкальная драма «Баир», лирическая комедия «Эржен». Показательной является история создания драмы «Баир», одним из трех авторов которой был Д. Дашинимаев. В.Ц. Найдакова отмечает, что именно им была написана значительная часть драмы, но в свое время текст был издан только за двумя фамилиями А. Шадаева и Г. Цыдынжапова. «Это было вызвано репрессиями в отношении талантливого поэта» [231, с. 139].

Цыденжап Дондупович (Дон) Дондубон (1905-1938) являлся членом Союза писателей СССР. Как и остальные, вел активную общественную работу в сомонных и хошунных советах и исполкомах. Примечательным является такой факт его биографии: Ц. Дон окончил только 2-х классное Тодхотойское инородческое училище, а дальше занимался только самообразованием. Однако никто не мог обвинить его в недостатке образованности, о чем свидетельствует то, что Ц. Дон стал Народным комиссаром просвещения Бурят-Монгольской АССР в 1933 году и редактором в Бурятском книжном издательстве в 1936-1937 годах.

В историю бурятской литературы Ц. Дон вошел как крупный прозаик, критик, публицист, переводчик и один из первых сатириков. Кроме того, он мог стать первым романистом Бурятии, о чем мы писали выше.

Выдающейся личностью в отечественной истории культуры является ученый, дипломат, видный общественный и религиозный деятель Хамболама Агван-Лобсан Доржиев (1853/1854-1938). Он не был писателем, Агван Доржиев – одна из ключевых фигур в истории буддизма в России. Им были основаны дацаны и буддийские школы в Калмыкии и Бурятии, издательство буддийской литературы в Санкт-Петербурге и типография в Ацагатском дацане в Бурятии. По его инициативе началось строительство первого буддийского храма на европейской территории Российской империи – в Санкт-Петербурге. 1920-е годы Агван Доржиев посвятил себя общественно-политической деятельности по реформированию и сохранению буддизма в новых условиях, налаживая дипломатические связи с В.И. Лениным и А.В. Луначарским. В 1922 году при Ацагатском дацане он возглавлял тибетскую медицинскую школу. В конце 1920-1930-х годов активно противостоял разгрому буддийской культуры.

Образование А. Доржиев получил в Тибете в Брайбунском монастыре недалеко от Лхасы, являлся одним из духовных наставников при XIII Далай-ламе и его представителем при правительстве России, позднее стал представителем Тибета при правительстве СССР.

Цыбен Жамцаранович Жамцарано (1880-1942). В архивных документах в отношении даты рождения Ц.Ж. Жамцарано имеются расхождения. Так, согласно справке, выданной его отцу Ж. Гендунову – зайсану рода ходанца-шарайд, он родился 13 апреля 1881 года. Дата рождения 1980 года была указана самим Ц. Жамцарано, по мнению исследователей его творчества, для возможного отправления на учебу в Санкт-Петербург. Первоначальное образование по традиции им было получено дома. С 1893 года он обучался в Читинской Городской трехклассной школе, а затем в частной школе известного общественного деятеля и врача тибетской медицины П.А. Бадмаева, которую он, как и Б. Барадин, не закончил из-за несогласия принять православие. С 1902 году поступил на учебу в Санкт-Петербургском университете.

В 1903 году был отправлен в научные экспедиции в Забайкалье (1903-1909), во Внутреннюю Монголию (1907-1910), Орхон (1911-1912) для сбора фольклорного и этнографического материала. Лишь часть собранных Ц. Жамцарано уникальных материалов была опубликована, большая часть рукописного наследия еще не введена в научно-образовательный оборот. Заслуги Ц. Жамцарано как исследователя были высоко оценены. Так, он получил серебряную медаль Русского географического общества (1905), премию им. Пржевальского (1917). По совокупности научных трудов Академией наук СССР ему была присвоена ученая степень доктора литературоведения в 1935 году. Ц. Жамцарано в 1932-1937 годах работал в институте востоковедения АН СССР.

Широкую известность Ц. Жамцарано принесло активное участие в общественно-политической жизни Монголии. В 1911-1917 годах он был активным участником революционных событий 1911 и революции 1921 годов, стал одним из основателей Монгольской Народной партии, автором проекта первой Конституции. Благодаря его инициативе, в Монголии были проведены реформы в системе народного просвещения, образования, культуры. Особое место в его деятельности принадлежит приобщению аратов Бурятии и Монголии к мировым достижениям в научной и художественной областях. Его перу принадлежат художественные переводы. Ц. Жамцарано стал одним из первых, кто переводил произведения мировой классики с русского, английского и французского на монгольский язык.

Никита Иванович Занданов (1904-1938) до сегодняшнего дня практически неизвестен массовому читателю, сведений о нем очень мало. Именно поэтому достаточно трудно дать полный портрет известного в 1930-е годы общественного деятеля, публициста и критика. Н.И. Занданов – выпускник Института красной профессуры (Москва), директор Бурятского педагогического института, ответственный секретарь Союза писателей БМАССР, член союза писателей СССР, заместитель начальника политотдела бурят-монгольской кавбригады.

В историю бурятской литературы Н.И. Занданов вошел как первый литературный критик, посвящавший свои статьи и рецензии истории, особенностям становления и развития бурятской литературы, современному литературному процессу, анализу литературного творчества писателей Бурятии, а также необходимости изучения произведений устного народного творчества. Основными его работами считаются «О бурят-монгольской литературе», «Пути развития бурят-монгольской литературы», «Растет литературная Бурятия», опубликованные в середине 1930-х годов. В целом, несмотря на некоторую категоричность в высказываниях с точки зрения приверженности времени в осмыслении истории бурятской литературы, он внес значительный вклад в становление и развитие бурятской критики. Помимо характеристики общего литературного процесса с 1905 года (именно это время Н.И. Занданов полагает временем зарождения бурятской литературы), он осуществляет попытку характеристики жанров прозы, поэзии и драматургии. Анализируя творчество Н. Балдано, Ц. Дона, Х. Намсараева, С. Туя, А. Шадаева и многих других, в целом дает объективную критическую оценку состояния литературы Бурятии того периода.

Дондок-Ринчин Намжилон (1891-1938) – член Союза писателей СССР с 1934 года, один из активных общественных деятелей, в основном посвятивший свою жизнь педагогической работе в Иркутской области и Аге с дореволюционного периода вплоть до ареста в 1937 году. В истории бурятской культуры он больше известен своей культурно-творческой деятельностью: участвовал в спектаклях, исполняя в том числе и женские роли, был художественным руководителем и режиссером Агинского народного театра, директором национального клуба в Верхнеудинске. Особенный вклад Д.-Р. Намжилоном был внесен в становление и развитие бурятской литературы.

Поэтические произведения Д.-Р. Намжилона характеризуются использованием поэтики старомонгольской литературы (песни периода гражданской войны «Буряад-Монгол бидэнэй»), традиций национальной

дидактической поэзии (книга для чтения «Улаантуяа», 1924). Впервые в бурятской поэзии с помощью национально-эпических художественных средств показан быт разных слоев населения (поэма «Буряадар шааншадай байдал», 1922). Д.-Р. Намжилон – наиболее значимый представитель бурятской улусной драматургии, перу которого принадлежат пьесы «Темная жизнь» («Мунха гбайдал»), «Смерть от тоски» («Уйдхарһаа ухэл»), «Манжуур Дамба», «Обновление», «Жигдэн Зориктуев» и другие, ставшие одними из лучших пьес начального периода становления драматургии. Пьеса «Жигдэн», написанная в соавторстве с Б. Барадиным, единственная из всех первых пьес бурятской драматургии, была поставлена Государственным бурятским драматическим театром в сезонах 1932/1933, 1933/1934 годов, а также на гастролях в Москве сезона 1934/1935. В 1922 году была издана «Жизнь бурятских арканщиков» («Буряадар шааншадай байдал») – первая бурятская поэма, в 1924 году – книга для чтения «Улаантуяа», в 1925 – пьеса «Торжество правды» («Хуушан хубилба, хули шэнэлбэ»), в 1926 – пьеса «Жигдэн».

Сорон Спиридонович Михаханов (1908-1937) – поэт, член Союза писателей СССР с 1935 года. Литературное наследие С. Михаханова небольшое, первое крупное произведение – пьеса в стихах «Мориной ухаан» («Разум лошадей») – была написана в 1931 году. В ней нашло отражение увлечение автором устным народным творчеством, в частности улигерами. Пьеса во многом была несовершенна, но свидетельствовала о поэтическом даровании. В 1935 году в Бурят-монгольском издательстве была опубликована его поэма «Бадлын Гарма». Поэма наполнена бытовыми этнографическими элементами, такими как свадебный обряд, встречи и проводы гостей, языку поэмы свойственны фольклорные приемы, что не помешало ей стать значительным вкладом в развитие реалистической поэзии Бурятии.

Санжижаб Ширапович Ширабон (1906-1938) – член Союза писателей СССР с 1934 года, видный литературный критик, редактор газет «Буряад-

Монголоу унэн» («Бурят-Монгольская правда»), «Восточно-Сибирский комсомолец» (1932-1934), с 1934 года ученый секретарь научно-исследовательского института культуры, ответственный секретарь республиканской писательской организации, с 1935 года – заместитель директора Бурят-Монгольского государственного института языка, литературы и истории.

Литературно-критическую деятельность С. Ширабон начинает в 1929 году с публикации ряда очерков и статей о бурятской литературе. Наряду с Н.И. Зандановым в середине 1930-х годов активно выступает со статьями, докладами и рецензиями по проблемам бурятской литературы, которые отличаются определенной жесткостью и бескомпромиссностью, что в целом было характерно для стиля 1930-х годов.

Характеристику особенностей развития бурятской литературы он осуществляет с позиций периодизации, данной им самим: дореволюционный, первый послереволюционный (1917-1922), восстановительный (1923-середина 1930-х). Абсолютно в духе времени к анализу литературы он подходит с классовых позиций, критикуя представителей буржуазно-националистической интеллигенции Ч.-Л. Базарона, Б. Барадина, А. Инкижинова, З. Манзанова, Д.-Р. Намжилона, Е. Трубачеева, М. Трубачеева, С. Туя и других, за идеализацию старины, использование традиций ламской литературы и т.п. Основными трудами С. Ширабона являются «О проблеме национальной культуры и кривотолков вокруг нее» (1930), «О состоянии и ближайших задачах национальной литературы: в порядке постановки вопроса» (1930), «Литература Бурят-Монголии за 10 лет» (1933). Несмотря на идеологизированный, односторонний подход к анализу творчества бурятских писателей, критические статьи имеют свою ценность как этап в становлении бурятской критики.

Д.Д. Дашинимаев, Ц.Д. Дондубон, С.Ш. Ширабон и С.С. Мухаханов – представители нового поколения общественных и литературных деятелей, сложившихся как личности уже в советское время. Они не принадлежали к

дореволюционной национальной интеллигенции, не участвовали в реализации доктрины панмонголизма, но не избежали репрессий. Невыясненными являются причины обвинения и осуждения по 58 статье. Они реализовывали политику партии, были большевиками, выступали с активной критикой представителей дореволюционной интеллигенции.

В мае 1938 года был арестован С.П. Балдаев, известный фольклорист, этнограф, член Союза писателей. Он стал единственным, кто был освобожден судом за недоказанностью обвинения в 1940 году. 20 ноября 1957 года было удовлетворено заявление С.П. Балдаева о восстановлении в членах Союза писателей СССР. В списках членов панмонгольской организации значился и Х. Намсараев, но он не был арестован, обвинения ему не предъявлялись.

Обозначив основные вехи биографии представителей национальной интеллигенции, видимыми становятся их заслуги в развитии национальной бурятской культуры и литературы. Критерии оценки общественной деятельности национальной интеллигенции первой трети XX века с учетом социально-политических и культурно-исторических условий того времени позволяют признавать отдельные идеи и творчество культурным наследием. Поэтому не вызывает сомнения необходимость возвращения их научного и творческого наследия в современную социокультурную жизнь республики. В целом этот процесс достаточно плодотворно идет с конца 1980-х годов.

В изучении и возвращении культурного наследия репрессированных мы можем выделить два основных подхода: фундаментальный и прикладной. В целом, на наш взгляд, оба эти подхода осмысливают культурное наследие как охранительную парадигму.

В рамках фундаментального подхода осуществляется разработка понятийно-категориального аппарата, дает сущностную характеристику и теоретико-методологического осмысления сферы культурного наследия, включая и мемориальное наследие, как феномена культуры, как условие динамики культуры. С позиций объекта культурологического знания

реализуется выработка критериев историко-культурной, научной, художественно-эстетической и т.п. ценности и значимости деятельности личности.

Контекст прикладного подхода связан, с одной стороны, с практическими методами сохранения и трансляции того, что признается мемориальным наследием, с другой – выбором конкретной практики. В целом сегодня реализуется целый ряд социокультурных практик по сохранению и трансляции наследия, основной целью которых является сделать мемориальное наследие доступным для широкой общественности. Остановимся подробнее на этих направлениях на примере нашей республики.

Значительный вклад в процесс полноценной реабилитации вносит общественность республики: ученые, представители сферы художественной культуры, профессионального искусства, образования и другие. В рамках прикладного направления реализуются следующие формы социокультурных практик, условно нами определенные как общественно-политические, научно-исследовательские, образовательно-воспитательные, художественно-творческие.

Российскими исследователями в целом в контексте общественно-политических практик проводится огромная работа. Наиболее значительной можно назвать деятельность Лаборатории исторической информатики при Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Сотрудники этой Лаборатории в 2000 году начали работу по реализации проекта по созданию единой электронной базы жертв политических репрессий в СССР «Возвращенные имена». Семь томов «Книги памяти жертв политических репрессий Бурятии» – результат работы историков, архивистов и других в республике.

Не можем пройти мимо роли общественных деятелей, родственников репрессированных, равнодушных в области мемориализации. Ими инициируется открытие музеев, памятников, мемориальных досок, присвоение имен улицам и другое, что также является способом сохранения

и трансляции исторической памяти о прошлом. Так, Агвану Доржиеву в 2004 году в Санкт-Петербургском дацане были установлены скульптура Д. Намдакова и мемориальная доска, посвящена ступа в Иволгинском дацане. В 2012 году у Центра восточных рукописей БНЦ СО РАН был открыт памятник Базару Барадину. В 2015 году на Доме печати г. Улан-Удэ была установлена мемориальная доска Ц. Дону, его именем названа Хонхолойская начальная школа, проводится первенство по вольной борьбе на призы Ц. Дона. Забайкальской краевой библиотеке, созданной еще в 1898 году, в 1993 году было присвоено имя Ц. Жамцарано, его именем названа улица в г. Улан-Удэ, в 2019 году на здании Бурятского республиканского института образовательной политики установлена мемориальная доска. В районах Республики Бурятия и Забайкальского края, в с. Хилгана установлен мемориальный бюст Э.-Д. Ринчино, в с. Зуткулей – Д.-Р. Намжилону установлена мемориальная доска на здании школы, где он начал свою педагогическую деятельность, в с. Агинское – памятник Г. Цыбикову. Именем Ч.-Л. Базарона названа средняя школа села Цокто-Хангил Забайкальского края.

Одной из плодотворных и широко применяемых социокультурных практик по актуализации мемориального наследия является научно-исследовательская, реализация которой осуществляется главным образом посредством проведения научных мероприятий. К ним можно отнести сбор материалов, проведение тематических научно-практических конференций, публикация дневников, писем, рукописей, защита диссертаций и т.д. Научно-исследовательское направление характеризуется в первую очередь проведением ряда тематических научно-практических конференций, посвященных юбилейным датам. Здесь, в первую очередь, следует отметить и определенную неравномерность исследовательского интереса. Например, деятельности и творчеству Б. Барадина, Ж. Батоцыренова, П. Дамбинова, Д. Дашинимаева, Д. Дона посвящаются специальные конференции, собрания общественности, различные выставки, диссертационные исследования. Так,

были проведены конференции, посвященные 110-летию Ц. Жамцарано (1991), 120-летию Г. Ц. Цыбикова, 115-летию Б. Барадина (1993), «Дамба Дашинимаев – творческий путь» (1994), «Агван Доржиев – выдающийся политический, общественный, религиозный деятель и видный российский дипломат» (2005), 125-летию Ц. Жамцарано (2006), 135-летию Г.Ц. Цыбикова, 120-летию Э.-Д. Ринчино (2008), «Барадин Базар Барадиевич: жизнь и творчество» (2013). Искомые проблемы поднимаются на проводимых периодических конференциях «Мир Центральной Азии», «Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии», «Байкальские встречи», «Батуевские чтения», «Доржиевские чтения», «Цыбиковские чтения» и многих других.

Изучение творчества репрессированных писателей становится одной из главных задач современных социально-гуманитарных наук. Актуализация исследования литературы Бурятии первого послереволюционного десятилетия связана с необходимостью переосмысления историко-культурных особенностей этого важного периода, иного видения отражения их в литературе. Этому способствуют издания «Бурядайд уран зохёолнодой расказууд, 1917-1967» («Бурятская проза»), «Писатели Аги. XX век» в 5-ти томах, «Антология литературы Бурятии XX-XXI веках» в 3-х томах, в которых представлены поэтические, прозаические и драматические произведения Б. Барадина, Р. Галанова, Д. Дашинимаева, Ц. Дона, Солбонэ Туя и других писателей.

Что касается литературоведения, то сегодня осуществляется пересмотр истории формирования национальных литератур и роли в ней репрессированных писателей. Так, в «Литературной энциклопедии» из числа репрессированных бурятских писателей упоминаются Ц. Дон – зачинатель бурятской художественной прозы, первый Нарком просвещения БМАССР и П. Дамбинов – писатель, редактор первой газеты на бурятском языке [310, с. 59]. В «Истории советской многонациональной литературы» дается не только краткий анализ особенностей национально-культурного строительства и

становления бурятской литературы, но и вклада репрессированных писателей. В словаре «Литература народов России. XX век» статья, посвященная бурятской литературе, написана с учетом важнейших аспектов духовной культуры народа и интересна историческими сведениями об этногенезе, особенностями культурного развития, оценкой литературного наследия репрессированных писателей.

Таким образом, основной целью всего комплекса научно-исследовательских мероприятий является введение в научный оборот ранее неизвестных биографических сведений, особенностей научных изысканий репрессированных деятелей Бурятии и их литературных произведений, которые не потеряли актуальности и научной и художественной значимости и сегодня.

Другое не менее важное направление – образовательно-воспитательное, реализация которого напрямую связана с вопросами патриотического воспитания молодежи. В учебный процесс внедряются новые учебно-методические разработки, пособия, хрестоматии, альбомы и т.п., в которых приводятся данные не только о жизни и творчестве репрессированных деятелей культуры, но и их научно-творческое наследие. В частности, литературные произведения Б. Барадина, П. Дамбинова, Д. Дашинимаева, Ц. Дона, полевые записи Б. Барадина, Ц. Жамцарано, Г. Цыбикова, знакомящие с буддийской культурой.

Выше нами отмечалось, что представителями национальной интеллигенции был внесен значительный вклад в создание детской литературы. Именно в начале XX века стали появляться, собственно, первые профессиональные детские литературные произведения. Начало интенсивного развития этого направления обуславливалось тем, что существовала потребность в высокохудожественной литературе, которая отвечала бы запросам детей, а также основным задачам идеологического воспитания. Начиная с 1920-х годов с учетом всех требований, стали производить первые литературные материалы подобного плана. Бурятские

поэты Б. Абидуев, Д. Дашинимаев, Б. Базарон и другие писали для детской газеты.

Первые произведения бурятской детской литературы были основаны на ценностях культуры бурятского этноса, сохраняя все те характерные национальные элементы, которые появлялись в течение всей многовековой истории Бурятии, но при этом они были ориентированы на новые социокультурные условия жизни. Детская литература являлась отражением национально-культурной специфики монголоязычных народов, посредством сказок, колыбельных и других произведений закладывая основу для дальнейшего развития детской литературы. Базируясь на детском фольклоре, создавались новые, ранее неизвестные бурятским читателями формы произведений. Тем не менее, главные принципы написания детской литературы оставались без изменений, они опирались на героические мифы, уделяют внимание матерям и героическим достижениям. Все это и сегодня служит залогом воспитания высоко нравственной личности, поэтому есть необходимость введения изысканных произведений в современный образовательный процесс.

Таким образом, в монголоязычной детской литературе, в частности бурятской отражаются элементы традиционной культуры, установки на значимость семьи, рода и др. Это сохраняется в современных произведениях.

Достаточно плодотворную и важную работу осуществляют школы республики, в практике которых особое место занимает краеведческие исследования. Так, ежегодная Республиканская школьная научно-практическая конференция «Шаг в будущее» является ярким примером реализации именно этого направления. Большое количество школьных работ посвящено изысканиям в искомой сфере.

Также отметим, что в педагогической практике по патриотическому воспитанию принимают активное участие не только школы, но и другие социокультурные институты республики. Проводятся циклы мероприятий «Уроки памяти» или «Белые пятна истории» с привлечением молодежи.

Подобная историко-краеведческая работа в системе дополнительного образования позволяет добавить конкретики, наглядности в изучении отечественной истории и культуры, а также представляет собой один из действенных механизмов формирования и развития у молодежи навыков и умений научно-исследовательской работы.

Не менее значимым полагаем и художественно-творческое направление. Если научно-исследовательское направление задействует определенный круг заинтересованных людей (в большей степени ученых), то значимость художественно-творческого направления заключается в вовлечении широкого круга общественности. Отметим и публикацию художественных произведений для читательской аудитории, а также возможность экранизации, театральных постановок по мотивам литературных произведений репрессированных бурятских писателей. В качестве примера приведем постановку «Поющие камни» С. Жамбалова на сцене ГБАТД им. Х. Намсараева по мотивам драмы Б. Барадина.

Полагаем это достаточно перспективным направлением, не получившим еще должного воплощения со стороны представителей профессионального искусства и поддержки со стороны государственных органов и бизнеса. Мы отнюдь не голословны, поскольку бурятские литераторы оставили нам внушительное поэтическое, прозаическое и драматургическое наследие.

Особенное место в сохранении, трансляции и популяризации культурного наследия играют музеи, которые осуществляют практически все формы и виды описанных нами практик. Это связано с тем, что музейное пространство всегда, так или иначе, включало в себя категорию личности. И в этом аспекте личность выступает объектом музеефикации и объектом экспозиции, либо стоит у истоков создания музея, оказывает существенную помощь в пополнении, каталогизации музейных коллекций и т.д. Обращение к личным историям в мировой музейной практике оценивается с точки зрения сохранения воспоминаний и переживаний участников исторических

событий. Музеи или отделы музеев, посвященные репрессированной национальной интеллигенции, в большей степени будут способствовать распространению знаний об историческом прошлом, национальной культуре, жизни и деятельности в массовом сознании как жителей Бурятии, так и посещающих Республику.

Бурятия является привлекательным регионом для развития туризма, где одним из приоритетных в этом плане направлений является музейная деятельность. Основными ресурсами туристического потенциала можно считать уникальные природно-ландшафтные комплексы, массивы музейных фондов, традиционную культуру старообрядцев (семейских), эвенков, бурят, буддийскую культуру, выдающихся личностей и многое другое. Особенный интерес у туристов вызывает буддийская культура. В любую туристическую программу всегда включается посещение дацанов, в частности Ацагатского – одного из старейших стационарных дацанов. В 1891 году дацан посетил цесаревич Николай. Известность дацану придает и то, что из его стен вышло наибольшее число Пандито Хамбо лам – глав религиозной буддийской организации. В 1936 году дацан был ликвидирован, а после посещения и освещения местности Далай-ламой XIV в 1992 году был восстановлен. На территории дацана в 1999 году был открыт дом-музей Агвана Доржиева, получивший статус Республиканского государственного музея 1 марта 1999 года. У многих паломников и туристов интерес вызывает именно фигура А. Доржиева.

Дом-музей А. Доржиева – это бревенчатый дом, перенесенный из села Хара-Шибирь, в котором он когда-то жил. Сегодня фондовая коллекция музея включает в себя около 1500 единиц хранения, среди которых восковые фигуры Агвана Доржиева, его ученика Далай-ламы XIII, Его Святейшества Далай-ламы XIV, известного врача-тибетолога, друга и соратника Агвана Доржиева Хамбо ламы Иролтуева; личные вещи и копии старинных буддийских книг, протоколы ареста и допросные листы.

В 2008 году, открытый еще в 1961 году Агинский краеведческий музей,

получил статус национального и был переименован в «Агинский национальный музей им. Г. Цыбикова». Здесь хранятся личные вещи выдающегося ученого и религиозного деятеля, например, подлинник рукописи «Буддисты-паломники у святынь Тибета», документы и карты его путешествий, мебель, одежда и другое.

В 2018 году в Бурятии был проведен ряд мероприятий, посвященных Дню бурятского языка. Признавая выдающиеся заслуги Б. Барадина в области научного изучения, сохранения и популяризации бурятского языка, в Музее истории Бурятии им. М.Н. Хангалова была открыта стендовая выставка, посвященная Б. Барадину.

Таким образом, не претендуя на всесторонний анализ социокультурных практик по сохранению мемориального наследия репрессированных деятелей культуры Бурятии, можно сделать вывод, что сегодня изучение их мемориального наследия дает возможность восстановить имена репрессированной национальной интеллигенции, а также ввести их общественно-научное и художественное творчество в современную культурную жизнь не только нашей республики, но и страны в целом. Деятельность национальной бурятской интеллигенции в области реформирования письменности, модернизации буддизма, формирования отраслей художественной культуры и литературы и многое другое является культурным наследием бурятского народа, имеющим научную и художественную значимость. В современных условиях социально-политической и культурной трансформации общества актуализируются идеи и творчество национальной интеллигенции по этим вопросам, а изучение их наследия дает возможность восстановить имена репрессированной национальной интеллигенции и ввести их общественно-научное и художественное творчество в современную культурную жизнь.

Подводя итог исследованию, отметим актуальность и важность формирования культурной памяти. Современная национальная бурятская культура является прямой наследницей уникальной культуры номадов,

формирование которой на протяжении многих веков было обусловлено особенностями геоландшафта и повседневной жизни, ценностными установками эстетического и религиозного мировоззрения. В формах и видах ее художественной культуры отчетливо прослеживаются добуддийские следы традиционной культуры автохтонных народов Сибири и Центральной Азии, элементы буддийской культуры Индии, Тибета и Китая. Влияние на национальную бурятскую культуру оказала русская (западная) культура, которую принесли на бурятскую землю казаки, переселенцы, декабристы и другие. Несмотря на привнесенные элементы восточной и западной культур, с уверенностью можем говорить, что исконные национальные компоненты, выражающие эстетические и нравственные ценности бурятского народа, отличаются стабильностью и устойчивостью. Многовековая бурятская культура многогранна, она насквозь пропитана духом природы, сакральностью и символизмом.

В рамках данных аспектов стоит выделить отдельный сегмент, сочетающий в себе материальные и духовные ценности, которые также оказали влияние на формирование бурятской культуры, а именно «кочевой мир». Он ориентирован, прежде всего, на гармонию с природой. В основе этого концепта лежит понимание смысла бытия, смерти и жизни человека, который неразрывно связан с пониманием всех основных природных циклов, функционированием и устройством окружающего мира.

Данный исторический отрезок первой трети XX века, полный противоречий и контрастов, требует системного понимания со стороны исследователей. Гораздо проще и легче охватить эти противоречивые события в определенную идеолого-историческую теоретическую конструкцию. Однако в новых исторических условиях, которые диктуют применение иных методологических подходов, требуется более глубокий научный взгляд как на осуществившиеся исторические события и факты, так и на нереализовавшиеся возможности. Необходимо понять, почему история нашего государства пошла именно по такому пути, сформировать

объективные и всеохватывающие представления о прошедших делах, которые были бы освобождены от жестких абстрактно-теоретических границ, идеологических рамок и политических пристрастий. Кроме того, нельзя отбрасывать культурное наследие в силу определенных конъюнктурных соображений, так как оно представляет собой целостную систему материальных, духовных, художественных достижений, поэтому необходимо сохранять и приумножать это наследие.

В целом мы можем констатировать, что представители национальной бурятской интеллигенции заняли достойное место в истории бурятской культуры. Анализ их деятельности показывает, что процесс культурного развития отбирает, сохраняет и транслирует то, что соответствует общемировым тенденциям, ценностями и нормами всего человечества. История бурятского народа и его культуры, следование общечеловеческим и национальным традициям и ценностям придает деятельности Ч.-Л. Базарона, Б. Барадина, Ж. Батоцыренова, М. Богданова, П. Дамбинова, А. Доржиева, Ц. Жамцарано, Г. Цыбикова и многих других значение содержательной основы национальной культуры.

Современный научный контекст предоставляет огромные возможности для сохранения и трансляции культурного наследия. Рассмотренные культурные практики позволяют реабилитировать репрессированных деятелей культуры, писателей, их культурно-творческое наследие. Несмотря на проделанную работу, остаются неизвестными широкому кругу общественности имена не только ученых, писателей, критиков, но и представителей других сфер общественной жизни: научной, военной, промышленной и т.д.

Региональные исследования культурных и религиозных национальных отличий несут особое значение в формировании целостной картины историко-культурного развития российского государства. Изучение этих особенностей, опираясь на новые методологические подходы, которые учитывают совокупность культурно-исторических условий, идейно-

политических и мировоззренческих позиций, показывают, что бурятская национальная культура первой трети XX века имела четкие ориентиры, которые были направлены на сохранение национальных и общечеловеческих ценностей, а также передачу их следующим поколениям.

В общественно-политическом и научно-исследовательском дискурсе современной Бурятии можно наблюдать своего рода формирование нового культа личностей бурятских национал-демократов. Однако, на наш взгляд, сегодня вряд ли стоит идеализировать их образ, поскольку они представляли собой продукт своего противоречивого времени и выражали идейную позицию, являющуюся неоднозначной, вызывающую полемику и в настоящее время.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В гуманитарных исследованиях конца XX - начала XXI веков одной из актуальных проблем стало изучение феноменов нормативности и репрессивности в культуре, основывающихся на фундаментальных концептах, категориях и понятиях культурологии. Нормативность и репрессивность в культуре первобытного общества, в эпоху античности и средневековья, формирование традиций критики культуры, как противопоставления «истинной» жизни и деятельности человека получили всесторонне освещение в философской мысли XVIII - начала XX веков. Исследование обширного фактологического материала, касающегося репрессивности в культуре, позволило рассмотреть особенности репрессивной политики с точки зрения выявления и анализа социокультурных условий и факторов, лежащих в основе формирования, функционирования репрессий и их влияния на культуру.

Место и роль репрессий в культуре представляет собой важную проблему в социально-гуманитарных науках. Культурологические исследования с конца XIX века определяют культуру как механизм управления обществом и упорядочивания социальной жизни посредством установления определенных правил и норм взаимоотношений государства с человеком и обществом. Регулятивная функция культуры общественных процессов выражается в строгой регламентации всех сторон жизнедеятельности человека и, следовательно, отсечении того, что полагается лишним, ненужным и вредным. Санкцией за несоблюдение и нарушение установленных норм становится репрессия, которая одновременно является созидателем и разрушителем, имея позитивное и негативное влияние на жизнь общества. С одной стороны, она обеспечивает стабильность развития общества, а зачастую и его выживание, особенно в кризисные периоды. С другой – репрессии несут колоссальные разрушительные последствия в отношении человеческой личности (физическое истребление, моральное давление) и в отношении культурного

наследия.

Сегодня в условиях смены научных и культурных парадигм происходит существенная трансформация всей сферы гуманитарных наук. Возникающая необходимость пересмотра существующих ориентиров и осмысления взаимосвязей наук о культуре, способствует объективному анализу различных социокультурных процессов, в том числе условий и факторов репрессии в культуре с позиции противоположных мировоззренческих и ценностных подходов.

В этом контексте актуальной становится методологическая проблема исследования репрессий с диалектических позиций различия субъекта и объекта репрессий, имеющих различные потребности, интересы и ценности. Условиями репрессивной политики выступают объективные социокультурные обстоятельства, обусловившие противостояние интересов субъекта и объекта репрессий. Факторами репрессивной политики являются субъективные конкретные социокультурные государственные практики ее осуществления.

Начало XX века стало одним из самых плодотворных, но противоречивых периодов в развитии национальной бурятской культуры. В Бурятии происходили кардинальные перемены, напрямую связанные с общественно-политическими процессами, характерными для всей страны в целом. Будучи частью непростой и драматичной судьбы монгольского мира, самобытная и яркая бурятская культура впитала в себя достижения западных и восточных цивилизаций. Многовековые национальные традиции характеризуются устойчивостью и стабильностью, что дает основание говорить о национальной культуре, которая выражает мировоззрение и духовные ценности бурятского народа. Именно они были использованы национальной интеллигенцией в первой трети XX века в вопросах культурного строительства.

После Октябрьской революции 1917 года политической властью активно внедрялась новая система ценностей для сохранения самого

государства и социокультурной целостности. Создание новой культуры, которая репродуцировала бы идеи политической власти, а также качество и перспективу исторического дела пролетариата как ведущего класса, обусловило изменение ценностных координат и глобальную трансформацию культуры.

Этот период стал периодом становления новой социалистической культуры, формирования советской идеологии и нового социокультурного пространства. В нем смешались разные эпохи, идейно-политические, социально-экономические и религиозные процессы, литературно-художественные течения, стили и методы. Для Бурятии это было плодотворное, продуктивное и динамичное время во всех сферах общественного развития, когда была создана практически вся инфраструктура профессиональной культуры и искусства.

Сегодня именно этот сложный период истории отечественной культуры вызывает устойчивый интерес специалистов, которые занимаются исследованием различных аспектов многообразных культурных форм всего «советского». В рамках культурологии изучается художественная и повседневная культура, формируя тем самым объемное пространство культурной памяти о советской эпохе. Однако особенное место в восстановлении культурной памяти должно занимать возвращение утраченных культурных достижений и имен репрессированных деятелей. Необходимо вернуть в современное социокультурное пространство произведения, которые были созданы в сложный период политической и идеологической борьбы, и которые отражали противоречивые философские и эстетические воззрения.

Культурная жизнь Бурятии первой трети XX века была напрямую связана с общественно-политическими событиями, происходившими в нашей стране. Это был период подъема национального самосознания и движения, острой идеологической борьбы по вопросам строительства национальной культуры. Условиями и факторами репрессивной политики стали интересы

советской власти, актуализирующиеся в борьбе противоположных мировоззренческих и ценностных позиций, в контексте классового антагонизма и борьбы с проявлениями буржуазного национализма. Конфликт ценностей стал неотъемлемой частью всего культурного и социального бытия общества. Это был период острых идеологических дискуссий, развернувшихся вокруг культурного наследия, выработки пути развития социалистической культуры и литературы, выбора социальных ориентиров художественного творчества, а также возможностей сотрудничества с представителями «старой» дореволюционной интеллигенции.

Идеологами культуры в качестве способа утверждения и внедрения в массовое сознание необходимых мировоззренческих идей, принципов, установок, наиболее активно использовалась литература, которая эффективнее других видов художественной культуры репродуцирует ценности официальной культуры. При этом отдельные жанры, направления, темы, сюжеты по разным причинам не удовлетворяющие требованиям официальной культуры, запрещались государством, то есть становились репрессированными. Официальная борьба с проявлениями панмонголизма и буржуазного национализма вызвала усиление цензурной политики и нанесла серьезный ущерб национальной культуре, были физически уничтожены общественные и религиозные деятели, представители руководства и творческой интеллигенции.

Общественно-политическая деятельность представителей дореволюционной национальной интеллигенции вступила в противоречие с генеральной партийной линией строительства советского государства и новой культуры. Это и обусловило репрессивную политику в их отношении. Их идейно-политические и художественно-эстетические воззрения подвергались общественной жесткой критике и все труднее пробивались к своему зрителю, читателю или слушателю. Идеологические и политические конъюнктуры коснулись и возможности использования культурного наследия.

Безусловно, все это отразилось и на культурных процессах в условиях идеологической борьбы и формирования репрессивной государственной политики. В соответствии с ленинской концепцией построения социалистической культуры подлежали устранению не только богатейшие традиции шаманизма и буддийской культуры, но и те представители общества, которые являлись их носителями и трансляторами.

В ходе новой культурной политики в Бурят-Монгольской АССР были репрессированы представители разных слоев. Особенно это коснулось национальной бурятской интеллигенции, чья общественная и творческая деятельность отражала их мировоззренческие позиции, акцентировала ценности традиционной культуры, буддийского мировоззрения. Это не вписывалось в идейно-политические тенденции становления и развития советского общества. Введение множества идеологических коннотаций стали следствием того, что многовековые элементы культурного наследия признавались вредными и ненужными. Многие представители национальной интеллигенции с конца 1920-х обвиненные в панмонголизме, буржуазном национализме, контрреволюционной деятельности в конце 1930-х были репрессированы, а их творческое наследие было предано забвению.

Переломные события конца XX – начала XXI веков кардинально изменили жизнь российского общества, определили совершенно новый вектор развития республики Бурятия. Все это обусловило необходимость по-новому взглянуть на ее историю и особенно на период первой трети XX века. Наряду с изучением вычеркнутых в 1930-е годы имен деятелей культуры и искусства, необходимо вернуть их общественное, научное и литературное наследие в официальный дискурс по истории культурной жизни Бурятии, сделать доступными для широких слоев нашей республики и страны в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с увековечиванием памяти жертв политических репрессий : Федеральный закон от 09.03.2016 г. № 67-ФЗ. – Текст : электронный // Гарант : информ.-правовое обеспечение. – URL: www.garant.ru (дата обращения: 15.04.2017).
2. О реабилитации жертв политических репрессий : Федеральный закон от 18.10.1991 г. № 1761-І. – Текст : электронный // Гарант : информ.-правовое обеспечение. – URL: www.garant.ru (дата обращения: 15.04.2017).
3. Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 г. – URL: <https://coollib.com/b/124310/read>. (дата обращения : 17.01.2015). – Текст : электронный.
4. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») : Постановление ВЦИК от 01.06.1922. – URL: <http://www.library.ru/help/docs/n10349/yk1922.txt> (дата обращения: 15.04.2017). – Текст : электронный.
5. О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 1920-1950- х гг. : Указ Президента СССР от 13.08.1990 г. № 556. – Текст : электронный // Гарант : информ.-правовое обеспечение. – URL: www.garant.ru (дата обращения: 15.04.2017).
6. Об амнистии : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27.03.1957. – Текст : электронный // Гарант : информ.-правовое обеспечение. – URL: <http://base.garant.ru/70805432/> (дата обращения: 15.04.2017).
7. Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия : Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 17.11.1938. – URL: <http://istmat.info/node/36068> (дата обращения: 17.01.2015). – Текст : электронный.
8. О перестройке литературно-художественных организаций : Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/1925.htm> (дата обращения: 2.03.2014). –

Текст : электронный.

9. О политике партии в области художественной литературы : Постановление Политбюро ЦК РКП (б) от 18.06.1925 г. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/USSR/1925.htm> (дата обращения : 2.03.2014). -

Текст : электронный.

10. О политике партии в области художественной культуры : Резолюция ЦК РКП(б) от 23 апреля 1932 г. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/USSR/1932.htm> (дата обращения : 2.03.2014) –

Текст : электронный.

11. Абрамов, Н. М. Словарь русских синонимов / Н. М. Абрамов. – Москва : Русские словари, 1999. – 431 с. – ISBN: 978-5-17-037436-6. – Текст : непосредственный.

12. Айзенштадт, В. Русская советская историческая драматургия. Часть 1 / В. Айзенштадт. – Харьков : Харьков.гос. ин-т культуры, 1969. – Текст : непосредственный.

13. Айтматов, Ч. Т. Национальные истоки проблемы взаимосвязей современных советских литератур / Ч. Т. Айтматов. – Текст : непосредственный // Закономерности развития новописьменных литератур и проблемы социалистического реализма. – Фрунзе : Илим, 1985. – С. 4-11.

14. Алексеева, Л. Ц. Базар Барадин – исследователь истории и культуры монгольских народов : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Людмила Цыдендамбаевна Алексеева ; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Бурятского научного центра РАН. – Улан-Удэ, 2006. – 199 с. – Текст : непосредственный.

15. Алексеева, Л. Ц. Из духовного наследия Базара Барадина / Л. Ц. Алексеева. – Текст : непосредственный. // Традиции и современные процессы в фольклоре и литературе : в 2 частях. Часть 1, 2. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – С. 3-5.

16. Алиев, И. И. Этнические репрессии / И. И. Алиев. – Москва : Радиософт, 2008. – 472 с. – ISBN: 978-5-93274-011-8, 978-5-93274-010-1. – Текст : непосредственный.
17. Алперс, Б. Искания новой сцены / Б. Алперс. – Москва : Искусство, 1985. – 400 с. – Текст : непосредственный.
18. Амелин, П. П. Интеллигенция и социализм / П. П. Амелин. – Ленинград : Изд-во Ленингр. Гос. ун-та, 1970. – 153 с. – Текст : непосредственный.
19. Амелин, П. П. Строительство коммунизма и развитие советской социалистической культуры / П. П. Амелин. – Ленинград : Знание, 1973. – 48 с. – Текст : непосредственный.
20. Ангаева, С. П. Роль обновленческого движения в формировании бурятского этноса и государственности / С. П. Ангаева. – URL: <https://mosgu.ru/nauchnaya/publications/professor.ru/Angaeva/> (дата обращения: 28.07.2017). – Текст : электронный.
21. Андреев, Ю. А. Человек в мире: (поиски и утверждение принципов психологизма в советской литературе 20-30-х гг.) / Ю. А. Андреев. – Текст : непосредственный // В поисках закономерностей. – Ленинград : Худож. лит., 1978. – С. 95-144.
22. Андреева, М. С. Коммунистическая партия – организатор культурно- просветительской работы в СССР (1917-1933) / М. С. Андреева. – Москва : Высшая школа, 1963. – 97 с. – Текст : непосредственный.
23. Анкудинов, К. Н. Современная неоромантическая поэзия как «параллельная культура» / К. Н. Анкудинов. – Текст : электронный // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. – 2007. – № 2. – С. 138-144.
– URL : [https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-neoromanticheskaya-poeziya-kak-parallelnaya-kultura.](https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-neoromanticheskaya-poeziya-kak-parallelnaya-kultura) (дата обращения: 30.05.2011).

24. Антология литературы Бурятии XX-XXI веках. В 3 томах. Том 2. Проза / сост.: Г. Ц. Бадуева, В. В. Башкеева. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – 700 с. : ил. – ISBN: 978-5-7925-0308-3. – Текст : непосредственный.
25. Аристотель. Сочинения : в 4 томах. Том 4 / Аристотель. – Москва : Мысль, 1984. – 883 с. – Текст : непосредственный.
26. Арнольдов, А. И. Социалистическая культура : теория и жизнь / А. И. Арнольдов. – Москва : Политиздат, 1984. – 174 с. – Текст : непосредственный.
27. Арнольдов, А. И. Человек и мир культуры. Введение в культурологию / А. И. Арнольдов. – Москва : МГИК, 1992. – 240 с. – ISBN: 5-7196-0654-8. – Текст : непосредственный.
28. Архангельский, Ю. Е. Истоки и основные направления формирования культурной политики советского государства / Ю. Е. Архангельский. – Текст : непосредственный. – Текст : непосредственный // Аналитика культурологи, 2010. – № 18. – С. 77-88.
29. Архангельский, Ю. Е. Советское искусство в зеркале тоталитаризма / Ю. Е. Архангельский // Вопросы современной науки и практики. – Тамбов, 2010. – № 10-12. – С. 338-341.
30. Архангельский, Ю. Е. Художественная жизнь в архитектонике социокультурного пространства советского общества : дис. ... д-ра культурологии : 24.00.00 / Юрий Евгеньевич Архангельский ; Краснодарский государственный университет культуры и искусства. – Краснодар, 2012. – 446 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_1940233. (дата обращения: 11.02.2017). – Режим доступа : Национальная электронная библиотека. – Текст : электронный.
31. Аствацатуров, А. А. Феноменология текста. Игра и репрессия / А. А. Аствацатуров. – Москва : Новое лит. обозрение, 2007. – 288 с. – ISBN: 5-86793-516-7. – Текст : непосредственный.

32. Атоян, А. В. Инерционный аспект культурных запретов / А. В. Атоян. – URL: http://www.nbuuv.gov.ua/portal/SocGum/Phd/2011_14/11_At.pdf. (дата обращения: 03.10.2015). – Текст : электронный.
33. Бабаков, В. В. Национально-государственное строительство в Бурятии 1917-1919 гг. / В. В. Бабаков. – Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2012. – 127 с. – ISBN: 978-5-89610-202-1. – Текст : непосредственный.
34. Базаров, Б. В. Бурятские национальные демократы и общественная мысль монгольских народов в первой трети XX века / Б. В. Базаров, Л. Б. Жабаяева. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – 377 с. – ISBN: 5792502706. – Текст : непосредственный.
35. Базаров, Б. В. Общественно-политическая жизнь 1920-1950-х годов и развитие литературы и искусства Бурятии / Б. В. Базаров. – Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1995. – 193 с. – Текст : непосредственный.
36. Базарова, В. В. Латинизация бурят-монгольской письменности в 1920-х-1930-х гг. / В. В. Базарова. – Текст : непосредственный // Власть. – 2012. – № 8. – С. 106-110.
37. Балданмаксарова, Е. Е. Бурятская поэзия XX века: истоки, поэтика жанров / Е. Е. Балданмаксарова. – 2-е изд., испр. и доп. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2005. – 252 с. – Текст : непосредственный.
38. Балдано, М. Н. «Великая Монголия»: концепция политического единства и попытка ее реализации (1900-1920 гг.) / М. Н. Балдано, П. К. Варнавский. – Текст : непосредственный // Вестник Томского гос. университета. – 2017. – № 419. – С. 99-108.
39. Балдано, С. В. Формирование национальной интеллигенции и становление художественной культуры Бурятии (XVIII начало XX в.). – Текст : непосредственный // Власть. – 2011. – № 6. – С. 157-160.
40. Бальбууров, А. А. За что мы любим Ц. Дона? / А. А. Бальбууров. – Текст : непосредственный // Байкал. – 1965. – № 2. – С. 155-159.

41. Барадин, Б. Б. Вопросы сценического искусства бурят-монголов / Б. Б. Барадин. – Верхнеудинск, 1925. – 31 с. – Текст : непосредственный.
42. Барадин, Б. Шэлэгдэмэл зохоолнууд / Б. Барадин. – Улан-Удэ : ИМБИТ СО РАН, Бур. кн. изд-во, 1999. – 242 с. – Текст : непосредственный.
43. Батуев, Б. Б. О положении языков народов России в XX веке / Б. Б. Батуев. – Текст : непосредственный // Байкальские встречи III: культуры народов Сибири. – Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2001. – С. 93-101. – ISBN: 978-5-89610-230-4.
44. Батуев, Б. Б. Базар Барадин. Штрихи к политической биографии / Б. Б. Батуев. – Текст : непосредственный // Неизвестные страницы истории Бурятии: из архивов КГБ. – Улан-Удэ : Обществ.-науч. центр «Сибирь», 1991. – Вып.1. – С. 6-23.
45. Бауман, З. Мыслить социологически / З. Бауман. – Москва : Аспект- пресс, 1996. – 254 с. – ISBN: 5-7567-0058-7. – Текст : непосредственный.
46. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – Москва : Художественная литература, 1979. – 412 с. – Текст : непосредственный.
47. Беликов, П. Ф. Рерих: опыт духовной биографии / П. Ф. Беликов. – Москва : Международный центр Рерихов ; Мастер-Банк, 2001. – 432 с. – ISBN: 978-5-86988-234-9. – Текст : непосредственный.
48. Беляев, И. А. Культура, субкультура, контркультура / И. А. Беляев, Н. А. Беляева. – Текст : непосредственный // Духовность и государственность : сб. науч. ст. / под ред. И. А. Беляева. – Оренбург : Филиал УрАГС в г. Оренбурге, 2002. – Вып. 3. – С. 5-18.
49. Беляев, Н. А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации / Н. А. Беляев. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 176 с. – Текст : непосредственный.
50. Берг, М. Несколько тезисов о своеобразии петербургского стиля / М. Берг. – Текст : электронный // Феномен Петербурга. – URL:

<http://mberg.net/spb>. (дата обращения: 03.02.2018).

51. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – Москва : Наука, 1990. – 224 с. – ISBN: 978-5-389-10964-3. – Текст : непосредственный.

52. Бердяев, Н. А. Кризис искусства / Н. А. Бердяев. – Репр. изд. – Москва : Интерпринт, 1990. – 48 с. – Текст : непосредственный.

53. Бердяев, Н. А. О культуре / Н. А. Бердяев // Философия неравенства. – Москва : Ин-т рус.цивилизации, 2012. – 624 с. – ISBN: 978-5-4261-0012-1. – Текст : непосредственный.

54. Бердяев, Н. А. Социальный кризис культуры / Н. А. Бердяев. – Текст : электронный // Новый град. – 1921. – № 3. – С. 46-53. – URL: http://www.odinblago.ru/noviy_grad/3/5. (дата обращения: 11.04.2017).

55. Библер, В. С. Нравственность. Культура. Современность / В. С. Библер. – Москва : Знание, 1990. – 62 с. – ISBN: 5-07-001250-9. – Текст : непосредственный.

56. Библер, В. С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. – Москва : Политиздат, 1990. – 413 с. – ISBN: 5-250-00739-2. – Текст : непосредственный.

57. Биобиблиографический словарь репрессированных писателей Бурятии. Улан-Удэ : ОНЦ Сибирь, 1996. – 76 с. – Текст : непосредственный.

58. Богданов, М. Н. Бурятское возрождение / М. Н. Богданов. – Текст : электронный // Сибирские вопросы. – 1907. – № 3. – С. 38-50. – URL: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-1857>. (дата обращения: 03.02.2017).

59. Богданов, М. Н. Очерки истории бурят-монгольского народа / М. Н. Богданов ; под ред. Н. Н. Козьмина. – Верхнеудинск : Бурят-монгол. изд-во, 1926. – 234 с. – Текст : непосредственный.

60. Большая советская энциклопедия : в 30 томах. Том 22. – Москва : Совет. энцикл., 1971. – 627 с. – Текст : непосредственный.

61. Боронова, М. М. Бурятская интеллигенция в исторической ретроспективе / М. М. Боронова. – Текст : непосредственный // История и

культура народов стран Центральной и Восточной Азии : Батуевские чтения. – Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2010. – Вып. 4. – С. 387-392. – ISBN: 978-5-89610-098-0.

62. Бороноева, Т. А. Графика Бурятии / Т. А. Бороноева. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. – 127 с.: ил. – ISBN: 8-7692-0073-1. – Текст : непосредственный.

63. Булавка, Л. А. Пролетарская культура: культура для пролетариата / Л. А. Булавка. – Текст : непосредственный // Альтернативы. – 2011. – № 4. – С. 54-65.

64. Булавка, Л. А. Социалистический реализм: превратности метода. Философский дискурс / Л. А. Булавка. – Москва : Культурная революция, 2007. – 272 с. – ISBN: 978-5-2500-6010-2. – Текст : непосредственный.

65. Булавка, Л. А. Феномен советской культуры / Л. А. Булавка. – Москва : Культурная революция, 2008. – 288 с. – ISBN: 978-5-250-06021-9. – Текст : непосредственный.

66. Бураева, О. В. Этноконфессиональная ситуация в Байкальском регионе в конце XIX - начале XX вв. / О. В. Бураева. – Текст : непосредственный // Вестник ВСГАКИ. – 2015. – № 2 (9). – С. 20-24.

67. Бурятия: календарь знаменательных и памятных дат : справ.-библиогр. изд. ; сост. З. Б. Жигмитова, М. М. Соснина, В. Ю. Минаева. – Улан-Удэ, 2017. – 312 с. – Текст : непосредственный.

68. Бухарин, Н. И. Экономика переходного периода : избр. произведения / Н. И. Бухарин. – Москва : Экономика, 1990. – 542 с. – ISBN: 978-00-1424467-0. – Текст : непосредственный.

69. Васильев, И. Е. Авангард и революция / И. Е. Васильев. – Текст : непосредственный // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2007. – № 49. – Вып. 13. – С. 311-319.

70. Васильев, И. Е. От авангарда к классике: кризис левого искусства и проблема творческой эволюции советских поэтов / И. Е. Васильев. – Текст : непосредственный // Лабиринт : журн. соц.-гуманит. исслед. – 2013. – № 6. –

С. 67-78.

71. Васильев, Л. С. Древний Китай. В 3 томах. Том 3. Период Чжаньго (V- III вв. до н.э.) / Л. С. Васильев. – Москва : Восточная литература, 2006. – 198 с. – ISBN: 5-02-018103-X. – Текст : непосредственный.

72. Вебер, М. Избранные произведения / пер. с нем., сост., общ. ред. Ю. Н. Давыдов / М. Вебер. – Москва : Прогресс, 1990. – 808 с. – ISBN: 5-01-001584-6. – Текст : непосредственный.

73. Венар, Ч. Психопатология развития детского и подросткового возраста / Ч. Венар, П. Керинг. – Санкт-Петербург : ЕВРОЗНАК, 2007. – 670 с. – ISBN: 978-5-93878-518-2, 0-07-069617-9. – Текст : непосредственный.

74. Виндельбанд, В. Прелюдии : филос. статьи и речи / В. Виндельбанд. – Москва : Кучково поле, 2007. – 386 с. – ISBN: 978-5-901679-79-1. – Текст : непосредственный.

75. Виндельбанд, В. Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия / Виндельбанд В. – Москва : Наука, 1993. – 106 с. – ISBN: 5-02-008081-0. – Текст : непосредственный.

76. Волкогонов, Д. А. Ленин. В 2 томах. Том 2 / Д. А. Волкогонов. – Москва : АСТ Новости, 1998. – 512 с. – ISBN: 5-7020-0866-9. – Текст : непосредственный.

77. Володина, Н. А. Культура и искусство в системе политического контроля / Н. А. Володина. – Текст : непосредственный // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2009. – № 111. – С. 9-16.

78. Гарипова, Г. Р. Репрессия как социальное явление: философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Галия Ризвановна Гарипова ; Башкирский государственный университет. – Уфа, 2003. – 20 с. – Текст : непосредственный.

79. Гафарова, Ю. Ю. Мультикультурализм, транскulturность и «новое» понятие культуры / Ю. Ю. Гафарова. – Текст : непосредственный // Фундаментальные проблемы культурологи. В 7 томах. Том 7. Культурное многообразие: теории и стратегии / отв. ред. Д. Л. Спивак. – Москва, Санкт-

Петербург : Новый хронограф, Эйдос, 2009. – С. 29-37. – ISBN: 978-5-94881-101-7.

80. Гачев, Г. Д. Ускоренное развитие литературы (на материале болг. литературы первой половины XIX в.) / Г. Д. Гачев. – Москва : Наука, 1964. – 311 с. – Текст : непосредственный.

81. Герасимова, К. М. О бурятской «буржуазной» интеллигенции начала XX века / К. М. Герасимова. – Текст : непосредственный // Вопросы методологии и исследования культуры народов Центральной Азии. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – С. 44-48.

82. Гердер, И. Идеи к философии истории человечества / И. Гердер. – Москва : Наука, 1977. – 704 с. – Текст : непосредственный.

83. Гирц, К. Интерпретация культур / К. Гирц. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 560 с. – ISBN: 5-8243-0474-2. – Текст : непосредственный.

84. Головчинер, В. Е. Эпическая драма в русской литературе XX века / В. Е. Головчинер. – 2-е изд. доп. и испр. – Томск : Изд-во Томс. гос. пед. ун-та, 2001. – 241 с. – ISBN: 5-89428-073-7, ISBN 978-5-89428-279-4. – Текст : непосредственный.

85. Гончаров, С. А. Этнокультурная самобытность автохтонного слова (опыт младописьменных литератур Севера, Сибири и Дальнего Востока) / С. А. Гончаров, О. М. Гончарова. – Текст : непосредственный // Культура и текст. – 2014. – № 3. – С. 87-103. – ISSN: 2305- 4007.

86. Гончикова, М. Ц. Музыкальная культура Бурятии в период национально-культурного строительства в 1920-1930-х годов / М. Ц. Гончикова. – Текст : электронный // Ученые записки : электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2017. – № 1 (41). – URL: <https://elibrary.ru>. (дата обращения: 08.05.2015). – Режим доступа: Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU.

87. Гончикова, М. Ц. Традиции бурятской народной музыки как основа формирования профессиональной музыкальной культуры и

образования в Республике Бурятия / М. Ц. Гончикова. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 1 (21). – С. 94-98.

88. Горький, М. Полное собрание сочинений. В 30 томах. Том 26. Статьи, речи, приветствия (1931-1933) / М. Горький. – Москва : Госполитиздат, 1955. 416 с. – Текст : непосредственный.

89. Грасхоф, Х. Значение общественно-воспитательной функции литературы для изучения русского просвещения / Х. Грасхоф. – URL: http://lib.pushkinskiydom.ru/Portals/3/PDF/XVIII/10_tom_XVIII/Grasofrasof.pdf. (дата обращения: 18.01.2016). – Текст : электронный.

90. Гуревич, П. С. Культурология / П. С. Гуревич. – Москва : Юнити, 2015. – 327 с. – ISBN: 978-5-238-01289-6. – Текст : непосредственный.

91. Гуревич, П. С. Философия и культура / П. С. Гуревич, Н. Н. Палеева. – 2-е изд. доп. – Москва : Канон + ; РООИ «Реабилитация», 2014. – 424 с. – Текст : непосредственный.

92. Давидович, Е. В. Сущность культуры / Е. В. Давидович, Ю. А. Жданов. – Ростов-на-Дону : Изд-во РГУ, 1979. – 264 с. – Текст : непосредственный.

93. Дампилова, Л. С. Духовно-культурные коды в поэзии монгольских народов / Л. С. Дампилова. – Иркутск : Оттиск, 2016. – 243 с. – ISBN: 978-5-9908323-8-1. – Текст : непосредственный.

94. Джохадзе, Д. В. Марксизм, обществоведческая мысль современности и социалистические тенденции развития человечества в XXI веке / Д.В. Джохадзе; Рос. акад. наук. Ин-т философии. Межведомств. науч.-учеб. центр комплекс. проблем нац. политики. - 2. изд., испр. и доп. - М. : Макс Пресс, 2002. - 59 с. – ISBN: 5-317-00446-2. – Текст : непосредственный.

95. Дильтей, В. Собрание сочинений. В 6 томах. Том 1. Введение в науку о духе : пер. с нем. / В. Дильтей ; под ред. В. С. Малахова. – Москва : Дом интеллектуальной книги, 2000. – 762 с. – ISBN: 5-7333-0237-2. – Текст :

непосредственный.

96. Документы. Власть и художественная интеллигенция // Культурная элита в советском идеологическом проекте 1920-1980-х годов : учебно-метод. материалы / авт.-сост. Т. Ю. Красовицкая, В. А. Хохлов. – Москва : ИД РГГУ, 2006. – 142 с.

97. Долбилов, М. Д. Русский край, чужая вера. Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. / М. Д. Долбилов. – Москва: Новое литературное обозрение, 2010 – 1750 с., ил. – ISBN: 978-5-86793-804-8. – Текст : непосредственный.

98. Дроканов, Е. И. Почему Россия не Китай / Е. И. Дроканов. – URL: http://artofwar.ru/d/drokanow_i_e/text_0020.shtml. (дата обращения: 13.03.2017). – Текст : электронный.

99. Дугаржапова, Т. М. Поэтика бурятского стиха / Т. М. Дугаржапова. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. – 202 с. – ISBN: 5-7925-0118-1. – Текст : непосредственный.

100. Дугаржапова, Т. М. Язык поэтических произведений Д. Дашинимаева / Т. М. Дугаржапова. – Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1993. – 122 с. – ISBN: 5-7623-0631-3 : Б. ц. – Текст : непосредственный.

101. Дугарнимаев, Ц.-А. Книга талантливого писателя / Ц.-А. Дугарнимаев. – Текст : непосредственный // Правда Бурятии. – 1959. – 10 января.

102. Дугаров, Д. С. Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят) / Д. С. Дугаров. – Москва : Наука, 1991. – 300 с. ISBN: 975-02-009990-6. – Текст : непосредственный.

103. Дугар-Нимаев, Ц.-А. Против догматизма и схематизма в литературоведении / Ц.-А. Дугар-Нимаев // Свет над Байкалом. – 1959. – С. 142-143. – Текст : непосредственный.

104. Дульбинов, И. Л. Марксизм-ленинизм о культуре / И.Л. Дульбинов. – Текст : непосредственный // Ученые записки института им. Д. Банзарова. Улан-Удэ, 1961, вып. 23. – С. 3-8.

105. Дуринов, А. А. Очерки истории школ и педагогического образования в Бурят-Монголии / А. А. Дуринов. – Улан-Удэ : Бурмонгиз, 1948. – 123 с. – Текст : непосредственный.

106. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. – Москва : Канон, 1996. – 432 с. – ISBN: 5-88373-036-1. – Текст : непосредственный.

107. Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Э. Дюркгейм. – Текст : непосредственный // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения : антология / сост. и общ. Ред.: А. Н. Красников. – Москва, 1998. – С. 174-231. – ISBN: 5-88373- 134-1.

108. Евстратов, А. М. Правовая культура в среде административно-управленческого аппарата в 20-30 гг. / А. М. Евстратов. – URL: http://faclaw.narod.ru/stat_igp.html. (дата обращения:17.05.2017). – Текст : электронный.

109. Евстратов, А. М. Правосознание и правовая культура в период формирования Советского государства в 1920-1930-е годы: историко-теоретическое исследование : автореф. ...дис. д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Андрей Матвеевич Евстратов. – URL: <http://www.dissercat.com>. (дата обращения:17.05.2017). – Текст : электронный.

110. Ермаков, В. Т. Исторический опыт культурной революции в СССР / В. Т. Ермаков. – Москва : Мысль, 1968. – 151 с. – Текст : непосредственный.

111. Есин, А. Б. Введение в культурологию. Основные понятия культурологи в систематическом изложении / А. Б. Есин. – Москва : Академия, 1999. – 216 с. – ISBN: 5-7695-0435-8. – Текст : непосредственный.

112. Жабаева, Л. Б. Э.-Д. Ринчино и формирование государственности монгольских народов в первой четверти XX века : дис. ...д-ра. ист. наук : 07.00.03 / Лариса Будаевна Жабаева ; Институт монголоведения, буддологии, тибетологии Бурятского научного центра СО РАН. – Улан-Удэ,

2001. – 389 с. – Текст : непосредственный.

113. Жабаева, Я. О. Становление и развитие профессиональной музыкальной культуры Бурятии: 1923-1945 гг. : дис. ...канд. ист. наук : 24.00.01 / Яна Олеговна Жабаева ; Институт монголоведения, буддологии, тибетологии Бурятского научного центра СО РАН. – Улан-Удэ, 2006. – 240 с. – Текст : непосредственный.

114. Жамцарано, Ц. Бурятское народническое движение и его критики / Ц. Жамцарано. – Текст : электронный // Сибирские вопросы. – 1907. – № 24. – С. 15-20. – URL: <https://www.prlib.ru/item/444676>. (дата обращения: 17.02.2016).

115. Жамцарано, Ц. О правосознании бурят / Ц. Жамцарано. – Текст : электронный // Сибирские вопросы. – Санкт-Петербург : В. П. Сукачев, 1905-1913. – № 2. – URL: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-1894>. (дата обращения: 17.02.2016).

116. Жестеров, П. В. Некоторые проблемы применения уголовной репрессии в современном мире / В. П. Жестеров. – Текст : непосредственный // Общество и право. – 2010. – № 5(32) . – С. 84-86.

117. Жестеров, П. В. Манифест уголовной репрессии эпохи дополненной реальности / П. В. Жестеров. – URL: <https://books.google.ru>. (дата обращения: 27.05.2017). – Текст : электронный.

118. Жидков, В. С. Российская интеллигенция, большевизм, революция / В. С. Жидков. – Текст : непосредственный // Русская интеллигенция : История и судьба. – Москва : Наука, 2000. – С.272-298.

119. Жукоцкий, В. Д. Гуманистические ценности культуры / В. Д. Жукоцкий, З. Р. Жукоцкая. – Текст : непосредственный // Ценности и смыслы. – 2010. – № 1 (4). – С. 6-18.

120. За дружное и активное исполнение решений ЦК. – Текст : непосредственный // Литературная газета. – 23 (192). – 23.05.1932.

121. Залкинд, Е. В защиту поэта: Критическая заметка о творчестве Солбонэ Туя / Е. Залкинд. – Текст : непосредственный // Байкал – 1961. – №

4. – С. 153-154.

122. Захарова, Л. Б. Концепция образования в Советской России в 1920-е годы / А. В. Богачев, Л. Б. Захарова. – Текст : непосредственный // Вестник Самарского государственного технического университета. Сер. : психолого-педагогические науки. – 2015. – № 2 (26). – С. 19-25.

123. Зиноватный, П. С. Теоретический анализ символических репрессий в современной политике : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.01 / Павел Сергеевич Зиноватный ; Московский государственный университет. – Москва, 2009. – 29 с. – Текст : непосредственный.

124. Иванов, С. Г. Онтология соцреализма / С. Г. Иванов. – Текст : непосредственный // Вопросы культурологи. – № 2. – 2011. – 53-59.

125. Иконникова, С. Н. История культурологических теорий / С. Н. Иконникова. – 2-е изд. – Москва ; Санкт-Петербург : Питер, 2005. – 474 с. – ISBN: 5-469-00310-8. – Текст : непосредственный.

126. Имixelова, С. С. О современной бурятской поэзии / С. С. Имixelова. – Текст : непосредственный // Развитие социалистического реализма в бурятской советской литературе. – Новосибирск : Наука, 1985. – С. 118-127.

127. Ионин, Л. Г. Социология культуры. 4-е изд., перераб. и доп. / Л. Г. Ионин. – Москва : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. – 427 с. – ISBN: 5-7598-0252-6. – Текст : непосредственный.

128. Истон, Д. Упадок современной политической теории / Д. Истон. – Текст : непосредственный // Политическая теория в XX веке : Сб. статей. – Москва : Изд. дом «Территория будущего», 2008. – С. 195-218. – ISBN: 5-91129-022-7.

129. История Бурятии. В 3 томах. Том 3. XX-XXI века / гл. ред. Б. В. Базаров. – Улан-Удэ : Бурят. науч. центр СО РАН, 2011. – 473 с. : ил. – ISBN: 978-5-7925-0329-8. – Текст : непосредственный.

130. История Бурятии. В 2 частях. Часть 1. Конец XIX в. – 1941 г. / под общ. ред. С. Д. Намсараева. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1993. – 77 с. –

Текст : непосредственный.

131. История бурятской советской литературы / Ц.-А. Дугар-Нимаев, В. Ц. Найдаков, А. Б. Соктоев, Г. О. Туденов, А. И. Уланов. – Улан-Удэ : Бурят.кн. изд-во, 1967. – 473 с. – Текст : непосредственный.

132. Каган, М. С. Философия культуры / М. С. Каган. – Санкт-Петербург : Петрополис, 1996. – 416 с. – ISBN: 5-86708-073-0. – Текст : непосредственный.

133. Каган, М. С. Философская теория ценности / М. С. Каган. – Санкт-Петербург : Петрополис, 1997. – 205 с. – ISBN: 5-86708-101-X. – Текст : непосредственный.

134. Калужский, М. Репрессированная музыка / М. Калужский. – Москва : Издательский дом «Классика-XXI», 2007. – 56 с. – ISBN: 978-5-89817-189-6. – Текст : непосредственный.

135. Кант, И. Сочинения : в 6 томах. Том 5. / И. Кант ; под общ. ред.: В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. – Москва : Мысль, 1966. – 564 с. – Текст : непосредственный.

136. Кантор, К. М. Три духовных потенции / К. М. Кантор. – Текст : непосредственный // Вопросы философии. – 2002. – № 12. – С. 50-63.

137. Карасев, Л. В. Вещество литературы / Л. В. Карасев. – Москва : Языки славян. культуры, 2001. – 400 с. – ISBN: 5-7859-0211-7. – Текст : непосредственный.

138. Кефели, И. Советская культура как предмет культурологического анализа / И. Кефели. – Текст : непосредственный // Бренное и вечное: ценности и отчуждение в культурно-цивилизационных процессах. – Великий Новгород : Изд-во НовГУ, 1999. – С. 16-18.

139. Ким, М. П. Коммунистическая партия – организатор культурной революции в СССР / М. П. Ким. – Москва : Госполитиздат, 1955. – 173 с. – Текст : непосредственный.

140. Ким, М. П. Культурная революция в СССР. 1917-1965 : материалы всесоюзной сессии Научного совета – 1967 / М. П. Ким. – Москва

: Наука, 1967. – 471 с. – Текст : непосредственный.

141. Кириченко, С. В. Профессиональный театр Бурятии: от истоков до первой декады в Москве / С. В. Кириченко. – Текст : непосредственный // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – №7. – С. 137-141.

142. Кириченко, С. В. Бурятская художественная интеллигенция и власть: взаимодействие и конфронтация (1920 – 1930 гг.) / С. В. Кириченко. – Текст : непосредственный // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. – 2016. – Т.15. – С. 88-100.

143. Клакхон, К. Зеркало для человека : введение в антропологию / К. Клакхон. – Санкт-Петербург : Евразия, 1998. – 352 с. – ISBN: 5- 8071-0009-3. – Текст : непосредственный.

144. Книга памяти жертв политических репрессий в Бурятии : в 7 томах / Сост. С. В. Васильева, В. В. Комиссарова [и др.] – Улан-Удэ : Республиканская типография, 2010. – URL: <https://kniga.bsu.ru>. (дата обращения : 27.07.2017). – Текст : электронный.

145. Книга памяти жертв политических репрессий в Бурятии : в 7 томах. Том 1 / Сост. С. В. Васильева, В. В. Комиссарова [и др.] – Улан-Удэ : Республиканская типография, 2007. – 290 с. — Текст : непосредственный.

146. Книга памяти жертв политических репрессий в Бурятии : в 7 томах. Том 2 / Сост. С. В. Васильева, В. В. Комиссарова [и др.] – Улан-Удэ : Республиканская типография, 2009. – 213 с. – Текст : непосредственный.

147. Книга памяти жертв политических репрессий в Бурятии : в 7 томах. Том 3 / Сост. С. В. Васильева, В. В. Комиссарова [и др.] – Улан-Удэ : Республиканская типография, 2010. – 251 с. – Текст : непосредственный.

148. Книга памяти жертв политических репрессий в Бурятии : в 7 томах. Том 4 / Сост. С. В. Васильева, В. В. Комиссарова [и др.] – Улан-Удэ : Республиканская типография, 2010. – 234 с. – Текст : непосредственный.

149. Книга памяти жертв политических репрессий в Бурятии : в 7 томах. Том 5 / Сост. С. В. Васильева, В. В. Комиссарова [и др.] – Улан-Удэ :

Республиканская типография, 2011. – 246 с. – Текст : непосредственный.

150. Книга памяти жертв политических репрессий в Бурятии : в 7 томах. Том 6 / Сост. С. В. Васильева, В. В. Комиссарова [и др.] – Улан-Удэ : Республиканская типография, 2012. – 238 с. – Текст : непосредственный.

151. Книга памяти жертв политических репрессий в Бурятии : в 7 томах. Том 7 / Сост. С. В. Васильева, В. В. Комиссарова [и др.] – Улан-Удэ : Республиканская типография, 2012. – 230 с. – Текст : непосредственный.

152. Книга памяти Иркутской области. – URL: <https://ru.openlist.wiki/index.php?title>. (дата обращения: 7.04.2018). – Текст : электронный.

153. Ковлягин, М. С. Коренные народы Нарымского края в контексте советской социокультурной политики 1920-1941 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Максим Сергеевич Ковлягин ; Институт истории СО РАН. – Новосибирск, 2013. – 21 с. – Текст : непосредственный.

154. Коган, Л. Н. Очерки истории социалистической культуры / Л. Н. Коган, Ю. Р. Вишневский. – Свердловск, 1972. – 168 с. – Текст : непосредственный.

155. Кольчикова, Н. Л. Специфика национального самосознания в хакасской литературе / Н. Л. Кольчикова. – Текст : непосредственный // Вопросы развития филологии и литературы в России и мире. Современная литература и культурные традиции. – Казань : ИП Синяев Д. Н., 2013. – С. 37-39.

156. Кондаков, И. В. Русская культура : краткий очерк истории и теории / И. В. Кондаков. – Москва : КДУ, 2007. – 356 с. – ISBN: 978-5-98227-139-6. – Текст : непосредственный.

157. Кондрашова И. И. Проблема художественного метода в становлении и развитии новописьменных литератур Северного Кавказа / И. И. Кондрашова : Текст : электронный // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2. Филология. Искусствоведение. – 2008. – URL: http://vestnik.adygnet.ru/files/2009.1/827/kondrashova2009_1.pdf.

(дата обращения: 11.09.2017).

158. Конев, В. П. Советская художественная культура 30-80 годов XX века : дис. ... д-ра культурологии : 24.00.01 / Валерий Павлович Конев ; Новосибирский государственный университет. – Новосибирск, 2004. – 415 с. –URL: <http://www.dissercat.com>. – Текст : электронный.

159. Конквест, Р. Большой террор / Р. Конквест ; Перевод с англ. Л. Владимировна. – Рига : Ракстниекс, 1991. – 428 с. – Текст : непосредственный.

160. Коренева, Л. Н. Наука и культура в нацистской Германии в оценке германских историков / Л. Н. Коренева. – Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – Т. 4, № 1. – С. 57-62.

161. Костина, А. В. Особенности культурного строительства в Советской России в 20-30-х годах: к вопросу о субъективном аспекте истории / А. В. Костина. – Текст : непосредственный // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – № 2. – С. 36-40.

162. КПСС во главе культурной революции в СССР / Ред. коллегия: С. А. Андронов (руководитель) [и др.]. – Москва : Политиздат, 1972. – 375 с. – Текст : непосредственный.

163. Краснов, П. Здоровые рассуждения о массовых репрессиях / П. Краснов. – Текст : электронный // Сталин: время, люди, Империя. – URL: <http://stalinism.ru/repressii/zdravyie-rassuzhdeniya-o-massovyih-repressiyah.html> 07.02.2016 (дата обращения: 01.06.2017).

164. Кребер, А. Культура: критический анализ концепций и дефиниций / А. Кребер, К. Клакхон. – Текст : непосредственный // Культурология XX век. – Москва : Дайджест : РАН ИНИОН, 2000. – № 1. – С. 105-183.

165. Круглова, Л. К. Запреты в культуре и культура запретов: история и современность / Л. К. Круглова. – URL: <http://www.spho.ru/library/47>. (дата обращения: 19.02.2014). – Текст : электронный.

166. Крупская, Н. К. Педагогические сочинения : в 6 томах / Н. К.

Крупская. – Москва : Педагогика, 1978.

167. Крысько, В. Г. Словарь-справочник по социальной психологии / В. Г. Крысько. – Санкт-Петербург : Изд. Дом Питер, 2003. – 415 с. – ISBN: 5-314-00021-0. – Текст : непосредственный.

168. Кудрявцев, В. Н. Политическая юстиция с СССР / В. Н. Кудрявцев, А. И. Трусков. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс : Наука, 2002. – 386 с. – ISBN: 5-94201-055-2. – Текст : непосредственный.

169. Куда ведет кризис культуры? Опыт междисциплинарных диалогов / Под общ.ред. И. М. Клямкина. – Москва : Новое издательство, 2011. – 538 с. – URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=1019489>. (дата обращения: 17.10.2014). – ISBN: 978-5-98379-156-5. – Текст : электронный.

170. Культура развитого социализма: Некоторые вопросы теории и истории / Ред. коллегия В. Д. Есаков, Л. В. Иванова, М. П. Ким и др. – Москва : Наука, 1979. – 479 с. – Текст : непосредственный.

171. Кудрявцев, Ф. А. История Бурят-Монгольского народа / Ф. А. Кудрявцев. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1947. – 172 с. – Текст : непосредственный.

172. Кузнецова, Е. В. Определение культуры: разнообразие подходов / Е. В. Кузнецова. – Текст : непосредственный // Перспективы науки и образования. – 2013. – № 5. – С. 49-54.

173. Кузякина, Н. Б. Черты лирической драмы / Н. Б. Кузякина. – Текст : непосредственный // Мир современной драмы. – Ленинград : ЛГТИМИК, 1985. – С. 72-89.

174. Куницын, О. Лхасаран Линховоин: очерк жизни и творчества / О. Куницын. – Улан-Удэ : Бур.кн.изд-во, 1991. – 128 с. – ISBN: 5-7411-0376-6. – Текст : непосредственный.

175. Курас, Л. В. Западное Забайкалье в начале XX в.: борьба за землю / Л. В. Курас. – Текст : непосредственный // Гуманитарный вектор. – 2012. – № 2 (30). – С. 97-104.

176. Курас, Л. В. Панмонголизм как проявление этничности

монгольского мира в первой четверти XX века / Л. В. Курас. – Иркутск : Оттиск, 2017. – 188 с. – ISBN: 978-5-9500391-2-6. – Текст : непосредственный.

177. Курас, Л. В. Панмонголизм как социокультурный фактор (первая четверть XX века) / Л. В. Курас, В. В. Бабаков. – Текст : непосредственный // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. 4 : История. Улан-Удэ. – 1997. – № 1. – С. 56-66.

178. Курас, Л. В. Транснациональная история монгольского мира в условиях революционного подъема: первая четверть XX в. / Л. В. Курас. – Иркутск : Оттиск, 2016. – 251 с. – ISBN: 978-5-9909344-1-2. – Текст : непосредственный.

179. Кургузов, В. Л. Гуманитарная культура (теоретическое обоснование феномена и проблемы функционирования в техническом вузе) / В. Л. Кургузов. – Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ, 2001. – 555 с. – Текст : непосредственный.

180. Кургузов, В. Л. Монологи о культуре : в 2 томах. Том 1 / В. Л. Кургузов. – Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ, 2012. – 729 с. – Текст : непосредственный.

181. Кургузов В. Л. Монологи о культуре : в 2 томах. Том 2 / В. Л. Кургузов. – Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ, 2012. – 614 с. – Текст : непосредственный.

182. Лавинская, О. В. Внесудебная реабилитация жертв политических репрессий в СССР : дис. ...канд. ист. наук : 07.00.02 / Ольга Владимировна Лавинская ; Российская академия государственной службы при Президенте РФ. – Москва, 2007. – 166 с. – URL: <http://www.dissercat.com>. – Текст : электронный.

183. Лазарев, Б. М. Правовые вопросы реабилитации репрессированных народов / Б. М. Лазарев. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 1994. – № 12. – С. 21-26.

184. Лазарев, Б. М. Советское государство и общественные

организации / Б. М. Лазарев, А. И. Лукьянов. – Москва : Госюриздат, 1961. – 322 с. – Текст : непосредственный.

185. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений : в 55 томах. Том 24 / В. И. Ленин. – 5-е изд. – Изд. 5-е. – Москва : Изд-во полит. лит., 1970. – 606 с. – Текст : непосредственный.

186. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений : в 55 томах. Том 36 / В. И. Ленин. – 5-е изд. – Изд. 5-е. – Москва : Изд-во полит. лит., 1974. – 740 с. – Текст : непосредственный.

187. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений : в 55 томах. Том 39 / В. И. Ленин. – Изд. 5-е. – Москва : Изд-во полит. лит., 1970. – 623 с. – Текст : непосредственный.

188. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений : в 55 томах. Том 42 / В. И. Ленин. – Изд. 5-е. – Москва : Изд-во полит. лит., 1970. – 606 с. – Текст : непосредственный.

189. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений : в 55 томах. Том 45 / В. И. Ленин. – Изд. 5-е. – Москва : Изд-во полит. лит., 1970. – 729 с. – Текст : непосредственный.

190. Лесовиченко, А. М. Атеистическая тема в советской музыке / А. М. Лесовиченко // Музыковедение. – 2018. – № 2. – С. 25-30. – Текст : непосредственный.

191. Лесовиченко, А. М. «Культурная революция» в СССР и её последствия / А. М. Лесовиченко. – Текст : непосредственный // Учёные записки Комсомольск-на Амуре государственного технологического университета. – 2017. – №1-2. – С. 30-32.

192. Летягин, Л. И. Идеология как форма культуры: версия Фрейдизма / Л. И. Летягин. – Текст : непосредственный // Человек в мире культуры. – 2014. – № 1. – С. 22-25.

193. Литературы народов России. XX век : словарь / Рос.акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького ; отв. ред. Н.С. Надъярных. – Москва : Наука, 2005. – 365 с. – ISBN: 5-02-010208-3 (в пер.). – Текст :

непосредственный.

194. Лишены избирательных прав : сб. документов / Ком. По делам архивов Респ. Бур. Нац. архив РБ ; Сост . С. Г. Аюшеева, И. О. Баранникова, Ф. Г. Дардаева [и др.]. – Улан-Удэ : Респ. тип., 2003. – 214 с. – Текст : непосредственный.

195. Ломидзе, Г. И. Интернациональный пафос советской литературы Г. И. Ломидзе. – Москва ; Санкт-Петербург, 1970. – 336 с. – Текст : непосредственный.

196. Ломидзе, Г. И. Методологические вопросы изучения взаимосвязей и взаимообогащения советских литератур / Г. И. Ломидзе. – Москва : Изд-во АН СССР, 1963. – 42 с. – Текст : непосредственный.

197. Ломидзе, Г. Нехоженными тропами / Г. Ломидзе. – Текст : непосредственный // Литература и жизнь. – 1959. – 22 ноября.

198. Лосев, А. Ф. Философия. Мифология. Культура / А. Ф. Лосев. – Москва : Политиздат, 1991. – 525 с. – ISBN: 5-250-01293-0. – Текст : непосредственный.

199. Лотман, Ю. М. История и типология русской культуры / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2002. – 768 с. – ISBN: 5-210-015270. – Текст : непосредственный.

200. Лотце, Р. Г. Микрокосм. Мысли о естественной и общественной истории человечества: опыт антропологии / Р. Г. Лотце. – Москва : «Политиздат», 1975. – 180 с. – Текст : непосредственный.

201. Лукин, В. А. Гендерный конфликт: система понятий / В. А. Лукин, В. Н. Кириллина. – Текст : непосредственный // Знание. Понимание. Умение. – 2005. – № 1. – С. 86-101.

202. Луначарский, А. В. Статьи о литературе : в 2 томах. Том 2 / А. В. Луначарский ; сост. Л. Истомина. – Москва : Худож. лит., 1988. – 483 с. – ISBN: 5-280-00390-5, 5-280-00388-3. – Текст : непосредственный.

203. Луначарский, А. В. Статьи о театре и драматургии / А. В. Луначарский. – Москва ; Ленинград : Искусство, 1938. – 255 с. – Текст :

непосредственный.

204. Майский, И. М. Современная Монголия : (отчет Монгольской экспедиции, снаряженной конторой Всероссийского Союза потребительских обществ "Центросоюз") / И. М. Майский. – Иркутск, 1921. – 261 с. – Текст : непосредственный.

205. Малиновская, Е. Г. Репрессированная архитектура / Е. Г. Малиновская. – Алматы : ARK Gallery, 2018. – 488 с. – ISBN-10(13): 978-601-278-612-5. – Текст : непосредственный.

206. Манзырева, Е. С. Художественная культура Восточной Сибири (XIX – начало XX вв.) / Е. С. Манзырева. – Улан-Удэ : Изд.-полигр комплекс ВСГАКИ, 2014. – 126 с. – ISBN: 978-5-89610-225-0. – Текст : непосредственный.

207. Манн, Т. Аристократия духа : сб. очерков, эссе и статей / Т. Манн. – Москва : Культурная революция, 2009. – 110 с. – ISBN: 978-5-250-06049. – Текст : непосредственный.

208. Маркарян, Э. С. Избранное. Наука о культуре и императивы эпохи / Э. С. Маркарян. – Москва : Центр гуманит. инициатив, 2014. – 656 с. – ISBN: 978-5-98712-175-7. – Текст : непосредственный.

209. Маркизов, А. Борьба на два фронта за ленинскую национальную политику / А. Маркизов. – Текст : непосредственный // Советская Бурятия. – 1933. – № 1. – С. 3-13.

210. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии // Полное собрание сочинений : в 39 томах. Том 1 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Москва : Политиздат, 1978. – 908 с. – Текст : непосредственный.

211. Маркс, К. К критике гегелевской философии права // Полное собрание сочинений : в 39 томах. Том 1 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Москва : Политиздат, 1955. – 698 с. – Текст : непосредственный.

212. Мартин, Т. Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма? / Т. Мартин. – URL: <https://muse.jhu.edu/article/559563/summary>. (дата обращения: 17.10.2017). –

Текст : электронный.

213. Мартовицкая, А. Авангард на руинах. / А. Мартовицкая. – Текст : электронный // Культура-портал. – URL: <http://www.maps-moscow.com>. (дата обращения: 06.02.2012).

214. Махлина, С. Т. Семиотика культуры и искусства : опыт энциклопедического словаря / С. Т. Махлина. – Санкт-Петербург : [Б.и.], 2000. – 552 с. – Текст : непосредственный.

215. Межуев, В. М. Идея культуры. Очерки по философии культуры / В. М. Межуев. – Москва : Университетская книга, 2012. – 406 с. – ISBN: 978-5-91304-254-5. – Текст : непосредственный.

216. Межуев, В. М. Культура и история : Проблемы культуры в философско-исторической теории марксизма / В. М. Межуев. – Москва : Политиздат, 1977. – 199 с. – Текст : непосредственный.

217. Мехлис, Л. За перестройку работы РАПП / Л. Мехлис. – Текст : непосредственный // Правда. – 1931. – 24 ноября.

218. Мильбах, В. С. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937-1938 гг. Забайкальский военный округ и 57 особый стрелковый корпус / В. С. Мильбах. – Санкт-Петербург : изд-во С.-Петербургского университета, 2014. – 363 с. – ISBN: 978-5-288-05508-9. – Текст : непосредственный.

219. Миткинов, М. К. Библиография литературоведения и критики в Бурятии 1946-1967 / М. К. Миткинов. – Иркутск : Отгиск, 2014. – 291 с. – ISBN: 978-5-9906204-4-5. – Текст : непосредственный.

220. Митупов, К. Б.-М. Становление социалистической социальной структуры Бурятии, 1938-1960 гг. / К. Б.-М. Митупов. – Новосибирск : Наука, 1986. – 133 с. – Текст : непосредственный.

221. Михайличенко, Д. Г. Феноменология психологической репрессивности / Д. Г. Михайличенко. – Текст : непосредственный // Вестник Чувашского государственного университета: Сер. Философия. – 2010. – № 4. – С. 126-129.

222. Москалева, Е. К. Тенденции жанрового развития советской драматургии 1970-1980 гг. / Е. К. Москалева. – Текст : непосредственный // Мир современной драмы. – Ленинград, 1985. – С. 59-72.

223. Мосс, М. Общества. Обмен. Личность: труды по социальной антропологии / М. Мосс ; сост., пер. с фр., предисл., вступ. ст., коммент. А.Б. Гофмана. – Москва : КДУ, 2011. – 416 с. – ISBN: 978-5-98227-695-7. – Текст : непосредственный.

224. Мочалов, И. И. Репрессированная наука: становление феномена (1917- 1922) / И. И. Мочалов // Подвластная наука? Наука и советская власть. – Москва : Голос, 2010. – С. 189-227. – ISBN: 978-5-91932-001-2. – Текст : непосредственный.

225. Набатов, Г.В. Российская интеллигенция и советская власть (1917- 1930-е гг.) / Г. В. Набатов. – URL: [http://www.unn.ru/pages/vestniki_journals/99990200_West_MO_2004_1\(2\)/25.pdf](http://www.unn.ru/pages/vestniki_journals/99990200_West_MO_2004_1(2)/25.pdf). (дата обращения : 21.08.2019). – Текст : электронный.

226. Найдаков, В. Ц. Бурятская драматургия: историко-литературные и критические очерки / В. Ц. Найдаков. – Улан-Удэ : Бурят.кн. изд-во, 1959. – 202 с. – Текст : непосредственный.

227. Найдаков, В. Ц. История бурятской литературы 1917-1955 годов. В 2-х частях. Часть 1. Становление бурятской советской литературы (1917-1940) / В. Ц. Найдаков, А. Б. Соктоев, Г. О. Туденов. – Улан-Удэ : Изд-во Бур. науч. центр СО РАН, 1995. – 254 с. – Текст : непосредственный.

228. Найдаков, В. Ц. Путь к роману. История формирования бурятской прозы / В. Ц. Найдаков. – Новосибирск : Наука, 1985. – 261 с. – Текст : непосредственный.

229. Найдаков, В. Ц. Типологическая характеристика младописьменных и новописьменных литератур / В. Ц. Найдаков. – Текст : непосредственный // Закономерности развития новописьменных литератур и проблемы социалистического реализма (тезисы). – Фрунзе, 1986. – С. 49-50.

230. Найдакова, В. Ц. Бурятский академический театр драмы им. Х.

Намсараева – последняя четверть XX века (1975-2002 гг.) / В. Ц. Найдакова. – Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2002. – 310 с. – Текст : непосредственный.

231. Найдакова, В. Ц. Бурятский советский драматический театр / В. Ц. Найдакова. – Улан-Удэ : Бурят.кн. изд-во, 1974. – 276 с. – Текст : непосредственный.

232. Национальное движение в Бурятии в 1917-1919 гг.: Документы и материалы / Сост. И науч. ред. Б.Б. Батуев. – Улан-Удэ : ОНЦ Сибирь, 1994. – 199 с. – Текст : непосредственный.

233. Нейстат, А. А. Формирование правосознания и художественная литература в России 1917-1929 гг: уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспект : автореф. дис. ...канд. юрид. наук : 12.00.01 / Анна Адольфовна Нейстат. – Москва, 2000. – 24 с. – Текст : непосредственный.

234. Непомнящих, Н. А. Сюжеты и мотивы младописьменных литератур Сибири: к вопросу о сравнительном изучении типологии. – Текст : электронный / Н. А. Непомнящих, И. С. Полторацкий. – URL: http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/pdf/2016_3/15.pdf. (дата обращения: 26.08.2017).

235. Ницше, Ф. Рождение трагедии из духа музыки / Ф. Ницше ; пер. с нем. Г. А. Рачинского. – Москва : Азбука, 2014. – 224 с. – ISBN: 978-5-389-08489-6. – Текст : непосредственный.

236. Номогоева, В. В. Исторический опыт социально-культурной модернизации национальных районов Восточной Сибири в 1920-1930 годы (на материалах республики Бурятия) : дис. ...д-ра. ист. наук : 07.00.02 / Виктория Владимировна Номогоева ; Институт монголоведения, буддологии, тибетологии Бурятского научного центра СО РАН. – Улан-Удэ, 2011. – 404 с. – Текст : непосредственный.

237. Номогоева, В. В. Национальная культура: логика историко-культурной трансформации / В. В. Номогоева. – Текст : непосредственный // Власть. – 2008. – № 11. – С. 55-60.

238. О фактах проявления национализма в парторганизации института культуры. – Текст : непосредственный // Бурят-монгольская правда. – 1936. – 8 января.

239. Ортега-и-Гассет, Х. Новые симптомы / Х. Ортега-и-Гассет. – Текст : непосредственный // Проблема человека в западной философии. – Москва : Прогресс, 1988. – 552 с.

240. Островский, А. Н. Полное собрание сочинений : в 12 томах. Том 10 / А. Н. Островский. – Москва : Искусство, 1978. – 720 с. – Текст : непосредственный.

241. Очерки истории Бурятской организации КПСС : сб. док. / под ред. Г. Д. Басаев. – Улан-Удэ : Бурят.кн. изд-во, 1970. – 226 с. – Текст : непосредственный.

242. Очерк истории бурятской советской литературы / Ред. коллегия Л. Е. Элиасов [и др.] – Улан-Удэ : Бурят.кн. изд-во, 1959. – 275 с. – Текст : непосредственный.

243. Очерки истории культуры Бурятии : в 2 томах. Том 2 / Общ. ред. Е. М. Залкинд и др. – Улан-Удэ : Бурят.кн. изд-во, 1974. – 491 с. – Текст : непосредственный.

244. Очиров, С. Б. Размышления о жизни и последних днях / С. Б. Очиров, Д.-Н. Т. Раднаев. – Текст : непосредственный // Неизвестные страницы истории Бурятии: из архивов КГБ. Улан-Удэ : Общественно-научный центр «Сибирь», 1991. – С. 23-40.

245. Паперный, В. З. Культура Два / В. З. Паперный. – Москва : Новое литературное обозрение, 1996. – 384 с. – ISBN: 5-86793-013-0. – Текст : непосредственный.

246. Парамонов, Б. М. Мужчины и женщины / Б. М. Парамонов. Москва : АСТ, 2010. – 480 с. – ISBN: 978-5-403-02693-2. – Текст : непосредственный.

247. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. – Москва : Академический Проект, 2000. – 880 с. – ISBN: 5-8291-0016-9. –

Текст : непосредственный.

248. Пахутова, Е. Г. Бурятская детская литература (1920-1962) / Е. Г. Пахутова. – Улан-Удэ : Бур.кн. изд-во, 1963. – 70 с. – Текст : непосредственный.

249. Петров, А. Г. Типология репрессий в СССР: опыт историко-правового анализа / А. Г. Петров. – Москва: Центр гуманитарной литературы «РОН», 2004. – 308 с. – ISBN: 5-93866-008-4. – Текст : непосредственный.

250. Писатели Аги. XX век : в 5 томах / ред.-сост. Б. А. Гармажалов, Б. Ш. Эрдынеев. – Улан-Удэ : Республиканская типография, 2005. – ISBN: 5-7411-0108-9.

251. По большевистски организовать дело издания политической литературы. – Текст : непосредственный // Бурят-Монгольская Правда. – 1937. – 15 сентября.

252. Полежаев, Д. В. Русский менталитет: социально-философское осмысление / Д. В. Полежаев. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. – 370 с. – ISBN: 978-5-9669-0357-2. – Текст : непосредственный.

253. Политическая наука : словарь-справочник / авт., сост. И. И. Санжаревский. – Изд. 6-е, испр. доп. – Тамбов, 2016. – 988 с. – Текст : непосредственный.

254. Полторацкий, И. С. Некоторые теоретические аспекты изучения младописьменных литератур / И. С. Полторацкий, И. В. Силантьев, Н. Н. Широбокова. – Текст : непосредственный // Сибирский филологический журнал. – 2010. – № 1. – С. 124-128. – ISSN: 1813-7083.

255. Польшов, М. Ф. Проблемы и противоречия в развитии национальных отношений в СССР в 1970-х – первой половине 1980-х гг. / М. Ф. Польшов. – Текст : непосредственный // Общество. Среда. Развитие, 2008. – № 2. – С. 4- 26. – ISSN: 1997-5996.

256. Пономаренко, О. П. Сравнительный анализ моделей культурной политики в сфере образования / О. П. Пономаренко. – Текст : непосредственный // Философия образования. – 2008. – № 3 (22). – С. 202-

206. – ISSN: 1811-0916.

257. Пригожина, Л. Проблемы поэтической драмы и советский театр рубежа 1920-1930-х годов / Л. Пригожина. – Ленинград : Искусство, 1991. – 74 с. – ISBN: 5-7196-0122. – Текст : непосредственный.

258. Радзинский Э. Сталин. Жизнь и смерть / Э. Радзинский. – Москва : Вагриус, 2003. – 639 с. – Текст : непосредственный.

259. Раднаев, В. Э. Конфликты в процессе реформ национальной письменности бурят в контексте политического дискурса / В. Э. Раднаев. – Текст : непосредственный // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. – Москва, 2014. – С. 218-226. – ISBN: 978-5-98421-251-9.

260. Разлогов, К. Э. Мировое кино: история искусства экрана / К. Э. Разлогов. – Москва : Эксмо, 2011. – 688 с.: ил. – ISBN: 978-5699-38674-1. – Текст : непосредственный.

261. Рассел, Б. Какие желания политически весомы? / пер. с англ. А. Похлебкин. – Текст : электронный // Социологическое обозрение. – 2017. – Т. 16, № 1. – ISSN: 1728-1938. – URL: <http://sociologica.hse.ru>. (дата обращения: 11.04.2017).

262. Резник, Ю. М. Человек за границами культуры и социальности: трансперсональность как предмет социальной теории : (метафизические основания) / Ю. М. Резник. – Текст : непосредственный // Вопросы социальной теории. – 2009. – Т. 3, вып. 1 (3). – С. 179-195. – ISBN: 5 901493 141.

263. Репина, Е. А. Бинарное сознание как реабилитация репрессированных значений культуры в постнеклассической науке и постмодернистской архитектурной критике / Е. А. Репина. – Текст : электронный // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. – 2009. – № 1. – С. 92-103. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12938921>. (дата обращения: 30.05.2011). – Режим доступа : Научная электронная библиотека: eLIBRARY.RU.

264. Репрессированная наука / под. ред. М. Г. Ярошевского. – Санкт-

Петербург : Наука, 1991. – 560 с. – Текст : непосредственный.

265. Речь тов. Сталина и задачи РАПП. – Текст : непосредственный // На литературном посту. – 1931. – № 1. – С. 1-9.

266. Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре : пер. с нем. / Г. Риккерт. – Москва : Республика, 1998. – 413 с. – ISBN: 5-250-02670-2. – Текст : непосредственный.

267. Родионов, В. Г. Современные проблемы исторической типологии литератур народов Российской Федерации / В. Г. Родионов. – Текст : электронный // Вестник Марийского государственного университета. – 2014. – № 1 (13). – С. 154-157. – URL: <https://elibrary.ru/contents.asp?id=33968728>. (дата обращения: 30.08.2017). – Режим доступа : Научная электронная библиотека: eLIBRARY.RU.

268. Российское монголоведение : хрестоматия / авт. и сост. Е. К. Шаракшинова. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. – 322 с. – ISBN: 978-5-9624-0668-8. – Текст : непосредственный.

269. Русский футуризм. Теория. Практика. Критика. Воспоминания / сост. В. Н. Терехина, А. П. Зименков. – Москва : Наследие, 2000. – 832 с. – ISBN: 5-920800-30-5. – Текст : непосредственный.

270. Руссо, Ж.-Ж. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо. – Москва : Наука, 1969. – 710 с. – Текст : непосредственный.

271. Рябова, Г. Н. Советская кинокомедия 1920-х гг. как феномен смеховой культуры / Г. Н. Рябова. – Текст : электронный // Известия Пензенского ГПУ им. В.Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 54-57. – ISSN: 1999-7116. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18280888>. (дата обращения: 11.02.2013). – Режим доступа : Научная электронная библиотека: eLIBRARY.RU.

272. Сальникова, Е. Советская культура в движении: от середины 1930-х к середине 1980-х. Визуальные образы, сюжеты, герои / Е. Сальникова. – Москва : Изд-во ЛКИ, 2010. – 471 с. – ISBN: 978-5-382-01182-0. – Текст : непосредственный.

273. Саляхо, А. А. Взаимопроникновение национального и инонационального – диалектический путь развития литературы / А. А. Саляхо, Г. Р. Мамий. – Текст : электронный // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2. Филология и искусствоведение. – 2012. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimoproniknovenie-natsionalnogo-i-inonatsionalnogo-dialekticheskiy-put-razvitiya-literatury>. (дата обращения: 11.02.2016).

274. Сангадиева, Э. Г. Концепция мира и человека : дис. ...канд. филол. наук : 10.01.02 / Эржен Гэндэновна Сангадиева ; Бурятский государственный университет. – Улан-Удэ, 2004. – 160 с. – Текст : непосредственный.

275. Санжиева, Е. Г. Формирование и развитие культуры Бурятии в советский период / Е. Г. Санжиева. – Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2008. – 214 с. – ISBN: 978-5-89610-143-7. – Текст : непосредственный.

276. Свободное слово. Интеллектуальная хроника: Альманах 2007/2008 / Сост. и отв. Ред. В. И. Толстых. – Москва : ИНФРА, 2008. – 342 с. – ISBN: 978-5-9540-0130-3. – Текст : непосредственный.

277. Сделать культурную работу классово четкой и выдержанной, подчинить ее задачам социалистического строительства. – Текст : непосредственный // Бурят-Монгольская Правда. – 1930. – 15 ноября.

278. Севостьянова, Е. В. цензурная политика государства и общественная инициатива в сфере культуры в Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX века / Е. В. Севостьянов // История и культура народов стран Центральной и Восточной Азии. – Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2010. – С. 212-219. – ISBN: 978-5-89610-170-3. – Текст : непосредственный.

279. Серс, Ф. Тоталитаризм и авангард: в преддверии запредельного / Ф. Серс / Пер. с англ. Дубина С.Б. – Москва : Прогресс: Традиция, 2004. – 336 с. – ISBN: 5-89826-221-0 : 1000. – Текст : непосредственный.

280. Синдром нерасколдованного прошлого. – Текст : электронный // Российский исторический правозащитный журнал «Карта». – 2011. – № 45-46. – С. 43-58. – URL: <https://hro.org/node/10862>. (дата обращения: 11.02.2016).

281. Сеницын, Ф. Л. К Истории возникновения теории общности буддийского учения и коммунистической идеологии / Ф. Л. Сеницын. – Текст : непосредственный // Вопросы философии. – 2012. – № 6. – С.106-115. – ISSN: 0042-8744.

282. Скрынникова, Т. Д. Бурятская идентичность в контексте социокультурной модернизации (советский период) / Т. Д. Скрынникова, С. Д. Батомункуев, П.К. Варнавский. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. – URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/buryat2/index.html. (дата обращения: 03.09.2017). – Текст : электронный.

283. Словарь по правам человека / Пер. Н. Смаглова, Ред. М. Левина, С. Смирнов.– URL: <http://www.law.edu.ru>. (Дата обращения: 11.02.2017). – Текст : электронный.

284. Словарь современного русского языка / В. В. Лопатин, Л. Е. Лопатина. – Москва : Эксмо, 2007. – 928 с.: ил. – ISBN: 978-5-699-22388-6. – Текст : непосредственный.

285. Смирнова, Л. А. Русская литература конца XIX - начала XX века / Л. А. Смирнова. – Москва : Просвещение, 1993. – 383 с. – ISBN: 5-09-004004-4 (В пер.) : Б. ц. – Текст : непосредственный.

286. Соколов, Б. Г. Культура и традиция / Б. Г. Соколов // Альманах «Метафизические исследования: Культура : альманах. – Санкт-Петербург : Алетейя, 1997. – Вып. 4. – С. 27-48. – Текст : непосредственный.

287. Соколов, Э. В. Возможна ли культурология как наука? / Э. В. Соколов. – URL: <http://www.spbric.org/PDF/kkon.pdf>. (дата обращения: 7.10.2011). – Текст : электронный.

288. Соколова, Ф. Х. Власть и интеллигенция Европейского севера России в годы новой экономической политики / Ф. Х.Соколова // Известия

РГПУ им. Герцена. – 2004. – Т. 4. – № 7. – С. 225-236. – ISBN: 5-89329-040-2.
– Текст : непосредственный.

289. Соктоев, А. Бурятская драматургия / А. Соктоев. – Текст : непосредственный // Правда Бурятии. – 1960. – 24 марта.

290. Соктоев, А. Б. Становление художественной литературы Бурятии дооктябрьского периода / А. Б. Соктоев. – Улан-Удэ : Бурят.кн. изд-во, 1976. – 491 с. – Текст : непосредственный.

291. Соктоева, И. И. Изобразительное и декоративное искусство Бурятии / И. И. Соктоева. – Новосибирск : Наука, 1988. – 157 с. – ISBN: 5-02-028984-1. – Текст : непосредственный.

292. Солдаткина, Я. В. Национальное мировоззрение «сталинской эпохи»: советская культура и русская эпическая проза / Я. В. Солдаткина. – Текст : непосредственный // Обсерватория культуры. – 2009. – № 5. – С. 108-112. – ISSN: 2072-3156.

293. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин ; общ.ред. А. Ю. Согомонов / П. А. Сорокин. – Москва : Политиздат, 1992. – 429 с. – ISBN: 5-250-01297-3. – Текст : непосредственный.

294. Сосновских, С. В. Политические репрессии на Урале в конце 1920-х – начале 1950-х гг. в отечественной историографии : автореф. дис. ...канд. ист. наук : 07.00.09 / Светлана Владимировна Сосновских ; Институт истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург, 2010. – 23 с. – Текст : непосредственный.

295. Сталин, И. В. Сочинения : в 18 томах. Том 17 / И. В. Сталин. – Тверь : Научно-издательская компания «Северная корона», 2004. – 128 с. – ISBN: 5983830015. – Текст : непосредственный.

296. Сталинские расстрельные списки по Бурят-Монгольской АССР. – URL: <https://pomnirod.ru>. (Дата обращения: 11.05.2018). – Текст : электронный.

297. Степанов, М. Г. Репрессивная политика советского государства в 1928- 1953 гг.: проблемы российской историографии : автореф. дис. ...д-ра.

ист. наук : 07.00.02 / Михаил Геннадьевич Степанов ; Институт монголоведения, буддологии, тибетологии Бурятского научного центра СО РАН. – Улан-Удэ, 2009. – 39 с. – Текст : непосредственный.

298. Суковатая, В. А. Сатира как репрессия: гендерные политики в бытовом фольклоре / В. А. Суковатая. – Текст : непосредственный // Общественные науки и современность. – 2000. – № 4. – С. 103-108. – ISSN: 0869-0499.

299. Султанов, К. К. Нельзя играть словом / К. К. Султанов. – Текст : непосредственный // Литературная Россия. – 2016. – № 44.

300. Сычев, А. А. Скандал на маргиналиях средневековой культуры / А. А. Сычев. – Текст : непосредственный // Гуманитарный вектор. Проблемы реальности и её отражения. – 2015. – № 2 (42). – С. 48-53. – ISSN: 2307-1826.

301. Сюй Цзяцзин. Линь Бяо и его роль в «Великой культурной революции» / Сюй Цзяцзин. – Текст : непосредственный // Вестник РУДН. Сер. Международные отношения, 2008. – № 3. – С. 78-86. – ISSN: 2313-0660.

302. Тайлор, Э. Первобытная культура / Э. Тайлор. – Москва : Политиздат, 1989. – 573 с. – ISBN: 5-250-00379-6. – Текст : непосредственный.

303. Тамашин, Л. Советская драматургия в годы гражданской войны / Л. Тамашин. – Москва : Искусство, 1961. – 291 с. – Текст : непосредственный.

304. Теммоев, И. О реабилитации репрессированных народов (в контексте национальной политики современной России) / И. Теммоев. – Текст : непосредственный // Власть. – 2009. – № 6. – С. 65-67. – ISSN: 2071-5358.

305. Тенденции социокультурного развития России, 1960—1990-е гг. / отв. ред. А. И. Бутенко, К. Э. Разлогов. – Москва : 1996. – 507 с. – ISBN: 5-87664-083-2. – Текст : непосредственный.

306. Теплоухова, М. В. Этно-национальная политика в Российской империи / М. В. Теплоухова. – Текст : непосредственный // Ойкумена. – 2011.

– № 2. – С. 139-144. – ISSN: 1998-6785.

307. Тишков, В. А. Теория и практика насилия / В. А. Тишков // Антропология насилия. – Санкт-Петербург : Наука, 2001. – С. 7-38. – ISBN: 5-02-028471-8. – Текст : непосредственный.

308. Толковый словарь русского языка : в 4 томах. Том 3 / Под ред. Д. Н. Ушакова. – Репр. воспр. изд. 1939 г. – Москва : Русские словари, 1995. – 714 с. – ISBN: 5-300-00496-0 (В пер.). – Текст : непосредственный.

309. Толстой, В. П. У истоков советского монументального искусства 1917- 1923 гг. / В. П. Толстой. – Москва : Изобраз. искусство, 1983. – 239 с.: ил. – Текст : непосредственный.

310. Трактат о прелестях кнута // Новый колокол: Литературно-публицистический сборник. – Лондон : The New Bell, 1972. – С. 55-74. – Текст : непосредственный.

311. Туденов, Г. О. Творчество Солбонэ Туя / Г. О. Туденов. – Текст : непосредственный // Советская литература и фольклор. – Улан-Удэ, 1961. – Вып. 1. – С. 17-40.

312. Туя, С. О бурят-монгольском эпосе и шаманской поэзии / С. Туя. – Текст : электронный // Сибирские огни. – 1923. – № 5-6. – С. 246-248. – URL: <http://poisk.ngonb.ru/flip/periodika/sibogni/1923/05-06/files/assets/basic-html/page-248.html>. (дата обращения: 3.03.2016).

313. Тынянов, Ю. М. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. М. Тынянов. – Москва : Наука, 1977. – 574 с. – Текст : непосредственный.

314. Тюпа, В. И. Аналитика художественного / В. И. Тюпа. – Москва : Лабиринт, 2001. – ISBN: 5-87604-116. – Текст : непосредственный.

315. Уайт, Л. Избранное. Наука о культуре / Л. Уайт ; пер. с англ. О. Р. Газизова, П. В. Резвых. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 478 с. – ISBN: 5- 8243-0480-7. – Текст : непосредственный.

316. Уйманов, В. Н. Репрессии. Как это было... : (Западная Сибирь в конце 20-х – начале 50-х годов) / В. Н. Уйманов. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1995. – 334 с. – ISBN: 5-7511-0745-4. – Текст : непосредственный.

317. Уланов, А. И. Улигеры и бурятская литература / А. И. Уланов // Советская литература и фольклор Бурятии. – Улан-Удэ : Бур. кн. изд-во, 1959. – 158 с. – Текст : непосредственный.

318. Уланов, М. С. Обновленческое движение в бурятском буддизме в дооктябрьский период / М. С. Уланов. – Текст : электронный // Современные научные исследования и инновации. – 2016. – № 10. С. 405-410. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27385519>. (дата обращения: 7.06.2019). – ISSN: 2223-4888. – Режим доступа : Научная электронная библиотека: eLIBRARY.RU.

319. Усенко, А. Н. Массовые политические репрессии 1930-х годов на Дону: автореф. ...дис. канд. ист. наук : 07.00.02 / Александр Николаевич Усенко ; Ростовский государственный педагогический университет. – Ростов-на-Дону, 2005. – 24 с. – Текст : непосредственный.

320. Фадеев, А. Старое и новое / А. Фадеев. – Текст : непосредственный // Литературная газета. – 1932. – 11 октября (47).

321. Фартусов, Д. Б. Репрессии 1920-х – 1930-х годов и государственная реабилитационная политика в Бурятии : дис. ...канд. ист. наук : 07.00.02 / Дмитрий Борисович Фартусов ; Бурятский государственный университет. – Улан-Удэ, 2018. – 228 с. – Текст : непосредственный.

322. Философия культуры. Становление и развитие / Под ред. М. С. Кагана, Ю. В. Перова, В. В. Прозерского, Э. П. Юровской. – Санкт-Петербург : Лань, 1998. – 448 с. – ISBN: 5-8114-0010-1. – Текст : непосредственный.

323. Флиер, А. Я. Культура как репрессия / А. Я. Флиер // Фундаментальные проблемы культурологи. В 4 томах. Т. 1. Теория культуры. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2008. – С. 242-250. – ISBN: 978-5-91419-050-4 (В пер.). – Текст : непосредственный.

324. Флиер, А. Я. Некультурные функции культуры : очерки / А. Я. Флиер. – Москва : МГУКИ, 2008. – 271 с. – ISBN: 978-5-94778-175-5. – Текст : непосредственный.

325. Флиер, А. Я. Философские пролегомены к нормативности

культуры / А. Я. Флиер. – Текст : электронный // Культура культуры. – 2019. – № 2. – URL: <http://cult-cult.ru/the-philosophical-prolegomena-to-a-normative-theory-of-culture/>. (дата обращения: 11.05.2019).

326. Флоренский, П. А., священник. Сочинения : в 4 томах. Том 1 / Сост. и общ.ред. Игумена Андроника (А. С. Трубачева). – Москва : Мысль, 1994. – 797 с. : ил. – ISBN: 5-244-00241-4. – Текст : непосредственный.

327. Франк, С. Л. Крушение кумиров / С. Л. Франк. – Берлин : Американское издательство, 1924. – URL: http://lib.ru/HRISTIAN/FRANK_S_L/krushenie.txt_with-big-pictures.html. (дата обращения: 21.11.2015). – Текст : электронный.

328. Франк, С. Л. По ту сторону «правого» и «левого» : сб. ст. / С. Л. Франк ; под ред. В. С. Франка. – Париж : Изд. рус. зарубежья, 1972. – 272 с. – Текст : непосредственный.

329. Фрейд, З. Недовольство культурой / З. Фрейд. – URL: http://krotov.info/lib_sec/21_f/fre/freud_04.html. (дата обращения: 12.09.2011). – Текст : электронный.

330. Фрейд, З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии / З. Фрейд. – Санкт-Петербург : Алетейя, 1997. – 222 с. – ISBN: 5-89329-021-X. – Текст : непосредственный.

331. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко / Пер. с фр. В. Наумова, под ред. И. Борисовой. – Москва : «Ад Маргинем Пресс», 2015. – URL: <https://www.litres.ru/mishel-fuko/nadzirat-i-nakazyvat-rozhdenie-turmy/chitat-onlayn/>. (дата обращения: 21.07.2017). – Текст : электронный.

332. Хайдеггер, М. Положение об основании : ст. и фрагменты / пер. с нем., глоссарий, послесл. О. А Коваль, предисл. Е. Ю. Сиверцева. – Санкт-Петербург : Лаб. метафиз. исслед. филос. фак. СПбГУ : Алетейя, 2000. – 290 с. – ISBN: 5-89329-264-2. – Текст : непосредственный.

333. Хаксли, О. Искренность в искусстве и другие эссе / О. Хаксли ; пер. с англ.: А. Власова, С. Нещеретов // Новое литературное обозрение. –

2004. – № 1. – С. 210-223. – ISSN: 0869-6365. – Текст : непосредственный.

334. Халхарова, Л. Ц. Проза Ч. Цыдендамбаева: специфика создания национальной картины мира : дис. ...канд. филол. наук : 10.01.02 / Лариса Цымжитовна Халхарова ; Бурятский государственный университет. – Улан-Удэ, 2007. – 163 с. – Текст : непосредственный.

335. Хамутаев, В. А. Национальный вопрос в Бурятии: в 1980-2000 гг. / В. А. Хамутаев. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – 390 с. – ISBN: 978-5-7925-0273-4. – Текст : непосредственный.

336. Хантингтон, С. Политический порядок в меняющемся мире / С. Хантингтон ; пер. с англ. В.Р. Рокитянского. – Москва : Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с. – ISBN: 5-898-26-194-Х. – Текст : непосредственный.

337. Хапсироков, Х. Х. Пути развития адыгских литератур / Х. Х. Хапсироков. – Черкеск : Карачаево-Черкес. отд-ние Ставроп. кн. изд-ва, 1968. – 267 с. – Текст : непосредственный.

338. Хаптахаев, П. Т. Краткий очерк бурят-монгольского народа : в 2 частях. Часть 1-2. / П. Т. Хаптахаев. – Улан-Удэ : Бур. кн. изд-во, 1942. – 72 с. – Текст : непосредственный.

339. Харитонова, О. Г. Этнические войны и постконфликтная демократия / О. Г. Харитонова. – Текст : непосредственный // Политическая наука. – 2016. – № 1. – С. 34-59. – ISSN: 1998-1775.

340. Хузина, Т. Е. Предметный мир советской живописи 1930-х годов: семантический анализ : автореф. дис. ...канд. искусствоведения : 17.00.09 / Татьяна Евгеньевна Хузина ; Санкт-Петербургский ос. университет профсоюзов. – Санкт-Петербург, 2009. – 24 с.– Текст : непосредственный.

341. Цибилов, Б. Д. Бурятские ученые национал-демократы / Б. Д. Цибилов. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. – 249 с. – ISBN: 5-7925-0122-х. – Текст : непосредственный.

342. Цибилов, Б. Д. Ильич у колыбели бурятской государственности / Б. Д. Цибилов. – Текст : непосредственный // Правда Бурятии. – 1967. – 11 ноября.

343. Цыбиков, Г. Ц. Монгольская письменность, как орудие национальной культуры / Г. Ц. Цыбиков. – Текст : непосредственный // Бурятияведение. – 1926. – № 1-3 (5-7). – С. 11-27.

344. Цыбиков, Г. Ц. О новом бурят-монгольском алфавите / Г. Ц. Цыбиков. – Текст : непосредственный // Бурятоведческий сборник. – 1929. – Вып. 5. – С. 54-57.

345. Цыжилов, Э. Б. История политических репрессий в Бурят-Монголии. 1928-июнь 1941 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Этигил Барадиевич Цыжилов ; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Бурятского научного центра СО РАН. – Улан-Удэ, 2006. – 196 с. – Текст : непосредственный.

346. Цыжилов, Э. Б. История политических репрессий в Бурят-Монголии. (1928-июнь 1941 г.) / Э. Б. Цыжилов. – Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ, 2012. – 284 с. – Текст : непосредственный.

347. Цыремпилова, И. С. Религия и власть в республике Буряти: история взаимоотношений (1917-1940 гг.) / И. С. Цыремпилова. – Улан-Удэ : Изд.- полигр. комплекс ВСГАКИ, 2000. – 162 с. – Текст : непосредственный.

348. Цыренова, З. Е. Традиционная культура коренных народов Восточной Сибири в советский период: опыт сохранения и развития : дис. ...д-ра ист. наук : 07.00.02 / Зинаида Егоровна Цыренова ; Бурятский государственный университет.– Улан-Удэ, 2007. – 476 с. – Текст : непосредственный.

349. Чавчавадзе, Н. З. Культура и ценности / Н. З. Чавчадзе. – Тбилиси : Мецниереба, 1984. – 170 с. – Текст : непосредственный.

350. Чельшев, Е. П. Художественная культура семидесятых годов как научная проблема / Е. П. Чельшев. – Текст : непосредственный // Художественная жизнь России 1970-х гг. как системное целое. – Санкт-Петербург : Алтайя, 2001. – С. 10-19. – ISBN: 5-89329-442-4.

351. Чернядьева, Н. А. Международный терроризм: происхождение, эволюция, актуальные вопросы правового противодействия / Н. А.

Чернядьева. – Москва : ООО Проспект, 2019. – 382 с. – ISBN: 978-5-392-29-757-3. – Текст : непосредственный.

352. Шагдаров, Л. Д. Развитие бурятского литературного языка в Советскую эпоху / Л. Д. Шагдаров. – Текст : непосредственный // Развитие литературных языков народов Сибири в Советскую эпоху. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1965. – С. 36-52.

353. Шаззо, К. Художественный конфликт и эволюция жанров в адыгских литературах / К. Шаззо. – Тбилиси : Мецниереба, 1978. – 237 с. – Текст : непосредственный.

354. Шапинская, Е. И. Образ Другого в текстах культуры / Е. И. Шапинская. – Москва : КРАСАНД, 2012. – 216 с. – ISBN: 978-5-396-00417-7. – Текст : непосредственный.

355. Шапинская, Е. И. Социальная теория сегодня: некоторые проблемы и подходы / Е. И. Шапинская. – Текст : непосредственный // Личность. Культура. Общество. – 2005. – № 1 (25). – С. 351-375. – ISSN: 1606-951X.

356. Швейцер, А. Благоговение перед жизнью / А. Швейцер. – Москва : Прогресс, 1992. – 575 с. – ISBN: 5-01-002083-1. – Текст : непосредственный.

357. Шендрик, А. И. Культура в мире : драма бытия / А. И. Шендрик. – Москва : Изд-во Моск. Гуманит. Ун-та, 2007. – 704 с. – ISBN: 978-5-98079-271-8. – Текст : непосредственный.

358. Шиллер, Ф. Собрание сочинений : в 7 томах. Том 6 / Ф. Шиллер. – Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1957. – 793 с. – Текст : непосредственный.

359. Шиловский, М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917—1920 гг. / М. В. Шиловский. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2003. – 427 с. – ISBN: 5-87550-150-2. – Текст : непосредственный.

360. Шиловский, М. В. «Национальная идея» Элбек-Доржи Ринчино / М. В. Шиловский // Элбек-Доржи Ринчино и народно-демократическое

движение в России и Центральной Азии в XX веке. – Улан-Удэ : Курумкан. тип., 1998. – С. 9-12. – Текст : непосредственный.

361. Ширапов, Ю. С. Бурятская интеллигенция и общественно-политическая мысль в Бурятии в начале XX в. / Ю. С. Ширапов. – Улан-Удэ : Изд-во обществ.-науч. центра «Сибирь», 1993. – 47 с. – Текст : непосредственный.

362. Ширапов, Ю. С. Бурятская интеллигенция и религиозная традиция // Национальная интеллигенция и духовенство: история и современность. – Улан-Удэ, 1994. – 133 с. – Текст : непосредственный.

363. Шопенгауэр, О. Мир как воля и представление / О. Шопенгауэр; пер. Айхенвальд Ю. Е. – Минск : Харвест, 2011. – 848 с. – ISBN: 978-985-16-9785-0. – Текст : непосредственный.

364. Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер. – Москва : Мысль, 1993. – 672 с. – ISBN: 5-244-00656-8. – Текст : непосредственный.

365. Штуден, Л. Л. Репрессированная культура / Л. Л. Штуден. – Текст : непосредственный // Вестник НГУЭУ. – 2010. – № 2. – С. 125-133. – ISSN: 2073-6495.

366. Щепанская, Т. Б. Традиции городских субкультур / Т. Б. Щепанская. – Текст : электронный // Современный городской фольклор. – Москва : РГГУ, 2003. – С. 34-85. – URL: <http://www.poehalynarod.ru/subcult-f.htm>. (дата обращения: 12.06.2017).

367. Энциклопедии права. – Текст : электронный. – URL: https://encyclopediya_prava.academic.ru/4923. (дата обращения: 5.02.2018).

368. Эльбиздукаева, Т. У. Социально-экономическое, политическое и культурное развитие Чечни и Ингушетии в 1920-1930-е годы : дис. ...д-ра ист. наук : 07.00.02 / Тамара Умаровна Эльбиздукаева ; Южный федеральный институт. – Текст : электронный. – Ростов-на-Дону, 2013. – 396 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005095395. – Режим доступа : Национальная электронная библиотека.

369. Эрлихман, В. Полвека без вождя / В. Эрлихман. – Текст :

непосредственный // Родина: российский исторический иллюстрированный журнал. – 2003. – № 2. – С. 36-40. – ISSN: 0235-7089.

370. Эстетическое и художественное образование в Бурятии / Т. Б. Будаева, О. И. Пазников, С. Б. Самбуева, М. Ц. Гончикова [и др.] – Улан-Удэ: Изд-во Бур. гос. ун-та, 2014. – 256 с. – ISBN: 978-5-9793-0713-8. – Текст : непосредственный.

371. Юрганов, Ю. Л. Как товарищ Сталин стал руководить литературным фронтом / Ю. Л. Юрганов. – Текст : электронный // Россия и современный мир, 2017. – № 4. – С. 200-221. – ISSN: 1726-5223. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30162293>. (дата обращения: 04.02.2017). – Режим доступа : Научная электронная библиотека: eLIBRARY.RU.

372. Юрганов, Ю. Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма / Ю. Л. Юрганов. – Москва : РГГУ, 2011. – 765 с. – ISBN: 978-5-7281-1123-8. – Текст : непосредственный.

373. Явчуновский, Я. И. Драма вчера и сегодня: жанровая динамика / Я. И. Явчуновский. – Саратов : Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1980. – 254 с. – Текст : непосредственный.

374. Яковенко, И. Г. Россия и репрессия: репрессивная компонента отечественной культуры / И. Г. Яковенко. – Москва : Новый хронограф, 2011. – 336 с. – ISBN: 978-5-94881-157-4. – Текст : непосредственный.

375. Ярошевский, М. Г. Сталинизм и судьбы советской науки / М. Г. Ярошевский // Репрессированная наука. – Ленинград : Наука, 1991. – С. 9-33. – Текст : непосредственный.